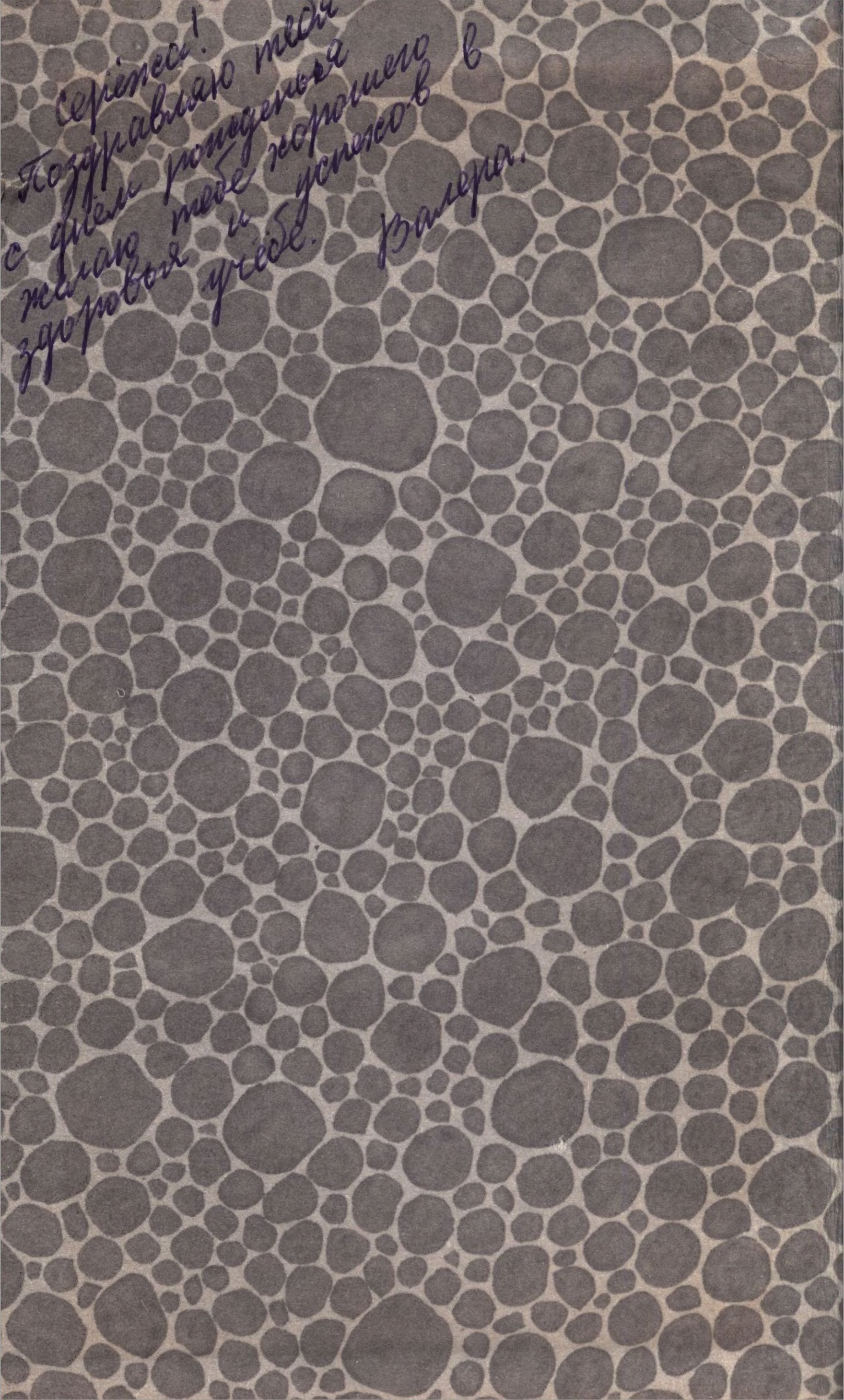
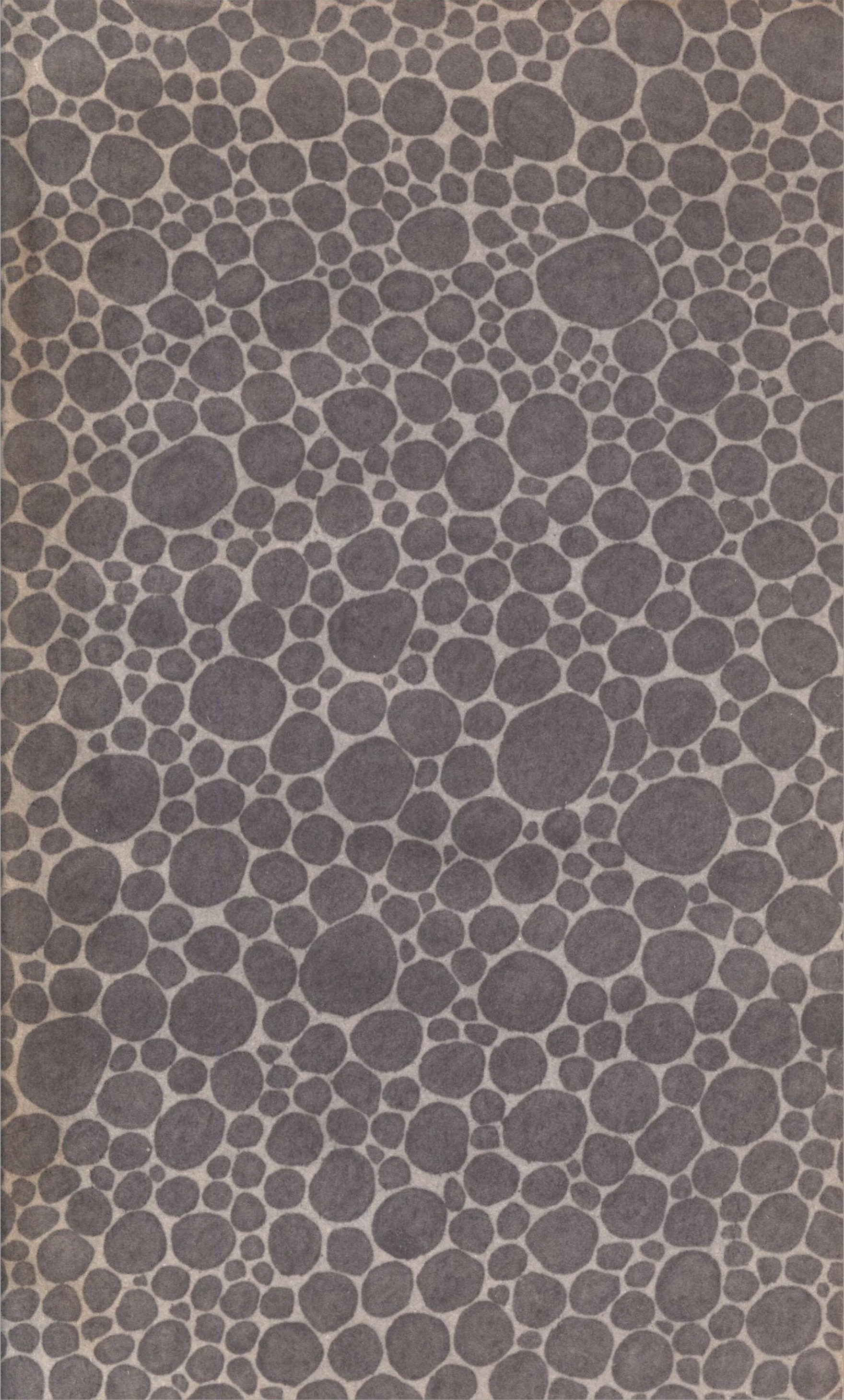

С. Захаров

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ

Серёжа!
Поздравляю тебя
с днём рождения
желаю тебе хорошего
здоровья и успехов в
учёбе.
Валера.

С. ЗАХАРОВ

ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ

Повесть

Свердловск
Средне-Уральское книжное издательство
1976

Р2
З-38

З $\frac{70803-071}{М 158(03)-76}$

© Средне-Уральское книжное издательство, 1976

I

Шел 1919 год...

Дивизия покидала город, и на сердце у Каменцева было тяжело.

Эх, яблочка,
Да на заказ она!
Выступает во поход
Дивизия Азина...—

пели бойцы проходящих мимо него рот.

Позавчера Каменцева срочно вызвал комиссар дивизии и сказал:

— С сегодняшнего дня поступаете в распоряжение местного ревкома... Вы где возглавляли милицию сразу после Октябрьской революции?

— В Бердюгинске, товарищ комиссар, — несколько растерянно ответил Каменцев.

— Колчак бежит в Сибирь, но к Москве с юга рвется Деникин. Дивизию перебрасывают на Южный фронт... А вы назначены начальником местной милиции. Нас просили об этом товарищи из ревкома.

— Товарищ комиссар, я давно служу в политотделе, и теперь... Теперь, когда дивизия идет бить Деникина, я должен в незнакомом городе с неизвестными мне товарищами...

— Не думайте плохо о здешних товарищах, — прервал Каменцева комиссар. — То, что вас назначают начальником милиции, считайте приказом партии.

— Есть! — четко произнес Каменцев...

Но тем не менее когда дивизия, освободительница города, уходила под звуки боевого марша в сторону Московского тракта, Каменцев не один раз вздохнул.

Политотдел дивизии давно стал его второй семьей. В политотделе все было близко и знакомо. А сейчас опять нужно браться за хлопотливое милицейское дело...

По вечерам в городе жутко завывал осенний ветер. Противно хлопали непривязанные ставни в окнах домов, владельцы которых бежали с отступающими колчаковцами. Ночами царила непробиваемая темнота: электроэнергии не хватало. И вооруженная наганами и обрезами, словно тараканы, вылезала из щелей всякая шпана и недобитая белогвардейщина.

— Коммунизм мы не так скоро построим, поэтому нашей стране без милиции еще нельзя, — сказали Каменцеву в ревкоме. — Борьба и в глубоком тылу предстоит не на жизнь, а на смерть...

...Каждый, кто получал из рук Каменцева милицейское удостоверение, давал и подписывал торжественное обещание:

«1. Я, сын трудового народа, гражданин Советской республики, принимаю на себя звание милиционера Рабоче-Крестьянской Милиции.

2. Перед лицом трудящихся классов России и всего мира обязуюсь носить это звание с честью, добросовестно изучить дело милиции и как зеницу ока охранять народное имущество от порчи и расхищения.

3. Обязуюсь строго и неуклонно соблюдать революционную дисциплину и беспрекословно выполнять все приказы начальников, поставленных Властью Рабоче-Крестьянского Правительства.

4. Если по злому умыслу отступлю от этого торжественного обещания, то да будет моим уделом всеобщее презрение и да покарает меня рука революционного закона...»

— С душой придумано, — сказал Каменцеву широкоплечий высокий человек, одетый в кавалерийскую шинель, выводя с достоинством под торжественным обещанием свою подпись «Никифоров».

Каменцев, ставший теперь, в 1921 году, уже начальником губернской милиции, глядя на Никифорова, невольно улыбнулся. Была в Никифорове какая-то скрытая сила, которую Каменцев не мог объяснить, но которая располагала к доверию и вселяла чувство надежности в каждого, кто оказывался с ним рядом.

...А через три дня Никифоров и еще несколько милиционеров, маскируясь, осторожно приближались к полуразрушенной землянке на северной окраине города. Там засели бандиты во главе с бывшим семинаристом Самарием.

Из землянки раздались выстрелы. Милиционеры прыгнули в канаву. Но бандиты больше не стреляли, а начали орать, что намерены сдаваться.

Сам Самарий с поднятыми руками выполз из землянки, за ним показался другой бандит, за вторым — третий. Когда со страдальческими лицами они приблизились к милиционерам, то Самарий, дико взвизгнув, кинулся на Никифорова. Но тот, казалось, этого только и ждал, и семинарист, запнувшись о подставленную ногу, полетел на дно канавы.

Хитрость бандитам не удалась. Они думали разоружить милиционеров, но сами попали впросак... Вечером Каменцев благодарил Никифорова и его товарищей за удачное задержание банды Самария.

После ряда успешно завершенных операций стал Никифоров начальником уголовного розыска.

— Почему именно я? — только и спросил он, когда узнал о назначении.

— Видимо, по тому же самому, почему я начальник губмилиции, — последовал ответ Каменцева. — Оба мы с тобой коммунисты... Начинать, к сожалению, придется с пустого места. Пока у нас есть лишь нормативный акт Народного комиссариата внутренних дел — «Положение о следственно-розыскной милиции»... Постарайся обойтись без услуг бывших чинов сыскного отделения... Да, вчера я был на общем собрании завода «Металлист». Рабочие бурно критиковали нас за то, что в городе до сих пор много разной нечисти. И почти все рабочие вызвались добровольно принять участие в облаве, которую мы успешно провели ночью... Но облава есть облава, операция массовая. А тебе, Валерий, предстоит начинать непосредственно розыскную работу по выявлению преступников. Это гораздо труднее.

— Понятно! — стараясь не показать волнения, только и произнес Никифоров.

II

Прошло полтора года... В одно из вьюжных февральских воскресений в клубе бывшей Макаровской царило необычное оживление. Готовились к вечеру-спайке сотрудников уголовного розыска с рабочими этой текстильной фабрики, где комсомольцы отличались активностью и боевитостью.

Ее приземистые кирпичные корпуса стояли на восточной окраине города, у самого соснового леса. Раньше хозяевами тут были купцы первой гильдии братья Макаровы: Василий и Иван. Кроме текстильной фабрики, владели они еще мельницей на Исетском пруду и многочисленными магазинами по всему Уралу.

В семнадцатом году братьев-купцов под улюлюканье толпы вывезли через главные ворота на тачке. И хоть вернулись они потом с белыми, царство их продолжалось недолго. Правда, на вывеске и во всех документах изгнанные братья поминались до сих пор: официально фабрика звалась бывшая Макаровская...

В недавно выстроенном большом деревянном клубе комсомольцы постарались к вечеру-спайке украсить сцену и зрительный зал флажками, свежими еловыми ветками, плакатами и лозунгами, написанными на кумаче.

«Быть постоянно на посту завоеваний Октябрьской революции — одна из главных задач Рабоче-Крестьянской Милиции!»

«Все, что добыто кровью и жизнями многих тысяч лучших сынов трудовой России, — все это отдается под охрану красному милиционеру!»

«Уральская милиция была, есть и будет верным стражем внутреннего порядка и спокойствия Урала!»

«Дело уголовного розыска в царской России, бывшее в жестоких тисках жандармерии и полиции, не могло достичь той высоты, на которой оно находится в пролетарском государстве!»

Крупно, броско белели буквы на свежем кумаче, слова запоминались. Чтобы найти эти тексты, секретарь комсомольской ячейки Вадим Почуткин выпросил у библиотекаря Фаддея Владимировича ключи от шкафов и просидел целую ночь над книгами и газетами.

...Застрельщиком таких вечеров был тогда Петро-

град. Работники петроградской милиции приходили на заводы и фабрики и рассказывали о делах и людях райотделений, уголовного розыска, ведомственной охраны, конного резерва. На этих собраниях торжественно чествовали лучших милиционеров и рабочих, героев борьбы и труда. Кончались вечера-спайки обычно самодеятельными концертами.

А почему уральцы должны отставать от питерцев? И на Макаровскую фабрику отправилась делегация.

— Макаровская фабрика — королевство женщин, — пошутил Каменцев, когда услышал, что Никифоров и его сотрудники идут именно туда. — Мужчин там меньше половины! Мечтаете своим присутствием, видно, это несоответствие выравнять?

— А мы, Николай Яковлевич, — усмехнулся Никифоров, — и женщин, наших сотрудниц, с собой берем. Так что пропорция не изменится!

И директор фабрики, и партийная ячейка, и комсомольская охотно откликнулись на предложение делегации. А уж о Вадиме Почуткине и говорить нечего! Этот вихрастый крепыш никому покоя не дал, взбудоражил всю фабрику. Как в атаку, кинулся он в «массовую агитационно-разъяснительную работу».

— Ну вот ты... или ты — скажи, какая у нас главная задача? — гремел он над ухом какого-нибудь незадачливого собеседника.

И пока тот собирался с мыслями, Вадим, разрубая ладонью воздух, отвечал:

— Очень простая цель — двигаться вперед, к намеченной обществом цели! Так? А это значит, что мы должны объединиться с красными милиционерами и решительно бороться с той отрицаловкой, которая путается под ногами и мешает нам идти вперед! Ясно?

— Ясно...

А Вадим уже снова гремел над чьим-то ухом, разъяснял, призывал. Словом, комсомольский секретарь знал свое дело. Не прошло и двух недель, и вот клуб уже готов к встрече гостей.

Гости же в свою очередь отнеслись к приглашению торжественно и серьезно. Все сотрудники уголовного розыска пришли на вечер-спайку в только что выданной новой форме, строем, при оружии, со знаменем и духовым оркестром губернского управления милиции.

А у клуба их уже ждали. Как только первый ряд показался из ближнего переулка, Почуткин, махнув лисьим треухом, закричал с верхних ступенек крыльца:

— Да здравствует наша милиция, младшая сестра Красной Армии! Да здравствует связь милицейской шинели с рабочей тужуркой! Ура-а!

— Ура-а! — дружно раздалось в ответ.

Держа равнение на импровизированную трибуну-крыльцо, колонна уголовного розыска, дружно отбивая шаг под звуки марша «Старый товарищ», прошла под восхищенными взглядами чеканно четким хорошим строем...

— Очень мы вас ждали, — радостно улыбался в клубной раздевалке Почуткин, с особенным удовольствием пожимая руку Юрию Закне и с завистью разглядывая кобуру, из которой виднелась рукоятка нагана со шнуром.

Юрий только розовел от смущения. Давно ли он сам работал на этой фабрике, был таким же слесарем-ремонтником, как и Вадим Почуткин? А теперь с каким открытым восхищением и интересом смотрят на него бывшие товарищи. Еще бы! Работник уголовного розыска... Но ведь он еще ничего не сделал, ему не о чем рассказать, если спросят. И как спасение, в раздевалку, потрясая колокольчиком, влетел шустрый паренек:

— В зал, в зал! Все в зал!

— Пошли, товарищи, пошли! — начал распоряжаться неугомонный Почуткин. — Нас ждут!..

Первым слово взял директор фабрики. Он коротко проинформировал, как работает фабрика в условиях новой экономической политики, как добивается смычки социалистической экономики с крестьянской, как конкурирует с частным сектором, как набирает опыт и умение хозяйничать. Говорил и о том, что порой еще не хватает сырья, топлива...

— Но мы не жалуемся, товарищи, и не паникуем,— признавался директор. — Хотя забот и хлопот у нас полон рот. Мы чуем, что по вашей милицейской службе их в сто раз больше: вы воюете и со спекуляцией, и с бродяжничеством, и с хулиганством, и с бандитизмом... Да товарищ Никифоров сам об этом расскажет...

Никифоров вместе с Каменцевым еще вчера наметили вопросы, на которых надо остановиться. И, сменив

директора на небольшой, затянутой красной материей трибуне, он напомнил, как организовалась милиция, чем она отличается от царской полиции, какова ее роль в сегодняшнем социалистическом строительстве и в чем вообще заключается служба уголовного розыска.

— Нельзя признавать работу милиции ладной, — говорил Никифоров, — если плохо действует уголовный розыск. Хотя теперь на Урале мало кто из попрятавшихся недобитых беляков рискнет на открытое контрреволюционное выступление. Но вот бандиты, воры, спекулянты, самогонщики и прочая вражья муть наносят большой вред...

И он не спеша начал рассказывать, как борется уголовный розыск с этими преступлениями. Начальника слушали внимательно; Никифоров то и дело осматривал притихший зал и замечал, с каким интересом относятся к его словам комсомольцы. Правда, для них все это, наверно, увлекательные истории. И поймут ли они из рассказа, как нелегок труд уголовного розыска, из каких порой совсем неприметных дел он складывается.

Но стоило Никифорову заговорить о самогоне, как послышались взволнованные женские голоса:

— Нужно постановление вынести, чтобы с фабрики гнать всех, кто пьет или варит самогон.

— И работа страдает, и семья ревет...

— А чего на милицию кивать? Завком зачем? Справимся.

— Другое беспокоит, — сказал поднявшийся со второго ряда старик. — Грабят по ночам...

— Есть факты, — ответил Никифоров. — Мы у себя, в уголовном розыске, каждый случай разбираем. Но в районе фабрики вроде бы тихо...

— Я, извиняюсь, — смутился старик, — не про макаровские кварталы разговор... Речи тут быть не может.

— А почему?

— Как, извиняюсь, почему? Не грабят у нас. Мы здешних лиходеев по пальцам знаем. Попробуют пущай только...

— Когда наша комсомолия, — вмешался Почуткин, ероша свои волосы, — после абонементного спектакля из оперного театра домой с песнями идет, то вся отрицаловка в подворотнях прячется... Да, да! Чует, что с нами шутки плохи...

— Вы, ребята, я вижу, боевые! — улыбнулся Никифоров. — И хорошо, что в вашем районе чисто, но надо и другое помнить. В воровских компаниях есть люди случайные: беспризорники и безработные, приехавшие на поденщину молодые сельчане, беженцы из голодающих губерний. Старые преступники-рецидивисты их заманивают, шантажируют и заставляют «работать» на себя. Наша задача не только карать преступников. Милиция обязана удвоить, утроить свою воспитательную работу, и тут вы должны нам помочь...

— Понятно, — откликнулся Вадим Почуткин. — Мы вообще-то кое-что пытаемся делать. Вот, помните, наша фабрика под Новый год проводила неделю помощи по устройству беспризорных подростков? Немало ребят удалось препроводить в детприемники... Я и мой приятель машинист Яненков тогда со многими из них беседовали. Они только с виду кичатся своей свободой, а сами рады куда-нибудь прибиться... Чтоб горячее есть и спать по-людски. Что же ждет таких ребят?

— Судьба таких ребят на нашей совести, — твердо заявил Никифоров.

— На общей всенародной совести, — задумчиво произнес все тот же старик из второго ряда. — Всех и каждого надо пристроить! И вообще порядку надо способствовать...

— Правильно думаешь, дед Андрей! — поддакнул Почуткин.

— Точно! — поддержал старика и солидный рабочий в новом сером пиджаке. — Помогать милиции во всем надо! Она ведь наша, красная, для нас старается. И дело наше — общее. Верно?

— Надо перво-наперво комсомольские отряды учредить на улицах и не только на нашей окраине! — добавил совсем молодой парень.

— Вообще предлагаю считать нас постоянным и безотказным резервом милиции! Так, товарищи? — подхватил неугомонный Почуткин. И ответом ему были дружные аплодисменты.

И Никифоров с радостью понял — главное, о чем он здесь говорил, дошло до зала. Не зря, выходит, предложили вечер-спайку. Для начала, значит, уже есть за что зацепиться. А уголовному розыску нужно будет личным примером поднимать общественность на борь-

бу с преступлениями и на профилактику... «Да с такой силищей чего не одолеешь?» — думал он, оглядывая зал. И тут же с тревогой вспомнил о тех, кто нынче остался дежурить. Как там у них?

Многое говорилось в тот вечер со сцены и прямо с мест. И Никифоров чувствовал, что энтузиазма у рабочих бывшей Макаровской, веры в правоту своего дела хоть отбавляй... Занимать на стороне не придется!

После того как все дружно спели «Интернационал», слово взял Почуткин:

— Товарищи, далеко не расходитесь! Сейчас будет концерт. Какой — оцените сами. Хвастать не хочу...

— Погасить свет! — распорядился мужской голос.

Через минуту в зале стало темно, послышался удар гонга, и, шурша, пополз занавес. Милицейский духовой оркестр сыграл небольшое вступление, и на сцену, освещенную закулисными прожекторами, в измятом офицерском кителе с погонами прапорщика и в клетчатых брюках, на которых белыми нитками были пришиты лампасы из бордового ситца, вышел Почуткин. Все, конечно, сразу поняли, что перед ними — контрреволюционный генерал. Да и сам Почуткин, откашлявшись, громогласно объявил:

— «Манифест генерала барона фон Врангеля». Эту штучку списал и опубликовал наш пролетарский поэт Демьян Бедный!

И он, важно заложив одну руку за борт кителя, начал:

Ихь фанге ан. Я нашинаю.
Эс ист для всех советских мест,
Для русских люд из краю в краю
Баронский унзер манифест...

Декламировал он по-любительски, с пафосом, усиленно нажимая на немецкий акцент барона:

Вам будут слезы ошень литься.
Порядок старый караша!
Ви в кирхен будете молиться
За майне русские душа...

Однако последние строфы:

Барон фон Врангель, бестолковый,
Антантой признанный на треть,
Сдавайся мне на шестный слово.
А там... мы будем посмотреть!! —

были прочитаны им с таким гневом, такое строгое стало у него вдруг лицо, что слушатели, не выдержав, поднялись с мест и наградили Почуткина громкими продолжительными аплодисментами.

Среди фабричных комсомольцев нашлось много певцов, плясунов, декламаторов. Объявился даже собственный поэт. Правда, голос у поэта не в пример почуткинскому был писклявый, но в зале стояла уважительная тишина. Он читал антиполицейскую поэму:

...Слуги верные старались,
Фараонами все звались,
Били плетками народ,
Чтоб внушать к себе почет...

Читал он долго и вдруг, вытерев ладонью вспотевший лоб, неожиданно для всех признался:

— Покамест хватит!.. Вторую часть поэмы я еще не надумал...

— Ясно! — крикнули из зала. — Дальше про Октябрьскую революцию будет.

— Если все ясно, выходит, больше и сочинять не надо... — заявил поэт под общий хохот...

Словом, концерт удался. Все были довольны. После небольшого перерыва ожидались танцы.

III

— Вальс! Первый вальс! — сложив руки рупором, громко провозгласил Вадим Почуткин.

Капельмейстер милицейского духового оркестра взмахнул дирижерской палочкой, и из медных труб полились плавные и рыдающие звуки вальса «Грусть».

Каменцев был прав, говоря Никифорову, что «Макаровская фабрика — королевство женщин». Даже присутствующие сегодня сотрудники уголовного розыска и те растворились в этом «королевстве». Кавалеров явно не хватало, и на нетанцующего и смущенно теребящего пуговицы Юрия многие из «королев» поглядывали с нескрываемым ожиданием.

Открывали вальс Яша Терихов, друг Юрия, и секретарша начальника уголовного розыска Ася. Яша ловко кружил свою даму, ремни на его черной гимнастерке

с красными петлицами поскрипывали, начищенные сапоги блестели.

За ними, выделывая ногами замысловатые па и уверенно держа за талию сероглазую блондинку небольшого роста, следовал Почуткин, за Почуткиным — старший милиционер Егор Иванович Тюленев с пожилой дородной текстильщицей.

— На танцах надо танцевать, а не изучать потолок,— услышал Юрий чей-то смешливый голос.

Вздрогнув, он нерешительно обернулся и, увидев тоненькую черноволосую девушку, невольно принял бравую позу.

Юрий помнил многих своих сверстниц с фабрики если не по имени, так по фамилии, эту же никогда раньше не встречал ни в цехах, ни на собраниях, ни в клубе. То, что девушка была в красной косынке, парня не удивило (красные косынки носили почти все женщины Макаровской фабрики), его поразили хромовые фасонистые сапожки на каблучках. Остальные девчата щеголяли в простых шнурованных ботинках, кое-кто был даже в пимах.

— Почему вы так смотрите на мои сапоги? — прежним тоном спросила девушка. — Они вам не нравятся?

— Нет, почему, — начал робко Юрий. — Сапоги мне очень нравятся.

— Знаете, когда в нашем детском доме был выпуск воспитанников, — продолжала девушка, — то всем подарили по паре таких сапог... Заведующий раздобыл...

— Вы жили в детском доме?

— Ага... А вы, говорят, раньше здесь работали?

Юрий радостно кивнул.

— Нам в детском доме с биржи труда разные направления прислали. Биржа труда над нашим детским домом шефствовала... Мы стали тянуть жребий, и я вытащила направление сюда, на фабрику... Вас Юрием зовут?

Юрий кивнул снова, злясь на себя за робость.

— А меня Тамарой... Пойдемте танцевать?

— Танцевать?

— А что?

— Я... Я скверно танцую.

— Я вас научу... Только слушайтесь, и дело пойдет...

Тамара была легкой и ловкой. Тем не менее Юрий,

испуганно втянув голову в плечи, все время умудрялся натыкаться на соседние пары.

— Не тушуйтесь! — серьезно сказала Тамара. — Скоро мы так растанцуемся, что все нам станут завидовать.

— Обязательно! — пыхтя согласился Юрий и... наступил Тамаре на носок сапожка.

— Я не почувствовала, не почувствовала! — успокоила она незадачливого кавалера. — Знаете, когда мы в детском доме учились танцевать, так все ноги друг другу пообступали... Заведующий первоначально нам вальсировать не разрешал, спать гнал... А мы всей комнатой ночью встанем, подыграем себе на губах какой-нибудь веселый мотив — и вертимся, вертимся... В конце концов заведующий поверил, что в танцах никаких старорежимных предрассудков нет, и даже специального учителя из бывших буржуев нанял...

— Может, вам надоело со мной танцевать? — жалобно шепнул Юрий. Ему показалось, что он опять наступил партнерше на носок.

— Нет, нет! — заверила Тамара. — Знаете, здесь, на комсомольском бюро, тоже долго спорили: можно ли фабричным ребятам танцевать, когда страна только-только из разрухи начала выходить. Ведь дела поважнее есть. И о мировой революции кто думать станет? А что?.. Были и такие разговоры... Ну, Вадим Почуткин всех, конечно, убедил, сказав, что хуже будет, если союзная и несоюзная молодежь начнет свой досуг проводить одиночным манером по всяким мещанским клетушкам и каморкам... Молодежи ведь веселья хочется!.. Почему ей нельзя в своем коллективе отдохнуть и повеселиться?.. Большинством голосов танцы в клубе затвердили...

Медь духового оркестра неожиданно смолкла. Несколько секунд в зале стояла тишина: танцующие не могли прийти в себя после такого бурного вальса.

Вскоре грянул веселый зажигательный краковяк. Тамара, топнув несколько раз в такт музыке каблучками сапожек, выжидающе глядела на Юрия. Но, пока Юрий смущенно «изучал потолок» и решал: демонстрировать ему вновь свои танцевальные способности или нет, к ним подлетел Борис Котов, обнял Тамару за талию и в момент исчез с ней в толпе.

Юрий старался отыскать в кругу танцующих Тама-

рину косынку, но не мог. Косынки алели по всему залу. Да тут еще какая-то бойкая девушка пристыдила его, сказав, что нехорошо, когда такой степенный мужчина не танцует, и «степенному мужчине» ничего не оставалось, как войти в общий круг.

К счастью Юрия, капельмейстер решил дать отдых музыкантам, и был объявлен десятиминутный перерыв. Но только Юрий собрался отправиться на поиски Тамары, как его тронул за портупею Яша Терихов:

— Пойдем-ка, покурим...

— Да я...

— Пойдем, пойдем на крыльцо!.. Здесь, понимаешь, жарко. Проветриться не мешает...

IV

Никифоров не принимал участия в танцах. В то время, когда зал клуба Макаровской фабрики дрожал от медных тарелок и топота ног, он в коридоре беседовал с пожилыми рабочими. Его спрашивали о многом: и о провокациях петлюровцев на советско-польской границе, и о чеканке серебряных и медных монет, и о «вольной» торговле, и о смычке с деревней, и об Ирбитской ярмарке. И начальник угро старался поделиться новостями, какими мог.

Собеседники Никифорова в знак согласия кивали и вздыхали. Ведь немало стране надо! Хозяйство-то начали восстанавливать, по сути дела, на пустом месте. И сколько предстоит сделать? Хлеб, к примеру, нужен? Нужен. А обувь, одежда, топливо, станки, паровозы, автомобили, аэропланы, деньги? Все нужно.

Услышав, что начальника уголовного розыска срочно вызывают в кабинет директора к телефону, дед Андрей с горечью пробурчал:

— И здеся тебе, сердешный, покоя нет... Распорядился бы передать, дескать, меня не нашли... Желаешь, я пойду и так отвечу?

— Нельзя, дедушка! — улыбнулся Никифоров. — Служба наша не позволяет обманывать.

— Ежели, конечно, служба, — со вздохом согласился дед Андрей, — тогда ладно... Хорошо больно ты рассказываешь...

А в зале Вадим Почуткин, воспользовавшись тем, что музыканты отдыхали, выскочил на середину.

— Товарищи, говорят, песня — душа народа. Давайте, споем.

И, помахав плавно рукой, словно заправский дирижер, затянул:

Мы на митинге с ней повстречалися,
Нас в поход провожать собиралися,
Острым взглядом своим, как иголочка,
Уколола меня комсомолочка...

Со второго куплета Почуткина поддержала Тамара, затем еще несколько голосов, а в конце песни к ним присоединился уже весь зал.

Как раз в этот момент Никифоров осторожно притронулся к плечу своего помощника, старавшегося выводить самые высокие ноты.

— Анатолий, прервись на минуту... Я ухожу...

В полутемной раздевалке Никифоров, накидывая шинель, вполголоса давал распоряжения.

— Ты пока остаешься в клубе, веселье пусть продолжается. А мне тихонько, по одному, вызовешь сюда Котова, Владимирова, Тарабанского...

— Что случилось? — в голосе помощника нескрываемая тревога.

— Телеграфировали с Анциферовского разъезда: вооруженное нападение на вагон первого класса в ирбитском поезде. Ограбили ярмарочных торговцев... Я по телефону велел Рыжову запрячь в розвальни Левшу и встретить нас где-нибудь на Сибирском проспекте...

Около клубного крыльца Никифоров увидел Яшу и Юрия.

— Танцы вас, оказывается, не интересуют? И песни тоже? — строго сказал он, вытаскивая из своих карманов перчатки. — И простудиться не боитесь?.. А ну, марш за шинелями и шапками! И будем, как говорится, в полной боевой готовности. Сбор здесь.

Мороз в этот февральский вечер был не особенно сильный. Давая на ходу необходимые разъяснения, Никифоров почти бежал по дороге. Остальные едва поспевали за ним.

Угрозовские розвальни ждали оперативников на углу Сибирского проспекта и Второй Восточной улицы.

— На вокзал! Гони во всю мочь! — приказал Никифоров кучеру. — Мы должны обязательно поспеть к поезду.

Уже в розвальнях он распределил между всеми сегодняшние обязанности. Яше и Юрию было поручено не подпускать посторонних к вагону, в котором ограбили пассажиров. Конечно, и тому, и другому это поручение пришлось не по душе. Оба мечтали о более серьезном деле...

V

Когда Никифоров думал, что из Петроградской школы комсостава милиции к нему, несмотря на его просьбу, в ближайшее время не пришлют никого из выпускников, что обещанного ждут три года, он был не прав. Как раз о его заявке в этой школе помнили и искали среди курсантов подходящую кандидатуру. И выбор пал на Феликса Красовского...

...В девятом году по приговору царского суда отца Феликса, участника подпольной уральской социал-демократической группы, сослали на пять лет к Белому морю, в уездный город Кемь. Мать Феликса через некоторое время сумела добиться у министра внутренних дел разрешения, чтобы вместе с сыном уехать к мужу. Добирались они туда с большими трудностями. Из Архангельска наняли лошадей, потом шли пешком; перед Кемью, совсем обессиленные, встретили оленьи нарты. Это их и спасло.

Казенного мизерного пособия, полагавшегося отцу, на семью не хватало. А жизнь в затерянном на краю России городишке была невеселая и дорогая. Картошка и капуста ценились там на вес золота. Поэтому приходилось частенько подрабатывать: вытаскивать из воды бревна для строительства дороги, копать канавы, разгружать баржи...

В январе семнадцатого года мать Феликса, не выдержав трудностей, умерла. И с того времени он был неразлучен с отцом: и в Петрограде, куда они попали вскоре после Февральской революции, и в боях

против генералов Краснова и Юденича, и на польском фронте.

Под Житомиром небольшой красноармейский отряд, которым командовал отец Феликса, угодил в засаду к бандитам из бывших петлюровцев. Отец сразу же упал, скошенный пулеметной очередью, а Феликс, раненный в руку, оказался в плену. Вместе с ним были схвачены еще несколько красноармейцев.

— Украинцы истинные есть?.. Поляки, которые признают пана Пилсудского? — спрашивал пропитым голосом бандитский главарь в генеральской папахе, размахивая палашом. — Коли есть, два шага вперед... Мы со своими не воюем...

Но ни один человек не вышел. Не вышел и Феликс. Хотя в анкетах всегда писался поляком. Правда, родился он не в Польше. Деда его еще в 1863 году за связь с повстанцами отправили из Варшавы «в места не столь отдаленные», на Урал.

Петлюровцы выстроили пленных у сарая, приказали им снять сапоги и расстреляли. Потом главарь в генеральской папахе, всмотревшись вдаль, ошалело крикнул:

— Тикайте!.. Красные!..

Вскочив на коней, перепуганные петлюровцы ускакали. И вот тогда полуживой Феликс выкарабкался из-под трупов. Все товарищи по отряду погибли.

После госпиталя он еще год прослужил в армии; добивал остатки банд, рыскающих по Украине. Из пулемета своей грохочущей тачанки, запряженной лихой четверкой гнедых, Феликс строчил по разным батькам-ангелам и батькам-лютым. Затем его откомандировали в Петроград в школу комсостава милиции. Школа эта первой начала готовить квалифицированные кадры для уголовного розыска страны. На ее алом знамени, рядом с гербом молодой Республики и милицейским значком, золотом горели слова: «Революционная законность, дисциплина, преданность заветам Октябрьской революции».

Успешно окончив школу, Феликс получил назначение на Урал.

— Жалко тебя отпускать из Питера, — признался ему на прощание начальник школы. — Парень ты боевой, да и упорство в учебе хорошее проявил. Но на

Урале наши выпускники очень нужны. А ты сам оттуда, в местных условиях лучше разберешься...

...Все это вспомнилось Феликсу, когда он подъезжал к родному городу. За окном вагона синели Уральские горы, дымились трубы заводов. Вот громыхнула входная стрелка, лязгнули буфера, поезд остановился у знакомого вокзала. Забрав фанерный сундучок, в котором лежали кожаная тужурка, кожаная фуражка и смена белья, Феликс выскочил на перрон. Чтобы оглядеться после долгой отлучки, он решил идти пешком. Но оказалось, что внешне город не изменился. Только у некоторых улиц появились таблички с новыми названиями.

«Замечательно, что Губернаторская названа теперь именем Якова Михайловича Свердлова», — с радостью отметил про себя Феликс.

Отыскать двухэтажное здание уголовного розыска с конусообразной башенкой большого труда не представляло. Башенку эту Феликс помнил еще с тех далеких дней, когда покойная бабушка водила его мимо этого здания в костел.

...Услышав от неизвестного человека в милицейской форме, что ему нужен «лично начальник», дежурный почему-то замялся и неуверенно произнес:

— Товарищ Никифоров руководит важным совещанием... Как упредить, коли срочно?

— Я подожду, — ставя на скамейку сундучок, ответил Феликс и улыбнулся.

Улыбка сделала его лицо совсем юным. И дежурный тоже улыбнулся. Оказывается, этот человек — парень простой. Да и по знакам различия принадлежит не к высшему, а к среднему комсоставу милиции. А то по угрозыску усиленно бродили слухи, что кто-то из «больших» приедет из Москвы и со всей строгостью потребует отчет о проделанной работе.

— Покурим покамест, — более смело сказал дежурный. — Трудно сметить, когда у начальника совещаться кончат.

— Не курю, — честно признался Феликс.

— Не может быть? — удивился дежурный. — У нас почти все курят... А вы сами откуда?

Ответить Феликс не успел. В дежурку с трубкой в зубах быстро вошел субинспектор Владимиров.

— Белкин, — с ходу обратился он к дежурному, — товарищ Никифоров интересовался... — и запнулся, увидев незнакомого человека.

— Товарищу приезжему нужен наш начальник, — пояснил дежурный, кивнув в сторону Феликса.

— Я направлен из Петроградской школы милиции, — встав по стойке «смирно», доложил по уставу Феликс. Владимиров сегодня был в полуматросской одежде, поэтому Феликс не мог сориентироваться в его звании и должности.

— Из Петрограда, с Балтики? — обрадовался Владимиров и запыхтел трубкой. — На флоте там не служили?

И забыв, очевидно, для какой цели пришел в дежурку, воскликнул:

— А почему мы не отдаем концы до товарища Никифорова?.. Живо к нему!..

VI

Приказом по уголовному розыску Феликс был назначен на место погибшего инспектора Ивана Яруша. Никифоров тут же поручил ему возглавить группу, которая занималась делом об ограблении ирбитского поезда. Такое быстрое решение Феликса ошеломило. Правда, в Петрограде во время учебы он бывал и в отделениях милиции, и в уголовном розыске, участвовал в разгроме воровских шаек, проводил аресты и обыски... Но только приехать и сразу самостоятельно руководить оперативной группой?!

А Никифоров, будто читая его мысли, говорил:

— Где мне, кроме тебя, грамотного человека взять? Подскажи?.. Вот Яруш такой был, но Яруш погиб, а больше пока никого нет. Ведь разобраться в истории с поездом нужно по-умелому... Подобных наглых преступлений в округе еще не случалось... И пусть округ наш невелик, и город, прямо заметим, не Петроград, но отыскать бандитов, о которых мы толком ничего не ведаем, будет нелегко... Они, гады, видно, понимают, что значит для Урала и Сибири Ирбитская ярмарка, и своим налетом льстятся спугнуть ярмарочных торговцев... Ты специальную школу за плечами имеешь,

окрестности здешние, как сам докладывал, хорошо помнишь... Тебе и карты в руки... Не забывай, начальник губмилиции этот розыск взял под особый контроль. Какие у тебя, Феликс Янович, соображения?

Феликс уже знал, что всем желающим принять участие в ярмарке по особым заявкам ярмарочного комитета железнодорожные билеты продавались вне очереди. Кроме того, в составе ирбитского поезда теперь курсировал вагон первого класса. Его подремонтировали и заново выкрасили, как полагается по старым правилам, в желтый цвет. Это делалось для приманки богатых нэпачей. Ирбитская ярмарка, открытая после долгого перерыва, могла внести заметный вклад в казну страны, и ярмарком был кровно заинтересован в увеличении ее ежедневного товарооборота...

Листая протоколы допросов, Феликс представил себе, как произошло нападение. Бандиты сели, вернее всего, в разные вагоны и условились заранее, когда надо будет, поодиночке перебраться в вагон первого класса. Ни пассажиры, ни проводники, конечно, в тот момент не обратили на них внимания. Мало ли куда кто идет — может, кому выходить на ближайшей остановке, кто, может, на площадке, на свежем воздухе, покурить захотел. Всех в битком набитых вагонах третьего класса не упомнишь! Да и смеркаться уже начало...

Немного мог рассказать проводник пострадавшего вагона. Он помнил лишь, как собрался было засветить фонарь, но его неожиданно ударили сзади по голове. Очнулся уже связанный и с кляпом во рту.

Более подробные показания давали жертвы налета. По их словам, бандиты в черных масках врывались в купе и, угрожая оружием, забирали деньги, драгоценности и дорогие вещи. Перепуганные пассажиры не сопротивлялись. Только певица Ирина Глебова не хотела отдавать серебряные серьги. Но бандит, который их требовал, ударил ее рукояткой пистолета в висок. Обливаясь кровью, Ирина Глебова упала. Пнув в живот маленького гармониста, пытавшегося защитить жену, бандит с вырванными из ушей серьгами выскочил в коридор. Но там к нему с угрозами кинулся другой бандит. Почему-то ограбление певицы не встретило единодушного одобрения у членов шайки. Так во всяком случае было записано в протоколе допроса со слов

одного свидетеля. А свидетель этот сидел в купе около самых дверей.

Все происходило стремительно, и сначала никто по-настоящему и не сообразил, что же на самом деле случилось... Только когда кто-то из бандитов дернул ручку стоп-крана, ограбленные опомнились. Некоторые, надеясь, что их услышат в соседних вагонах, подняли крик, другие стали осторожно выглядывать из своих купе. За окнами с каждой минутой густели сумерки. Однако можно было разглядеть, как по снежной равнине к лошади, запряженной в кошевку, бежало семь человек в масках. Из всех остальных вагонов выпрыгивали пассажиры. Они, конечно, ничего не знали и просто любопытствовали, почему ни с того ни с сего остановился поезд: семафора вблизи нет, разъезда тоже. А кошевка с бандитами за считанные секунды скрылась в недалекой сосновой роще. Лишь после этого и начался дикий переполох.

— Да, — продолжал Никифоров, — я тебе, Феликс Янович, уже подчеркивал, что не здешних братцев-хватцев работа... Посему приказал разослать в ближайшие губернские уголовные розыски телеграммы, не вспомнят ли соседи похожих историй.

— А если похожие истории, — спросил Феликс, — бывали в далеких от нас краях, ну, скажем, в Одессе?

— В Одессу, — ответил Никифоров, — телеграммы не отправляли... Но, если будет нужно, доберемся и до Одессы, и до Тифлиса...

— Меня, честно признаюсь, заинтересовал один малюсенький штрих...

— Я слушаю...

— Почему произошла ссора из-за Ирины Глебовой? Не могла ли сама Глебова быть раньше знакома...

— С кем-нибудь из этих бандитов?

— Да.

— Ирину Глебову прямо с вокзала на наших розвальнях доставили в железнодорожную больницу. Побеседовать мы с ней, Феликс Янович, немного сумели... Ничего она о своих былых знакомствах не поминала... Протокол ее допроса ты ведь читал.

— Читал... Но разрешите повторно допросить Ирину Глебову?

— Вот ты о чем?.. Разрешаю... Но о ходе расследо-

вания будешь мне докладывать ежедневно вне всякой очереди... Станем изучать все версии, анализировать любые улики...

Слушая Никифорова, Феликс почему-то подумал о своем предшественнике, инспекторе Иване Яруше. Яруша он видел на фотографии, которая в траурной рамке висела теперь в красном уголке уголовного розыска. Инспектор с чуть прищуренным левым глазом задорно улыбался и одной рукой обнимал тоненькую березку. Снимок, очевидно, был сделан где-то в весеннем лесу.

«Уж он бы не упустил эту банду!.. — мысленно произнес Феликс. — У него был многолетний опыт. А у меня?.. Но я должен справиться, должен! Такие люди, как Яруш, память о них, ко многому обязывает...»

VII

Чтобы не привлекать излишнего внимания, Феликс вместо форменной шинели надел кожаную тужурку и направился под вечер в железнодорожную больницу. Находилась она за вокзалом в солидном кирпичном здании, окруженном покосившимися домиками. Днем там всегда было много посетителей, а с Ириной Глебовой говорить хотелось наедине, без свидетелей...

После налета на ирбитский поезд прошла почти неделя. За это время оперативная группа в своих поисках не продвинулась ни на шаг. Правда, поезда, следовавшие на ярмарку и с ярмарки, теперь неприметно сопровождали сотрудники уголовного розыска. Усилили бдительность стрелки железнодорожной охраны, соответствующий инструктаж получили проводники и кондуктора.

Но на днях кто-то из оперативной группы с опаской сказал:

— Мы бросаем все силы на ирбитский пассажирский, а нападение может быть совершено и на любой другой поезд, и не на этой ветке.

— Может, — ответил Феликс и по привычке провел ладонью по щекам — хорошо ли побрился. Так всегда делал его отец. «Может-то может, — продолжал он уже мысленно. — Только одно тут не ясно — зачем бандитам

налетать на пассажиров с пустыми карманами? Зачем рисковать?.. То ли дело торговцы с ярмарки... Но правы товарищи в одном — в любой момент грабители могут нанести нам удар в самом неожиданном месте. Хоть бы иметь какой-нибудь малюсенький кончик ниточки, ведущей к черным маскам...»

Ради этого Феликс и отправился в больницу, но главный врач, ознакомившись с его служебным удостоверением, сердито заворчал:

— И не просите, и не требуйте! Глебовой нужен абсолютный покой, аб-со-лют-ный покой!.. У нее пролом черепа и нервное потрясение. Не глядите на меня так страшно, не испугаюсь!

— Доктор, — тихо сказал Феликс, — очень надо, доктор...

— Я отвечаю за жизнь больной, — отрезал главный врач. — Глебову видеть нельзя. Но совет я вам, товарищ, дам. В коридоре, около палаты Глебовой, целыми сутками обитает ее муж Усков. Мы разрешаем ему дежурить. Побеседуйте с Усковым.

...Когда Феликс сел на узкую скрипучую лавку рядом с маленьким лысым человечком, тот печально моргнул заплаканными глазами и как-то по-детски жалобно улыбнулся.

— Можно с вами поговорить? — наклонился к нему Феликс. — Я из уголовного розыска.

— Можно, конечно, можно, дорогой... Несчастье-то у меня какое...

— Я понимаю ваше состояние.

— Да что там понимать! Хуже и не придумаешь...

И маленький человечек опять жалобно улыбнулся.

— Давно гастролируете по Уралу? — спросил Феликс.

— С нового года... Мы артисты — птицы перелетные: куда только судьба-фортуна нас не кидает. И в глухой провинции публику тешим, и в столице... Вот в Петербурге я Ирину и встретил, точнее выражаясь, из петли вынул... Она, бедняжечка, в конногвардейского поручика была влюблена... И поручик Ирину любил сначала... Через сезон бросил... Что ему, блестящему офицеру, какая-то певичка! А у певички и сердце есть, и душа... Да вас, простите, эти сентиментальные экскурсы в прошлое и не интересуют, вероятно...

— Ну что вы, очень даже интересуют! Продолжайте, пожалуйста!..

— А что, дорогой, продолжать? Сначала Ирина обижалась на меня, что я ее воскресил. Потом видит, делать нечего — жить надо... Подумала-подумала и осчастливить меня решила: обвенчались мы с ней...

— Раньше ваша жена бывала на Урале?

— Нет, насколько мне известно.

— Где вы обычно выступаете?

— Где придется... Летом чаще в городских садах, зимой в ресторациях. Поем и в балаганах рыночных, порой на ярмарках... Всегда в работе, всегда в разъездах...

— После концертов вы встречались с поклонниками, с поклонницами?

— Да нет... Раньше Ирина любила обожание. А как поручик ее обманул, замкнутой стала...

— В коридоре вагона между бандитами, которые вас ограбили, что за ссора произошла? — переменил тему разговора Феликс.

— Да разве нам в те страшные минуты до бандитских ссор было! — вздохнул маленький человечек. — Изверги они, душегубы... Вырвать из ушей серьги, а потом, видите ли, какая галантность, возвратить их обратно...

— Вам возвратили серьги?! — Феликс от неожиданности поднялся с лавки.

— Да, сегодня. Часа полтора назад.

— Кто?! — повысил голос Феликс.

— Тише, дорогой, пожалуйста, тише! Прошу вас очень! Ирину разбудите. А кто возвратил серьги, простите, не знаю.

— Как не знаете?

— Вале-санитарке их вручили, велели Ирине передать. Валя-санитарка их мне и принесла. Ирина-то ведь спит. Вот они...

И он вытащил из внутреннего кармана узелок. Феликс развязал и увидел серебряные серьги.

— Красивые серьги! Подарок, наверно?

— Как же, как же! Я их Ирине перед нашей свадьбой презентовал. Всмотритесь-ка внимательно: на одной буква «И», на другой буква «Г». «И» — Ирина, «Г» — Глебова...

— Вы хоть спросили у санитарки, кто принес серьги?

— Да нет. Растерялся как-то. К Ирине поспешил...

Санитарка ничего толком не могла сказать Феликсу. Она мыла пол в больничных сенках, и тут открылась дверь и какой-то мужик сунул ей узелок и просил отнести Аринушке Глебовой. Она этого мужика и разглядеть не успела. А если теперь увидит где-нибудь, то наверняка не узнает: шибко уж скоро исчез из сенок... Разве что нос запомнился — приметный, большущий.

...Маленький человечек по-прежнему сидел на старом месте и внимательно разглядывал серьги. На подошедшего Феликса он не обратил внимания.

— Извините меня, но я должен задать вам еще пару вопросов.

— Ах, да, пожалуйста! — встрепенулся тот на тихий голос Феликса.— Присаживайтесь, прошу вас. Вот смотрю на серьги и день нашей свадьбы вспоминаю...

— Вашу жену кто-нибудь называл Аринушкой?

— Аринушкой? Нет, не вспоминаю такого... Тот поручик звал ее всегда Ирен.

— А другой кто-нибудь? Припомните, припомните...

— Ведь Аринушками, дорогой мой, женщин в селах и деревнях называют, а мы с Ириной — люди городские, что называется урбанисты. Она в Баку родилась. Там, наверное, про Аринушек и не ведали.

— Если кто-нибудь вновь будет интересоваться вашей женой, звоните дежурному уголовного розыска вот по этому номеру.

VIII

Итак, среди бандитов был человек, знавший Ирину Глебову и почему-то протестовавший против ее ограбления. Очевидно, он и вернул певице серьги. Но почему? Навести на правильный след могла, вероятно, сама Ирина Глебова. Однако этот вариант пока отпадал: в течение недели врач категорически запретил встречаться с ней.

Всю дорогу от больницы до уголовного розыска Феликс пытался представить себе действия сердобольного бандита. Не исключено, что он опять навестит Гле-

бову. Ну, позвонят по телефону в угрозыск. А дальше? Пройдет минут пятнадцать, прежде чем оперативная группа прибудет и... наверняка уже не застанет таинственного гостя. Значит, кто-то из агентов должен круглые сутки находиться в больнице.

В дежурке, несмотря на поздний час, было много сотрудников. И только Феликс хотел спросить, в чем дело, как появившийся в дверях Никифоров опередил его:

— Феликс Янович, нам подан специальный поезд... Едем по Горнозаводской ветке... Черные маски продолжают диктовать правила игры...

— Снова нападение на каких-нибудь нэпачей?

— Да! На этот раз ограблена касса магазина. Тяжело ранены два милиционера... Выходим, товарищи! О своих делах, Феликс Янович, доложишь в пути... Дорога каждая секунда!..

Специальный состав — паровоз с пассажирским вагоном — уже поджидал сотрудников уголовного розыска на запасных путях. Никифоров и Феликс заняли самые первые боковые места.

— Я слушаю тебя, Феликс Янович, — произнес Никифоров.

И Феликс под стук вагонных колес рассказал и о маленьком человечке Ускове, и о Вале-санитарке, и о таинственном посетителе, и о своих планах.

— Одно только мне сейчас непонятно, — закончил он, — почему бандит, приходивший сегодня в больницу, не участвовал в новой авантюре черных масок. Не мог же этот тип быть одновременно и там, и в городе.

— Я боюсь, — поморщился Никифоров, — не объявилась ли в округе вторая банда?

— Это, конечно, не исключено, — задумчиво ответил Феликс. — Но судя по полученному сообщению, у тех, кто орудовал на Ирбитской ветке, и у этих артистов один почерк...

В горнозаводский поселок, где произошло ограбление, внерейсовый поезд прибыл поздней ночью. Поселок уже спал, только с завода доносился отдаленный гул, да перед водокачкой буксовал старенький маневровый паровоз-«кукушка». На платформе Никифорова встретил начальник местной милиции Гусев, худой два-

дцатилетний парень. Волнуясь, он начал рассказывать о недавнем происшествии...

К промтоварной лавке Башкайкина перед закрытием подъехала кошевка. В тот субботний день на заводе была получка, и торговля во второй половине дня шла бойко. Лишь где-то часам к шести приток покупателей спал, однако Башкайкина это уже не огорчало. Радостный, восседал он за кассой и прикидывал на счетах прибыль.

Но только Башкайкин собрался крикнуть приказчикам, чтобы замыкали входную дверь, как на пороге показались вооруженные люди в черных масках и потребовали деньги. Перепуганный лавочник без сопротивления отдал всю сегодняшнюю выручку и даже помог погрузить в кошевку несколько тюков с ценными товарами.

Когда в лавку по вызову старшего приказчика явился Гусев с двумя милиционерами, грабителей и след простыл.

— Куда они направились? — допытывался у побелевших приказчиков Гусев. Сам Башкайкин не мог говорить. Он лежал на полу и, обхватив руками трясущуюся голову, выл белугой. Приказчики показали в сторону железной дороги.

Милиционеры поспешили на станцию. Около семафора им встретился путевой обходчик и сказал, что какая-то кошевка промчалась вдоль линии по направлению к городу. Гусев разыскал начальника станции, и через десять минут из депо, пуская пары, выполз паровоз-«кукушка». В его будке вместе с машинистом находились милиционеры.

— Эх, надо было бы винтовки взять! — досадовал Гусев. — Наганы далеко не достанут.

Хоть февраль и последний месяц зимы, но февральский день на Урале все же короток. Смеркалось, когда впереди на снегу зачернели сани с кошевкой. Вскоре эти сани свернули в лес.

На полном ходу милиционеры один за другим спрыгнули с «кукушки».

— Давай через просеку в деревню Воронино! — крикнул Гусев. — Там достанем лошадей — и в погоню... Воронино недалече...

Через десять минут они добрались до крошечной

деревеньки, затерянной среди сугробов и могучих сосен.

Но едва подошли к первой избе, как из-за ее угла засвистели пули. Вскрикнув, оба милиционера разом упали. Гусев не растерялся и бросился в сугроб. А вывернувшие из проулка сани под лай собак с гиком пронеслись куда-то в темноту...

— Что я должен был делать? — нервно спрашивал сейчас Гусев Никифорова, пытаясь зажечь папиросу. — Наладить преследование или позаботиться о своих ребятах?.. Деревушка с гулькин нос, мужиков — кот наплакал, оружия у них нет...

— Где твои ребята? — не отвечая на вопрос, осведомился Никифоров.

— На подводе доставил сюда, в поселковую больницу... Оба без сознания... Но доктор говорит — надежда есть.

— Утром мы навестим твоих ребят... А теперь в лавку Башкайкина... Ты, Феликс Янович, с рассветом выедешь в деревеньку, где устроили засаду бандиты... Возьмешь с собой Гусева, Владимирова, Котова, Тарабанского...

IX

Днем, в воскресенье, к Юрию в его комнатку за Царским мостом пришел Яша Терихов.

— Везет нам с тобой, понимаешь, нынче, — радостно объявил он, потирая руки. — Ты свободен, я свободен... Никуда нас не назначили... Что будем делать? Пойдем в «Лоранж», там кинобоевик крутят — «Нищая из Стамбула»... Хотя говорят, что это — развлекательная фильма для нэпачей.

Юрий в тот день мечтал сходить в общежитие бывшей Макаровской фабрики. Он надеялся встретить там Тамару или узнать что-нибудь о ней у знакомых ребят. Но сказать об этом Яше постеснялся.

— Чего молчишь? — удивленно спросил Яша. — У тебя другая идея есть?

— Нет, нет... Я слушаю, — ответил Юрий.

— А чего слушать-то?..

Юрий в это время лихорадочно соображал. Если

пригласить Яшу в общежитие, то расспрашивать о Тамаре при нем рискованно. Уж больно Яша Терихов на язык остер. Завтра весь уголовный розыск будет потешаться, что он, Юрий Закне, великий скромник, шибко интересуется какой-то девушкой!

Лучше заглянуть к Фаддею Владимировичу, библиотекарю. Старые друзья на вечере-спайке говорили, что библиотекарь болен. Юрий, когда работал на фабрике, считался самым рьяным посетителем библиотеки. Бывал он не раз и дома у Фаддея Владимировича. У них нашлись общие интересы: оба коллекционировали пуговицы.

Наверно, осторожными вопросами можно будет у библиотекаря выведать кое-что о Тамаре. Юрий был почему-то уверен, что она обязательно должна числится в активистах библиотеки.

— Ладно, Яша, — сказал Юрий, — идем в «Лоранж», но сначала...

...Услышав стук в крайнее окно, библиотекарь Макаровской фабрики Фаддей Владимирович Раздупов вздрогнул. Кого это принесло в воскресенье? А отдернув занавеску и узрев красноверхие шапки двух милиционеров, перепугался не на шутку.

Один из милиционеров, заметив в оттаявшем окне Фаддея Владимировича, приветливо улыбнулся, и тогда библиотекарь узнал бывшего слесаря Макаровской фабрики, активного читателя Юрия Петровича Закне.

Юрий сделал библиотекарю знак: дескать, открывайте дверь. Раздупов закивал головой.

— Не сердитесь, Фаддей Владимирович, — говорил в сенях Юрий, здороваясь с хозяином и сбивая с каблуков талый снег, — что мы с Яковом Осиповичем... Да вы с ним еще не знакомы... Фаддей Владимирович Раздупов!.. Яков Осипович Терихов!.. Мы были недавно на вечере-спайке... И я узнал, что вы заболели...

— Да, да, — суетился библиотекарь, пожимая руку Яши, — да, да, приболел чуточку... Но сейчас почти здоров... Да вы особенно сапожки не чистите... Я пол еще сегодня не подметал...

— Мы ненадолго, Фаддей Владимирович, — продолжал Юрий. — Пришли узнать о вашем здоровье... Немного посмотрим с Яшей коллекционные новинки, если позволите, и уйдем.

— Нет, что вы! — извивался Фаддей Владимирович, трясясь почему-то мелкой дрожью. — Быстро я вас, дорогие товарищи, не отпущу... Чай пить будем... Коньячку попробуем, мадерцы пригубим...

— Спиртного, Фаддей Владимирович, мы не пьем,— сразу отрезал Юрий, входя в переднюю.

— Ох, как жаль! Как жаль! — скорчил печальную физиономию библиотекарь. — А у меня такой коньячок завелся... Напиток, прямо скажу, царский... Шинелки вот сюда можно пристроить...

В комнате библиотекарь усадил гостей за стол, а сам, подойдя к этажерке, наклонился, чтобы достать с нижней полки свои коллекционные сокровища.

Вскоре на столе оказались железные коробки со всевозможными пуговицами, альбом с почтовыми марками и стопочки видовых открыток из различных стран.

— Разбирайте, изучайте! — нервно суетился Фаддей Владимирович. — Экземпляры тут имеются архиценные!

Яша с серьезным видом стал листать пухлый альбом с марками, а Юрий, порывшись в пуговичных коробочках, вдруг очень тихо, одними губами спросил у библиотекаря, надеясь, что Яша не услышит:

— Фаддей Владимирович, вы не знаете случайно Тамару — она недавно на фабрике...

Тут он запнулся и порозовел. Но Фаддей Владимирович, не обращая внимания на его шепот и смущение, быстро глянул на закрытую дверь смежной комнаты и громко рассмеялся:

— И вы изволили заинтересоваться, дорогой товарищ Юрий Петрович, Тамарой? Не вы первый, не вы... Хи, хи, хи!

— Какой Тамарой? — поднял голову Яша.

— Хи, хи, хи! — заливался как-то истерично библиотекарь и вдруг, оборвав смех, с иронией произнес: — Вот скажите, товарищи, может ли дать человеку счастье обыкновенная любовь между мужчиной и женщиной?

Вопрос прозвучал как-то нелепо. Юрий посмотрел на Фаддея Владимировича с изумлением.

— Вот если вы и Тамара... — продолжал библиотекарь.

Боясь, что он брякнет что-нибудь обидное о Тамаре, Юрий решил проститься раньше времени. С Фад-

деем Владимировичем творилось сегодня что-то непонятное. Нервничает, суетится...

— Спасибо, Фаддей Владимирович, — сказал Юрий и резко поднялся. — Все ваши коллекционные новинки я увидел... Очень интересно, очень... Но нам с Яшей еще в кино надо успеть...

— Куда же вы? А самовар? — делая вид, что он кровно обижен, закудахтал библиотекарь.

— Юрий прав! — поддержал друга и Яша. — Мы, понимаешь, сговорились с ним «Нищую из Стамбула» поглядеть.

— Тогда не смею задерживать! — послушно опустил руки Фаддей Владимирович.— Я сам читал в газете, что «Нищая из Стамбула» — уникальная по трюкам фильма... Но меня, библиофила смиренного, прошу не забывать... Приходите в любое время...

В передней, застегивая шинель, Яша, нагнувшись к библиотекарю, насмешливо протянул:

— Богато живете!

— Забавник вы, товарищ Яков Осипович, изволю заметить! Ох, забавник! — отшутился Фаддей Владимирович. — На жалованье заведующего библиотекой...

— А коньяк пьете...

X

...Где-то недели три назад старший милиционер уголовного розыска Егор Иванович Тюленев задержал утром в хлебной лавке подозрительного мужчину. По приметам задержанный походил на человека, который недавней ночью раздел галантерейщика Шварцмана. Срочно вызванный Шварцман, элегантный господин с холеной бородкой, прямо с порога опознал грабителя, а затем и свои золотые часы с монограммой.

Задержанный рассудил здраво: «валять Ваньку» после опознания бесполезно и покаялся, что часы и остальное шварцмановское «барахлишко» собирался отнести сегодня скупщику краденого Ваське Дегаме. О скупщике с таким странным прозвищем в уголовном розыске не слышали. Не мог толком рассказать о нем и задержанный. По его словам, Васька, неизвестно из каких краев явившийся, сначала открыл на Луговой

улице «Сапожную мастерскую В. В. Поминова», а пообжившись, занялся скупкой награбленного. Вот и все.

Когда задержанного увели, Никифоров сказал:

— Наш «гость» по уговору хотел заглянуть к Васье Дегаме — Поминову где-то после десяти вечера. Вот и стук-пароль сообщил. Не зря квартальный староста докладывал, что к этому Поминову последнее время посетители зачастили. Теперь и нам пора заглянуть. Взять его надо, а в сапожной засаду оставить! Сегодня же.

Через два часа Никифоров на угрозовском жеребце Левше ускакал в управление губмилиции — в Тагильском округе произошло убийство. И операцию, связанную с сапожной мастерской, поручили Егору Ивановичу Тюленеву.

Хотя Егор Иванович был только старшим милиционером, но ему часто приходилось выполнять обязанности агента, и Никифоров собирался официально утвердить его в этой должности. Поэтому ни Терихов, ни Юрий не удивились, когда Егор Иванович объявил им строгим тоном:

— На распрекрасный вечер сегодня не рассчитывайте, встреч девицам не назначать! Слышите?.. Это, Яков, тебя больше всего касается, как ты к прогулкам необычайно склонен... Так вот. Идем брать сапожника. Действовать будем так...

Юрий еще ни разу не принимал участия в ночной операции. Как младшему милиционеру ему пока приходилось лишь конвоировать арестованных, стоять на часах у входа в угро, да бегать по городу со срочными депешами. И распоряжение Егора Ивановича он встретил с нескрываемым восторгом. Терихов же особого энтузиазма не проявил.

— Таким буржуям, как Шварцман, — с горечью произнес он, — осенью семнадцатого года...

— Яков! — вздохнул Егор Иванович. — Ты опять за рыбу деньги?

...И сейчас, вечером, в дежурке Яша продолжал доказывать Егору Ивановичу свою правоту.

— Каждый нэпманчик, понимаешь, себя королем считает! — кипятился он. — Королем! Это в пролетарском-то государстве? А случись что у него, куда обращается? В рабоче-крестьянскую милицию.

— Эх и отсталость же у тебя, Яков! — почесав переносицу, сказал Егор Иванович.

— Без новой экономической политики стране долго из разрухи не вырваться, — тихо сказал Юрий. — Наследство-то какое тяжелое нам после двух войн досталось... Это товарищ Калинин на митинге еще прошлым летом говорил.

— Не слышал! — пожал плечами Терихов. — Я прошлогодним летом в Туркестане басмачей рубил. А братан под Перекопом погиб...

И ему захотелось рассказать товарищам, как он изумился, когда после демобилизации вернулся на Урал, в родной город. Изумляться было чему! На главных улицах открылись богатые магазины с нарядными витринами и дорогие рестораны, около которых дежурили лакированные экипажи с шикарными тонконогими рысаками. Вокруг центральной площади, словно грибы, выросли всевозможные частные конторы и склады с крикливыми вывесками.

Такие словечки, как «барин», «господин», «ваше степенство», казалось бы, совсем исчезнувшие, снова резали слух.

Но Терихов не сомневался, что товарищи, выслушав его исповедь, скажут: «А неужели ты, друг, не приметил, что задымились трубы заводов и уменьшилась очередь на бирже труда...»

Он это и сам понимал и решил больше не спорить. Глянув на дежурного по уголовному розыску агента второго разряда Бориса Котова, Яша вдруг совсем другим тоном спросил:

— Любопытно узнать, что у вас за книжица? Оторваться не можете.

— «Основы начальной политграмоты», — гордо ответил Котов, — не мешало бы и вам, товарищ Терихов, почаще в такие книги заглядывать.

— «Основы политграмоты»! — подмигнув Юрию, протянул Яша. — Эх, товарищ Котов, товарищ Котов... Ученым надо быть для чтения таких-то книг. А мне, к примеру, песенник какой-нибудь, образование у меня ведь бабушкино.

— Какой тебе, Яков, еще песенник? — заворчал Егор Иванович. — Песни мы, может, потом, завтра споем. А теперь собирайся! И ты, Юрий, тоже... Пора!

XI

Свет редких уличных фонарей едва пробивался сквозь туманную вечернюю мглу. За одноглавым польским костелом Тюленев, Терихов и Закне, путаясь в длинных черных шинелях, свернули в сторону Сенной площади, где в старые годы торговали лошадьми. Теперь же огромное пространство зимой и летом пустовало. Правда, окрестные ребятишки любили кататься здесь на санках и запускать бумажных змеев, а эскадроны Уральского кавалерийского полка устраивали иногда показательные учения и смотры. Ночью же площадь погружалась в беспросветную темноту, и никто из обывателей ни за какие сокровища не рискнул бы пересечь страшную пустошь.

Вот за этой-то площадью, на восточной окраине города, и сапожничал Васька Дегама, или Василий Васильевич Поминов. Домик его прятался за покосившимся забором в самом конце Луговой улицы. Над воротами, рядом с номером, был небрежно пришпилен выпиленный из фанеры контур женского ботинка.

— Все, как договорились, — останавливаясь перед калиткой, шепнул Егор Иванович, — я захожу поначалу один. Васька дверь отомкнет, тогда и...

— За нас не беспокойся,— успокоил его Терихов. — Шума не сделаем...

Почти на цыпочках, чтобы под сапогами не скрипнул снег, Егор Иванович, нагнувшись, вошел в полуоткрытую калитку.

После условного стука густой бас за дверью осторожно произнес:

— Кого бог шлет?

Вместо ответа Тюленев кашлянул.

— Кылпыч, что ли? — успокоился бас. — Обожди, сынок, сей момент...

Через минуту осветилось занавешенное газетой окошко, а еще через минуту распахнулась и обитая рогожей дверь. Сухонький старичок в латаной рубашке и коротеньких брючках (Егор Иванович даже усомнился, он ли говорил таким громобоевским басом), увидев милиционера, отпрянул назад.

Ни сеней, ни кухни внутри домика не было, комната с единственным окном, с железной печкой-буржуйкой

посредине, круглый стол и табуретка, топчан, застланный лоскутным одеялом, измятая алюминиевая миска на буржуйке и сваленный в углу ворох всевозможной обуви. Около двери на гвозде висел овчинный тулуп. Пахло сыростью и гарью.

— Василий Васильевич Поминов? — продолжая дивиться низкому голосу старика, спросил Егор Иванович.

— Так точно! — согласился старик.

— У меня есть ордер на обыск и ваш арест.

— Обожди, сынок...

— Ждать, собственно говоря, не имею права. Ордер же предъявить могу. Грамотный?

— Православные буквы разбираю, — усмехнулся старик и скользящим тихим движением юркнул к тулупу.

Но Егор Иванович, ловко оттолкнув его, приказал вошедшим Терихову и Юрию осмотреть одежду.

— Трое на одного! — печально вздохнул старик. — Нечестно, сынки!

При тусклом электрическом свете в Яшиной руке блеснул браунинг, который он вытащил из тулупа.

— Ну, как констатируем? — разглядывая оружие, спросил старика Егор Иванович. — Нечестно, значит. Трое на одного? А разрешение на оружие показать можешь?

— Не могу! — охотно признался старик. — Ты же, скажем, мне разрешение не принесешь. А у меня, как ведаешь, чеботарная. Нападут, упаси бог, на одинокого... Жулья-то в городе, небось, пруд пруди.

Но Егор Иванович, не обращая внимания на болтовню старика, зорко оглядывал комнату. И вдруг, шагнув к буржуйке, сказал Юрию:

— Пригласи-ка из соседней хаты понятых, обыск будем делать.

Но только Юрий собрался выполнить распоряжение, как кто-то потрогал снаружи дверь. Не запертая на крючок, она тут же открылась, и за порогом возник бородатый, запорошенный снегом мужчина в коротком пальто из шинельного сукна.

Увидев милиционеров, гость на мгновенье растерялся.

— Стоять на месте! — крикнул ему Егор Иванович.

Но тот успел опомниться и захлопнул дверь.

— Яков, не отлучайся! — последовал быстрый приказ Егора Ивановича. — Юрий, за мной!

Когда они выскочили на снежный двор, незнакомец уже добежал до калитки.

— Стой! — крикнул вслед Тюленев. — Стрелять буду.

Юрий рванул из кобуры наган и, не целясь, выстрелил вдогонку беглецу.

— Отставить! — сердито процедил сквозь зубы Егор Иванович... — Всю округу перебудишь! Я же команды тебе не давал...

Снег валил густыми хлопьями и слепил глаза. Ни Егор Иванович, ни Юрий не могли определить, в какую сторону кинулся незнакомец.

— Упустили! — зло плюнул Тюленев.

XII

Сквозь снежную пелену внезапно прорвались огни. Бежавший по тротуару человек остановился и вытер рукавом потный лоб.

Затем, полузакрыв глаза, он прислонился к высокому крыльцу каменного дома. Во рту пересохло, сердце колотилось и не хотело успокаиваться.

«Вот так драма! — подумал беглец. — И какой эта драма могла разрешиться катастрофой, один дьявол, пожалуй, знает...»

Наверху скрипнула дверь, и шамкающий старушечий голос сказал:

— Спокойной вам ночи, батюшка Фаддей Владимирович!

— Благодарю, Карповна! И тебе желаю спокойной ночи и приятного сна, — отвечал сиплый тенор, и по ступенькам, кряхтя, спустился толстый широкоплечий мужчина.

— «Буря мглою небо кроет», — с пафосом продекламировал он, не видя согнувшейся фигуры, которая притаилась за левыми перилами крыльца, и, похрамывая, заковылял на противоположную сторону улицы.

Толстый широкоплечий человек страдал одышкой и поэтому шел медленно. Навстречу никто не попадался:

в такой поздний час и в такую погоду никому не хотелось покидать свой дом.

— Фаддей Владимирович! — вдруг произнес кто-то за его спиной.

— Да, да! — машинально отозвался Фаддей Владимирович и тут же, испуганно вздрогнув, замер на месте.

— Здравствуйте! — продолжал неизвестный.

— Да, да!.. Здравствуйте...

— Узнаете?

— Не...

— Странно! Я сразу вас узнал и, право, очень обрадовался.

— Побирский?!

— Тише!..

— Господи...

Конечно, Фаддей Владимирович хорошо знал Прохора Побирского. Отец его, Александр Гаврилович, был в прошлом довольно известной личностью в губернии — владельцем крупного извозного заведения «Побирский и сын». Прохор где-то году в пятнадцатом окончил школу прапорщиков, позднее служил в белой армии, да не просто служил, а занимал различные командные посты в полку «Голубых улан». Полк этот нес в городе при Колчаке полицейскую службу и оставил о себе страшную память. До сих пор матери пугали своих малышей «Голубыми уланами».

— Вы... Вы... снова здесь? — выговорил наконец Фаддей Владимирович.

— Здесь, — кивнул Прохор и поинтересовался: — А вы, собственно, чем удивлены? Вы ведь тоже, господин Раздупов, здесь...

— Н-нда, собственно, оно так...

— Именно так! И вы вышли сейчас из библиотеки Макаровской фабрики.

— Я... я состою библиотекарем. Задержался сегодня вот в такую пору...

— Библиотекарем? Трудитесь на большевиков?

Фаддей Владимирович смущенно молчал.

— И вам доверяют? — с иронией продолжал допрос Прохор. — Доверяют?

— Кажется, — последовал едва слышный ответ.

Прохор усмехнулся:

— Не ожидал я такой оплошности от Советской власти. Доверять вам?

— А почему бы и нет? — неожиданно с гонором возразил Фаддей Владимирович. — Я Советской власти особого вреда не причинил. Да будет вам, Прохор Александрович, это известно!

— Мне, господин Раздупов, известно другое, — спокойно сказал Прохор, делая упор на слово «другое».

— Да, да, — залепетал Фаддей Владимирович. — Я, прошу меня извинить, не так выразился.

— Где ваша жена? — не обращая внимания на покаянный тон библиотекаря, спросил Прохор.

— Валентина Георгиевна умерла.

— Царство ей небесное. А квартира у вас все там же, на Главном проспекте?

— Что вы, Прохор Александрович!.. — заюлил Фаддей Владимирович. — Мне ли при моей теперешней должности снимать квартиру на Главном? Домишко у меня здесь неподалеку, на Второй Восточной улице...

— Кухарка есть?

— Один я, совсем один.

— Это хорошо, — задумчиво произнес Прохор. — Просто хорошо! Да что мы стоим, мерзнем?.. Идемте, Фаддей Владимирович! Я у вас сегодня переночую.

— Буду рад, — пробормотал библиотекарь. — Даже очень рад... Окажите уважение.

— Рады вы будете или не рады, — холодно оборвал его Прохор, — дело десятое. Но потесниться вам придется... О моей персоне никому ни звука и запомните: перед вами — Гордей Петрович Шагун. Поняли? Приехал из Сибири искать работу, а вы пустили Шагуна на постой...

XIII

...На Урале Фаддей Владимирович Раздупов очутился после того, как с треском вылетел из Казанского университета за постоянные провалы на экзаменах. Первые годы он служил в различных нотариальных конторах, но отовсюду бывшего студента увольняли. Владельцев контор не устраивал человек, который

целыми днями пропадал или на репетициях любительских спектаклей, или на заседаниях благотворительных кружков, или на ипподроме. В конце концов, разочаровавшись в юридической карьере, Фаддей Владимирович целиком посвятил себя, как хвалился он сам, общественной деятельности.

В дни Февральской революции и в последующие за ней месяцы общественный деятель чувствовал себя словно рыба в воде: ораторствовал на митингах и собраниях, сочинял резолюции и приветственные телеграммы, восхвалял «дорогую гостью — свободу», Временное правительство, агитировал за войну до победы.

Когда из столицы пришли вести, что министры Временного правительства арестованы, а Керенский сбежал, исполнительный комитет местного Совета, где численный перевес был на стороне большевиков, созвал в здании оперного театра экстренное заседание. И с этого дня в городе установилась власть, которая в общественных деятелях типа Раздупова не нуждалась. Кровно обиженный такой несправедливостью, Фаддей Владимирович устроился кассиром в кино «Лоранж».

В июле восемнадцатого года город заняли легионеры мятежного чехословацкого корпуса, и Раздупов снова ожил. Он стал членом «губернского комитета спасения Родины», созданного в помощь Уральскому коалиционному правительству. Но это правительство бесследно исчезло. В Сибири и на Урале власть захватил Колчак.

И Раздупову ничего не оставалось, как славить верховного правителя России адмирала Колчака.

Однако вскоре с Фаддеем Владимировичем нежданно-негаданно приключилась беда. Выяснилось, что он в силу своей буйной фантазии и угоднического пыла рекомендовал коалиционному правительству установить для Уральского края отличительный двухцветный знак: ярко-красный и бледно-зеленый. Колчаковцы же приписали ему любовь к красному цвету, то есть к большевизму. Почему, дескать, зеленая часть отличительного знака была в его проекте бледной, а красная яркой? Почему не наоборот?

И однажды утром прохожие увидели, как «Голубые уланы» конвоировали Фаддея Владимировича по мостовой Главного проспекта. Фаддей Владимирович ко-

вылял в порванной крылатке и размазывал слезы по лицу.

Но экс-общественному деятелю повезло: его не расстреляли. То ли «Голубые уланы» не забыли, что он помогал им составлять списки подозрительных и даже донес на одного большевика, приехавшего в город для подпольной работы (Раздупов случайно встретил на улице этого человека, знакомого еще по Казани), то ли были другие причины — тут Фаддей Владимирович терялся в догадках. Несколько месяцев промаялся он без следствия и суда в камере пересыльной тюрьмы, а когда красные войска ворвались в город, был торжественно освобожден вместе с другими уцелевшими заключенными. И получилось, что он тоже пострадал от колчаковцев. О тайных раздуповских делах представители Советской власти не знали.

И вдруг на пути Фаддея Владимировича опять встал Прохор Побирский, ротмистр полка «Голубых улан». Кто-кто, а уж он-то хорошо был осведомлен о сотрудничестве нынешнего библиотекаря с белогвардейской контрразведкой. Ведь именно ему поручили в свое время арестовать подпольщика, выданного Фаддеем Владимировичем...

...Устроившись удобно в качалке, Прохор подбрасывал дрова в печку-голландку и с любопытством оглядывал все вокруг себя. В доме Фаддея Владимировича чувствовалось отсутствие заботливых женских рук. С мебели давно не сметалась пыль, скатерть на столе пестрела пятнами, занавески на окнах, видимо, целый сезон не были в стирке.

— Прошу́, Прохор Александрович, не осуждать, — извиняющимся тоном бубнил хозяин дома, доставая из буфета тарелки и рюмки (в заплечном мешке гостя оказались бутылка самогона и свиное сало), — но после скоропостижной смерти Валентины Георгиевны я места себе не нахожу... Одна она, покойница, меня поддерживала... Верьте, Прохор Александрович, домой в последнее время не тянет. Частенько в библиотеке из-за этого изволю допоздна засиживаться...

— Со мной вам скучно не будет! — ухмыльнулся Прохор. — И жаловаться на бытье прекратите. Моя жизнь куда хуже вашей! Вы спокойнехонько обитаете в городе, а я...

— Прохор Александрович, извините, не понимаю, — робко перебил его Фаддей Владимирович, — почему вы возвратились? Вас же схватят и расстреляют! Вас тут каждая собака помнит.

— А вас? — оскалился Прохор. — Молчите? Свечку в храме «Голубым уланам» поставьте за то, что в острог угодили... Обо мне же не беспокойтесь! Борода и седина да плохонькая одежонка хоть кого изменят. Вот вы, Фаддей Владимирович, узнали меня сегодня?

— Нет, не узнал, — чистосердечно ответил Раздупов. — Но на вашем месте, Прохор Александрович, все-таки я бы не рискнул...

— Вам на моем месте не бывать, — неожиданно рассердился Прохор. — Приглашайте-ка лучше к столу. И хочу вам, Фаддей Владимирович, заметить: никогда больше не интересуйтесь, зачем я вернулся...

Так встретились два старых врага Советской власти, яростно ненавидящих новую жизнь, людей и... друг друга.

XIV

Раздупов быстро захмелел.

— Вы не сожалеете, Прохор Александрович, — пьяно улыбнувшись, поинтересовался он, — что потеряли свое прежнее значение для народа?

— Что это вы в такую дурацкую философию ударились? — спросил Прохор.

— Я не только в философию ударился,— икнул Фаддей Владимирович,— я с горя и коллекционером сделался. Пуговицы собираю, марки почтовые, книги интересные.

Он с трудом встал со стула и, шатаясь, подошел к этажерке с книгами. Пожалуй, это была единственная вещь в комнате, о которой хозяин мало-мальски заботился. Во всяком случае, пыли на ней не было.

— Я хочу спать! — резко сказал Прохор. — После дороги надо отдохнуть...

— Отдадим должное коллекционированию! — начал было возвышенно Фаддей Владимирович, но Прохор без всякой церемонии подвел хозяина к кушетке.

— Вы пьяны,— цыкнул он.— Спите!

— Я... я...
— Спите!
— Не желаю...
— Я говорю: спите!

И не прошло минуты, как Фаддей Владимирович захрапел.

— Готов! — презрительно поморщился гость и, не став ничего убирать со стола, направился в маленькую комнату, служившую Раздупову спальней.

Спрятав там под подушку миниатюрный браунинг, он стянул с себя штиблеты, швырнул на табуретку куртку, выключил свет и полураздетый плюхнулся на не очень-то мягкую постель. Хотя шло к утру, спать не хотелось, в голову лезли невеселые мысли.

В присутствии Фаддея Владимировича Прохору удавалось играть роль человека, которому море по колено. Но, оставшись один, бывший ротмистр почувствовал, что его наигранная самоуверенность исчезает. Нечаянная встреча с милиционерами в сапожной мастерской спутала все карты.

В ночь с четырнадцатого на пятнадцатое июля девятнадцатого года Прохор Побирский вместе с казаками атамана Дулепы сжигал на станционных путях главного городского вокзала все, что отступающие колчаковцы не могли забрать с собой. Белогвардейских войск в городе уже не было, бесчинствовали лишь одни дулеповцы. И в самый последний момент Прохор по оплошности чуть не попал в плен к красным разведчикам. Однако судьба смилостивилась над ним: спасли предрассветные сумерки, и ротмистру удалось вырваться и ускакать на своем резвом жеребце.

А дальше началась катавасия. Колчаковские армии откатывались в глубь Сибири. Вместе со всеми драпал и отряд полковника Кири, в котором теперь числился Прохор. Еще за Тюменью он узнал, что его отец Александр Гаврилович, успевший убежать из города незадолго до вступления туда красных, умер в Ишиме, и единственным владельцем извозо-промышленного заведения «Побирский и сын» остался лишь «сын». Но вступить в права наследника Прохор не мог, ибо никакого наследства по сути дела уже не было.

— Я нищий! — сквозь слезы кричал на офицерских попойках «наследник». — Я ограблен большевиками!

Поздней осенью Прохора тяжело ранила какая-то шальная пуля. Однополчанин привез его в сторожку лесника. Лесник, маленький, сухонький старичок, сначала не соглашался брать к себе колчаковского офицера. Но потом, глянув на рану Прохора, поскреб затылок и буркнул:

— Ладно, леший с вами... Оставляйте! Я секретные травки знаю, лекарственные, вылечу.

Когда Побирский выздоровел, возник вопрос, как ему быть дальше: не вечно же скрываться в тайге. Однако и тут выручил лесник: посоветовал ехать в приобский город, к верным друзьям-приятелям.

Чем занимались эти верные друзья, Прохор догадался давно. Кое-кто из них бывал в сторожке и приносил объемистые свертки. Старик свертки куда-то прятал, потом приходили другие люди и свертки забирали. И Прохора нисколько не беспокоило, что сторожка — самая обычная «хаза», а гости — воры и грабители.

Правда, пообжившись в городе, ротмистр понял, что друзья лесника работают по-кустарному: дальше мелких краж не идут, нападают лишь на одиноких прохожих, организовать налет на какой-нибудь магазин или ограбить артельщика с деньгами боятся. И он решил использовать свой опыт, приобретенный в полку «Голубых улан».

...Все произошло неожиданно. Около почтового вагона, из которого выносили мешки с ассигнациями, неизвестные в черных масках открыли беспорядочную стрельбу. Охранники на перроне растерялись.

— Ложись, не то всех прикончим! — повелительно приказал резкий баритон.

Кто-то из публики послушался, кто-то заголосил, началась суматоха, и неизвестные, воспользовавшись ею, похитили десять мешков.

Слухи о дерзком ограблении тут же разнеслись по уезду. А Прохор, выросший в глазах новых друзей после проведенной операции, глушил на радостях самогон.

Скоро шайка Прошки-Офицера, окрыленная успехом, стала орудовать по всей округе. Наглости, с которой она совершала свои дела, не было границ. На железнодорожных перегонах бандиты пускали под откос

вагоны, грабили ближайшие деревни и села; чтобы раздобыть оружие, нападали на военнослужащих.

Но в одну из ночей милицейский отряд бесшумно окружил хутор, где скрывались бандиты, и предложил им добровольно сдаться. Перепуганные полуодетые члены шайки, побросав обрезы и наганы, появлялись с поднятыми руками. Спасся лишь Прохор: сумел в темноте отползти в канаву. И на этот раз судьба была к нему благосклонна...

Прошло несколько месяцев, и о Прошке-Офицере вновь заговорили. Правда, в соседнем городе. И здесь бывший ротмистр сколотил шайку из тех, кому терять в жизни было нечего. Только кольцо вокруг него все сжималось и сжималось. Два раза, отстреливаясь, уходил Прохор от засады, а на третий, сама того не ведая, выручила хозяйка трактира «Обь», молодая красивая вдова, к которой он заглянул на огонек: в ту ночь милиция разгромила «малину», где шайка ждала главаря. Чувствовалось, сколько веревочке ни виться — конец близок. И Прохор решил пока отсидеться в таежной сторожке у старого знакомца-лесника.

«А там видно будет», — беззаботно решил он.

Лесник, когда Прошка-Офицер, нечесаный и небритый, ввалился к нему, долго думал и наконец, пощупав свою бороденку, с горечью сказал:

— Опасно, ваше благородие, стало у меня, опасно. Третьего дня вот приезжали на конях чины из милиционерии, любопытствовали, не встречаю ли я кого из посторонних, не вступаю ли с ними в дружбу, о прошлом моем допрашивали... Удирать из этих краев думаю. Да, да! И тебе советую.

— Почему? — тревожно спросил Прохор.

— Хоть живу я в глухомани, — ответил лесник, — но о многом ведаю. Пора кончать игру, сынок. Прошу прощения, ваше благородие: по нашим следам, чую, ищейки пущены...

— Трусоват ты нынче, дядя! — разозлился Прохор. — Ну зачем психуешь? И кого боишься? Милиции, что ли? Да нам, ночным духам, никакая милиция не страшна.

— По молодости, ваше благородие, хорохоришься!.. Власть-то законная, осмелюсь доложить, крепчает.

— Здесь закон — тайга!

— Не успокаивай душу, милый, и не гневайся за правду... Бежать надо. Только куда? В Индию, что ли...

— В Индию Васко де Гама давно уже путь открыл, — зевая, усмехнулся Прохор. — Для тебя специально...

— Не ехидничай, ваше благородие! — пристыдил гостя старик и более миролюбиво добавил: — А мотай на ус! Пока же спи... Утро вечера мудренее. Как открывателя-то того кличут? Васька Дегама? Красиво кличут... Красиво. Васька Дегама!..

Не послушав тогда здравых советов, Прохор вернулся к прежней разгульной жизни и, кочуя по Сибири, продолжал шалые дела. Но с каждым днем они шли хуже и хуже. И появилась в душе, и становилась все более осязаемой тревога.

Что было делать? Сложить оружие и сдаться? Эту идею «ночной дух» отбросил сразу: на помилование рассчитывать не приходилось. Скрыться за кордон, наверное, не так-то просто. Переждать, пока все порастет травой и забудется? Но где? Сторожку в тайге лесник самолично спалил еще летом и драпанул на Урал, в некий торговый город, в котором не так давно проживал и Прохор...

«Ну, а если опять заручиться помощью лесного старикашки, — покусывая губы, размышлял ротмистр, — схорониться у него до более спокойных времен? Конечно, показываться в знакомых местах рискованно. Только, как говорят, риск — благородное дело. Да и не буду я целыми сутками околачиваться на улицах. К тому же сибирской милиции, крест можно поцеловать, в голову не придет выслеживать Прошку-Офицера на его родине...»

Вначале все шло как по маслу. Своих обреченных «друзей» Прохор покинул, не сказав никому ни слова; до Урала добрался без происшествий; городской адрес лесника установил в первый же день, и вот!..

«Эх, зря меня сюда все-таки качнуло, зря! Чего доброго, теперь застукают... Эх!» — с этими мрачными мыслями незваный гость Фаддея Владимировича повернулся на бок и заснул.

XV

Ваську Дегаму уже допрашивал субинспектор, бывший матрос спасательной службы Владимиров, которого товарищи из-за вечно торчавшей под усами закопченной трубки прозвали «торбой с дымом». Сам инспектор Яруш лежал в лазарете с огнестрельной раной, полученной во время недавней облавы.

Указав Ваське на некрашеный деревянный табурет, Владимиров, выпустив очередное дымовое кольцо и откашлявшись, пробасил:

— Присаживайтесь, гражданин!

— Премного благодарствую, милый! — еще более низким басом откликнулся старик.

Владимиров засмеялся:

— Да вам надо протодьяконом у патриарха Тихона быть, а не уголовно наказуемыми делами заниматься. И учтите, я вам не «милый», а гражданин субинспектор. Ясно?

— Как не ясно! — кивнул Поминов. — Но в дьяконы я, гражданин субинспектор, отродясь не собирался. А наказуемое, осмелюсь доложить, ты мне напрасно клеишь! Мало ли что в подполе хранилось, я в том домишке недавно обитаю. Все, поди, соседи подтвердят...

Владимиров вызвал дежурного и приказал доставить из камеры предварительного заключения грабителя Кылпыча, взятого по делу Шварцмана. И Кылпыч, не обращая внимания на гневные взоры старика, вновь охотно выложил все, что знал и слышал про него.

— Ай-ай, сынок! — обиженно запричитал Поминов и злобно добавил: — Задушил бы тебя, продажная твоя душа!

— Жрать, дед, захочешь, — последовал ответ, — самого себя продашь!

— Ну, как, Поминов, — пыхтя трубкой, поинтересовался Владимиров, когда Кылпыча увели, — будем признаваться или...

— В чем признаваться, гражданин субинспектор?

— В том, что ты занимался скупкой краденого... Не запрещается рассказывать и о других грехах, даже рекомендуется... Добровольное признание считается у нас смягчающим обстоятельством.

Васька, помолчав для вежливости несколько минут, со вздохом сказал:

— Давал я, гражданин субинспектор, самому себе честное-пречестное слово навсегда завязать!.. Вот так! Но попутала меня Советская власть, — и, увидев удивленное с поднятыми бровями лицо Владимирова, доверительно пояснил, — при вольной торговле, какая нынче процветает, награбленное, по-нашему, темное, легко сбывать.

— Занятно докладываешь, дед, — усмехнулся Владимиров, выбивая о край стола пепел из трубки. — Занятно... Но кто тебе велел темное скупать? Не Советская же власть? Только не суши весла.

— Стар я, гражданин субинспектор, чтобы с Советской властью в спор вступать...

— Но мне кажется...

— Кажется, гражданин субинспектор, так крестись...

— Ну, хватит, Поминов, балаганить! — погрозил Владимиров трубкой. — Будем говорить по-здравому... Не отворачивай от меня форштевень.

— Чо? — подпрыгнул на табурете Васька.

— Физию, говорю, не отворачивай... Так кто это к тебе заглядывал, когда наши с твоей мастерской знакомились?

— Стреляй меня, гражданин субинспектор, пытай меня: не ведаю, не знаю.

— Сомневаюсь.

— Не сомневайся, не вру. Самому, пойми, прелюбопытно.

— Может, ждал кого?

— Кроме той продажной собаки, что здесь раскололся, никого, гражданин субинспектор, не ждал.

— Вспомни, вспомни.

— Родителями покойными клянусь...

Неожиданно распахнулась дверь, и в кабинет вбежал растерянный Борис Котов.

— Звонили из лазарета! — не обращая внимания на Ваську Дегаму, выпалил он. — Яруш скончался...

Побелевший Владимиров прекратил допрос и велел увести старика.

— До скорого свиданьица! — поклонился на пороге Васька. — Искренне соболезную.

Дежурный милиционер, не получив указаний, по собственной инициативе повел старика в общую камеру.

Обитатели этой камеры потом рассказывали, как старик кинулся на Кылпыча и вцепился ему в горло. Кылпыч, почувствовав, что с ним не шутят, отчаянно хватил деда кулаком в висок, тот и «отдал богу душу».

XVI

Редкие сутки в городе не случалось магазинных, квартирных краж или уличных грабежей. Совершались и убийства. Трудной, опасной считалась работа в уголовном розыске. И если бы для нее требовались лишь храбрость и умение владеть оружием, тогда Никифоров мог быть спокойным за подчиненных. Но, кроме храбрости, в тревожных буднях тысяча девятьсот двадцать третьего года нужны были еще выдержка, упорство, опыт, знание преступного мира.

Никифоров на другой день после похорон инспектора Яруша созвал сотрудников.

Егор Иванович осторожно кашлял в кулак и думал: «Почему это во время вчерашнего разговора «сам» ни разу не повысил голос. Неспроста, наверно».

А «сам», высокий плечистый мужчина, хмуро следя, как рассаживаются вошедшие, молча завертывал «козью ножку» и, по-видимому, не торопился открывать совещание. Утром начальник губернской милиции Каменцев сообщил ему, что многие владельцы магазинов вывешивают в витринах объявления, в которых просят «уважаемых граждан воров не беспокоиться, так как на ночь товары прячутся».

— Галантерейщик Шварцман, — насупился в ответ Никифоров, — грозился, что хозяйчики намерены частное розыскное бюро открыть, как в Америке.

— Частное бюро! — Каменцев даже снял очки и раздраженно ударил карандашом по телефонному аппарату. — Размечтались, гляди, нэпачи! Не верят, значит, в наши силы... Так вот! Без всяких американских бюро наведем в городе строжайший революционный порядок...

Наконец начальник уголовного розыска поднялся со стула.

— Курить, товарищи, хватит! — сказал он и пригладил тронутые сединой волосы. — Приступим к делу. Челябинцы, соседи наши, разгромили банду Маркушки. Маркушка у нас в прошлую осень появлялся, магазин Будницкого ограбил, но как Яруш на след вышел, в Челябинск сразу перебежал.

Все угрюмо молчали. Каждый знал, если Никифоров рассказывает об удаче соседей, то лично для себя ничего приятного не жди.

У Юрия на сердце с каждой минутой становилось все тревожней и тревожней. Ему казалось, что начальник смотрит лишь на него одного и вот-вот напомнит о злосчастном выстреле, разбудившем Луговую улицу. А напомнив, объявит, что недисциплинированным соплякам не место в угрозыске.

Выдержав паузу, Никифоров неодобрительно покачал головой:

— Не серьезно, товарищи, к нашему революционному делу подходим...

И подробно рассказал, как челябинцы заранее основательно и скрупулезно продумали план поимки Маркушки.

— Ну, а мы как работаем? — Никифоров повысил голос, — как?.. В Тагиле преступников все-таки задержать удалось, а здесь? И Тюленев, и Терихов не новички и должны были знать, что, когда шли к сапожнику, во дворе надо было одного из оперативной группы оставить. Твоя ошибка, товарищ Тюленев, в том, что ты с самого начала нечетко продумал операцию.

Юрий по-прежнему готов был провалиться сквозь пол, хотя его фамилия почему-то еще не произносилась. Никифоров же, недобро косясь на Владимирова, продолжал:

— Про убийство в камере я и поминать не хочу. Такого на моей памяти не случалось. Да, дела!.. Учиться нам надо, товарищи, учиться и основательно... А то и молодые с первых шагов начинают допускать оплошности. Юрию Закне участие в той операции пусть послужит хорошим уроком на дальнейшее.

Лицо Юрия вспыхнуло. Вот и до него начальник добрался!

Но Никифоров ничего больше не стал говорить о происшествии во дворе у Васьки Дегамы, а каким-

то совсем иным тоном, рубя кулаком воздух, сказал:
— У нас в стране сейчас идет сбор налога в помощь сельскому хозяйству. Деньги стране, сами понимаете, как требуются! Надо закупать и скот, и семена, и удобрения... А мы преступников, похитивших товары во дворе у братьев Трушкиных, до сих пор не поймали, не знаем, кто угнал лошадей у Шулепова; кто проник в лабаз Старобрюкина... Список могу продолжить! Кражи, как грибы после дождя... И не думайте, что если обворовали магазин или склад нэпача, то наплевать на это. Не наплевать! Взять с обворованного нечего, налоги платить он уже не в силах, значит, и казна государственная страдает. Понятно, к чему ведет наша нерасторопность?

XVII

Юрий Закне попал на Урал летом семнадцатого года. В тот год к Риге, где он жил с родителями, подступали войска кайзера, и многие рижане эвакуировались в глубь страны. Отец Юрия, машинист, во время колчаковщины погиб на бронепоезде «Красная Россия»; мать, прачка, умерла в голодном двадцать первом от тифа.

Случись такая беда раньше, пришлось бы Юрию туго. Родственников в Уральском крае у него не было, специальности он не имел, богатого наследства никто ему не оставил. Но, к счастью, шла четвертая годовщина Советской власти, и о парне позаботились. Получив на бирже труда внеочередную путевку, Юрий начал работать на Макаровской фабрике, через полгода его приняли в комсомол.

В детстве Юрий увлекался романами Фенимора Купера, Густава Эмара, Майн Рида, Луи Буссенара и воображал себя то Кожаным Чулком, то Искателем Следов, то капитаном Сорви-голова. И когда в райкоме РКСМ ему предложили пойти служить в милицию, он вспомнил сразу этих героев и представил, как верхом на коне, вооруженный маузером, будет нагонять страх на воров и налетчиков. Но секретарь райкома, не зная, что творится в душе Юрия, жестко сказал:
— Ты товарищ грамотный, в международной обста-

новке хорошо разбираешься, потому и направляем тебя на милицейскую должность. Теперь туда людей берут лишь через приемную комиссию при административном отделе горсовета и только с рекомендациями партийных, комсомольских или профсоюзных организаций. И учти, что красной милиции Советская страна доверяет свою жизнь, спокойствие и имущество! Веселой службы не жди, к трудностям приготовься...

Секретарь райкома оказался прав: служба в милиции была нелегкой, размахивать маузером и гарцевать на горячем коне, как это делали герои любимых книг, Юрию не пришлось.

Даже участие в оперативной группе Егора Ивановича особых удач не принесло. Наоборот, одни неприятности: выстрелом из нагана он так переполошил весь квартал, что жителям Луговой улицы хватило потом разговоров не на один день.

Особенно Юрию было неловко, что все старались выгородить его в глазах Никифорова: дескать, еще молодой, неопытный, в уголовном розыске служит без году неделя. А Егору Ивановичу, Яше, Владимирову и Борису Котову досталось. Последнему — за то, что, будучи дежурным, не проверил, как опергруппа подготовилась к заданию.

Домой Юрий пришел расстроенный. Жил он в районе бывшего Царского моста, в доме вдовы Бурмакиной, в махонькой комнатенке, которую нанимала еще его покойная мать.

Юрий снял черную шинель с красными петлицами и милицейскую шапку из серого каракуля с красным суконным верхом, повесил на гвоздь, вбитый в дверной косяк. За стенкой пиликала расстроенная гармошка. У Бурмакиной недавно поселился владелец карусели с Лузинского рынка, рыжебородый старик Михалыч с двумя мальчишками, своими воспитанниками.

Сейчас Михалыч разучивал новую песню для карусельного репертуара, и, кроме гармошки, до Юрия доносился еще простуженный голос старика.

— Юра! — стукнула в дверь Бурмакина. — Тебя, милок, спрашивают.

— Кто спрашивает? — удивился Юрий.

— Я спрашиваю! — и на пороге появился Яша Терихов. — Можно? Не помешаю?

— Конечно, Яша, можно! — обрадованно воскликнул Юрий. — Проходи, шинель сбрасывай. У хозяйки самовар на кухне готов, чай будем пить.

— Я к Альке, понимаешь, топал, — сказал Терихов, вытаскивая из кармана черной гимнастерки осколок зеркальца и приглаживая тоненькие усики, — она недалече здесь проживает. А узрел свет в твоей хатке и решил: подождет Алька! Поважнее дела есть!

— Дела? Какие?

— Ладно, поясню! — кивнул Терихов и спрятал зеркальце в карман. — Только ты сперва гони обещанный кипяточек, а то я, понимаешь, продрог, как цуцик, — и, прислушавшись к «концерту» Михалыча, с усмешкой добавил: — голосист карусельщик-то.

Не щадя глотки, Михалыч в это время выводил:

На стене висит пальто,
Меня не сватает никто...

Юрий осторожно принес из кухни две дымящиеся алюминиевые кружки и, достав коробку с дешевенькими леденцами, пригласил Терихова к столу.

— Ты вот конфетки хранить можешь... Счастливый! — позавидовал Яша, отхлебывая горячий чай. — А у меня насчет конфеточек труба! Племяши, понимаешь, все сразу приканчивают. Утром порой голый кипяток пью, без всякой прикуски.

— Давай отсыплю для них половину коробки, — сказал Юрий. — Ребятишки — это хороший народ!

— Хорошие, хорошие! — охотно согласился Терихов. — Объявлю я этим хорошим: Юрий Петрович, мол, гостинцы вам послал, чтобы дядю Яшу больше не обижали.

— Обидишь тебя! — засмеялся Юрий и, хрустнув леденцом, спросил: — Так какие, говоришь, дела?

— Вот, понимаешь, такие... Ты у бородатого бродяги, который к Ваське Дегаме заявился, примету, кроме бороды, какую-нибудь запомнил?

— На бродягу он, Яша, по-моему, не похож... А примету? Приметы, кроме бороды, нет.

— Нет?

— Нет.

— Эх, не организован у нас «учебный кадр». Не то что как в Петрограде! Там каждый новичок, поступаю-

щий в угро, сразу же начинает обучение проходить без отрыва от службы. Мне-то что! Я в переделках с басмачами в Туркестане кое-чего познал.

— Неужели ты, Яша, мог за секунду запомнить какую-нибудь особую примету?

Терихов самодовольно улыбнулся:

— К шинельному короткому пальто воротник богатый пришит, хоть и поношенный. Кажись, бобровый... Разве это не примета?

— Не знаю, — неопределенно ответил Юрий. — Только, Яша, по такой примете человека не найдешь. Многие ходят с бобровыми воротниками. Из нэпачей.

— Нэпачи на дрянное шинельное суконце бобра не напялят.

— А ты точно уверен, что видел именно бобровый воротник?

— Полной уверенности, понимаешь, нет. Но что воротник богатый — это точно.

— И что думаешь теперь делать?

— Если попадется мне, к примеру, на улице тот тип, доставлю его в момент к товарищу Никифорову. Знай, мол, наших, дорогой начальник. Оплошность исправлена! А пока, Юрка, гнетет оплошность-то меня... Гнетет!

— Лицо его ты хоть помнишь?

— Ушанку он, паразит, на самый лоб нахлобучил...

— Давай, Яша, я еще чаю принесу!

— Валяй, неси!

Из кухни на сей раз Юрий возвратился в сопровождении двух шустрых ребятишек.

XVIII

Как-то на Лузинском рынке, около карусели старика Михалыча, остановились два оборвыша. Карусель в это время не работала, «отдыхала», и Михалыч собирался позавтракать ржаной краюхой, густо посыпанной солью.

— Дай, деда, кусочек, — несмело прошептал один из оборвышей с кудрявыми волосами, — а мы тебе забавные куплеты пропоем.

— Куплеты? — от такого предложения Михалыч

даже рассердился. — Вы мне будете петь куплеты? Шкеты несчастные, елки-палки! Да лучше меня никто на здешнем базаре не поет! — и, растянув во всю ширь двухрядку, заголосил:

В минуту жизни трудную,
Когда нет папирос,
Курил махорку чудную,
Пуская через нос...

У коновязей заржали лошади, где-то замычала корова, а мальчишка-лоточник, проходивший мимо, восхищенно воскликнул:

— Ну и артист погорелого театра!

Михалыч же, положив двухрядку на брезентовый табурет, с гордостью сказал:

— Вот как! А хлебушком угощайтесь. Вишь, вы какие шкилетины, даже штаники спадают... Лакомитесь, лакомитесь, не стесняйтесь!

Так карусельщик Михалыч и познакомился с Ванюшкой и Витюшкой.

Через городской вокзал все еще шли в те месяцы эшелоны с бывшими беженцами. Война окончилась, и люди, потревоженные войной, возвращались на свои родные места. Порой случалось, от эшелонов оставались дети, чьи родители, не выдержав трудностей, умирали в дороге. Часть ребят пополняла детские дома и приюты, а другие попадали в компании беспризорников. Так было с Ванюшкой и Витюшкой. Изголодавшиеся и одичавшие, с нестрижеными волосами бродили они по городу, кутаясь в лохмотья. Ночью прятались на чердаках, в подвалах, в сараях.

— Дальше науку проходить будете? — поинтересовался Михалыч, когда Ванюшка и Витюшка, разделавшись с хлебом, рассказали ему свои печальные истории.

— Какую науку? — изумленно спросил старший, кудрявый Ванюшка, а младший, Витюшка, силясь понять старика, заморгал длинными ресницами.

— Беспризорную науку... Вот какую! — хмыкнув, пояснил карусельщик. — Но, по моему разумению, наука эта, попрошайство, воровство и прочая и прочая, ни к чему. Без нее жить веселее, с ней лишь здоровье испортишь: побить могут или в каталажку бросить.

— Мы не воруем! — обиженно возразил Ванюш-

ка. — Мы песней-куплетом пропитание, дедушка, зарабливаем. Мы каталажки не боимся.

— Приятно слышать! — похвалил Михалыч. — Честные артисты не должны каталажки бояться. А что за песни ваш дуэт, к примеру, исполняет?

— Всякие... Перво-наперво про Маланью.

— Душевная ария, сам ее певал...

На следующий день Ванюшка и Витюшка опять подошли к карусельщику. Михалыч встретил их как добрых знакомых, снова поделился завтраком и охотно разрешил прокатиться на деревянных конях. А через неделю, когда мужик-помощник по имени Самсон, сидевший внутри карусели и крутивший перекладину, запил горькую и сбежал, старик, пригладив бороду, торжественно объявил:

— Хватит вам, ребятки, куплетами кормиться! Вот так... Желаю вас карусельному делу обучать.

Тут же, на базаре, он купил им дешевенькую, но вполне приличную одежонку и обутки, вечером остриг космы и сводил в баню. И вскоре Ванюшка и Витюшка стали с гордостью величать себя учениками рыжебородого Михалыча. Правда, все их учение сводилось пока лишь к одному: крутить карусель вместо Самсона. Особой сложности для ребят в этом деле не было, да и Михалыч оказался по-настоящему добрым человеком: делился последним куском, зря не ругался, не бил.

— Если помру, — как-то, расчувствовавшись, сказал старик Ванюшке и Витюшке, — карусель и гармонь вам в наследство отпишется...

Этих-то двух «учеников» и привел сейчас Юрий в свою комнату. Михалыч, разгневавшись, выставил их на кухню: ребята мешали репетировать новую программу. Вместо того чтобы сидеть смирно и слушать, они, если старик слишком завывал или пускал «петуха» на высокой ноте, прыскали в кулак.

— Неславно благодетеля-то обхихикивать! — с улыбкой пожурил их Яша, когда ребята, перебивая друг друга, рассказали о своей провинности. — Михалыч, почитай, втрое постарше вас обоих, вместе взятых!

— Да мы...

— Что мы?.. — погрозил пальцем Яша. — У всякого собственный вкус: кто любит арбуз, а кто, понимаешь,

пение уважает. Вот прошлый раз Виктор врал, что отец его был... Кем был?

— Губернатором, Яков Осипович, — четко, как по команде, отрапортовал Витюшка.

— Губернатором. Мы же с Юрием Петровичем твою буйную фантазию до конца тогда дослушали, не перебивали, не мешали.

— А после уши чуть не надрали, — обиженно фыркнул Витюшка.

— И правильно бы сделали, — щелкнул его по носу Яша. — Сочиняй, да знай меру!

— Ну, ошибся, Яков Осипович, — согласился хитрый Витюшка. — Это дедушка у меня губернатор, а папаша... папаша — архиерей! В санях ездил с бобровым покрывалом...

— Витька! — не выдержал Ванюшка.

— Молчи, Ваня! — остановил Яша. — Знаешь, как в народе говорят: не любо — не слушай, а врать не мешай... Верно, Виктор?

— Вовсе я не вру, — насупился Витюшка.

— А ты, Яша, не заметил, — вмешался в их перепалку Юрий, — что этот малыш тоже, как и ты, мехом бобра интересуется...

— Опять про приметы насмешки строишь? — понимающе улыбнулся Яша. — Но тот подозрительный определенно был в пальто из солдатского сукна с дорогим бобровым воротником...

— Друзья, — сказал Юрий Ванюшке и Витюшке, — вот вам леденцы, кушайте...

Ребята с радостным визгом кинулись к нему.

— И бородатый, — продолжал Яша. — Но серое это, короткое пальто с бобровым воротником — основная примета... Бородачей по городу бродит тьма... Да не все на шинелку такой воротник нацепляют.

Ванюшка и Витюшка с удовольствием сосали леденцы и внимательно слушали Яшу.

— Если бы в нашем уголовном розыске служило тысяча агентов и всех бы их выделили сейчас для свободного поиска преступника... А свободный поиск это, понимаешь, что? Слежку ведешь самостоятельно, лично делаешь выводы, лично все факты сопоставляешь...

Раздался скрип, и в дверь просунулась голова рыжебородого Михалыча.

— Ваня! Витя! — приказал старик. — Исть пора, ужин собран.

— Дедушка! — надулся Витюшка. — Рано еще...

— Рано, дедушка, рано, — поддержал дружка Ванюшка.

— Как это, елки-палки, рано? — заворчал Михалыч. — Марш до квартиры. Утром вставать раненько, служба соней не любит! Вы, товарищи Юрий Петрович и Яков Осипович, извините, ежели они тут вам помешали и прочая и прочая...

XIX

Вторую неделю жил Прохор Побирский у Фаддея Владимировича. Днем, лежа на неприбранной кровати, он курил самокрутки и читал без разбора старые журналы и книги, а поздно вечером, когда хозяин возвращался со службы с очередной бутылкой, купленной на его, прохоровские, деньги, восторженно восклицал, нетерпеливо облизывая губы:

— Эх ты, лапушка моя, едва дождался!

Но Фаддей Владимирович, уставший от капризов и угроз незваного гостя, не проявлял особой радости. Он обычно молча стаскивал шубу и шел на кухню готовить ужин. А в один из вечеров между ними вспыхнула перебранка. Началась она с того, что Прохор со вздохом объявил:

— Совзнаки в моем кармане, милейший Фаддей Владимирович, приказали долго жить.

— Приказали долго жить? — еще не веря в такое счастье, переспросил Фаддей Владимирович. — Неужели приказали?

— Мои — да. К счастью, сохранились ваши, — выделяя слово «ваши», пояснил Прохор. — На чьи капиталы мы угощались до сих пор?

Фаддей Владимирович вдруг твердо и нахально сказал:

— Дорогой Прохор Александрович, на мои деньги не рассчитывайте. У меня их просто нет!

— Как нет? — не поверил Прохор.

— Так, нет! Откуда им быть? Дров вот недавно подкупил, продукты каждый божий день на две персоны

сюда ношу... Вы думаете, пролетарская власть мне огромное жалованье выплачивает?

— Говорите спасибо, что пролетарская власть вам по белому свету гулять разрешает!.. Значит, денег нет... Хорошо, милейший Фаддей Владимирович! Деньги в этом благословенном доме скоро заведутся... Пока же продайте на рынке что-нибудь из барахла...

— Вы смеетесь, Прохор Александрович?! Я, образованный человек, заведующий библиотекой, и пойду торговать?.. Да на меня вся окрестность начнет пальцами показывать...

В колючих глазах Прохора мелькнула ирония:

— Благородная голубая кровь в жилах играет?.. Хорошо!.. Лузинский рынок далеко от Макаровской фабрики... Пусть Лузинский рынок и станет местом вашей дислокации...

Минут пять Фаддей Владимирович еще сопротивлялся и раза два даже огрызнулся. Но он и сам прекрасно понимал, что последнее, решающее, слово останется за Прохором. Слишком много знал этот, как снег на голову свалившийся, гость о его прошлом. А прошлое свое Фаддей Владимирович сейчас люто ненавидел: ведь именно из-за него приходилось так пресмыкаться и унижаться.

— Долго будем спорить? — нетерпеливо поморщился Прохор. — Друг вы мне или нет? Ну, скажите, друг?

— Друг, — нехотя ответил Фаддей Владимирович.

— Тогда выпьем по маленькой.

— Не в настроении!

— Я вам, милейший Фаддей Владимирович, что скажу: одним священным елеем мы теперь мазаны... На чем порешили?

— С вами сатана скружит голову, — пробормотал Фаддей Владимирович, и, проклиная в душе Прохора, поднял дрожащей рукой стакан.

Когда гость и хозяин стали просматривать в шкафу старые пиджаки и сюртуки, оказалось, что почти все они изъедены молью. Вещи же покойной жены Фаддея Владимировича еще год назад забрала ее сестра, оставив бедному вдовцу на память лишь ненужное тряпье.

— Положительно неправдоподобно! — развел руками Прохор. — Колдовство какое-то! А я думал...

— И думать нечего! — съязвил довольный хозяин. — Вот так мы и живем... К огромному сожалению, у нас не фирменный магазин «Парижский шик»!

Однако утром Фаддею Владимировичу все же пришлось собираться на Лузинский рынок. Прохор вручил ему свое перелицованное из шинели пальто и коротко приказал:

— Продать!

— Продать? — выпучил глаза Фаддей Владимирович. — А ходить в чем будете? Зима на дворе.

— Это не ваша забота! И — молчать! — цыкнул на него Прохор. — Продавайте и все. Только не первому встречному, а поприценяйтесь сначала, принюхайтесь. С плеча, последним жертвую...

XX

Из переулка в новых шинелях с малиновыми нагрудными клапанами, которые в народе прозвали «разговорами», показалась рота красноармейцев. У каждого был сверток с бельем, а у некоторых даже веники. Чеканя шаг по скрипучей снежной мостовой и размахивая в такт руками, красноармейцы дружно пели. В морозном вечернем воздухе их молодые голоса звучали особенно звонко и слаженно:

Так пусть же Красная
Сжимает властно
Свой штык мозолистой рукой,
И все должны мы
Неудержимо
Идти в последний смертный бой!

Шедший сбоку, по тротуару, Прохор Побирский, со злобой кусая губы, думал: «Повстречались бы вы мне, юнцы зеленые, в чистом поле года три назад...»

Но Прохор злился не только на красноармейцев, спешивших в баню. Бывший ротмистр был зол на весь мир, а больше всего на Фаддея Владимировича, которому недавно отвесил за непослушание оплеуху. Все началось с того, что Прохор собрался взять напрокат его шубу. Однако не тут-то было! Библиотекарь взбунтовался:

— Нет, Прохор Александрович, нет! — упрямо твер-

дил он. — Ваша просьба — сплошная утопия. Утром вы погнали меня ни свет ни заря на Лузинский рынок...

— Шуба никуда не денется, — не слушая хозяина, гнул свое Прохор. — Завтра у меня появится своя. Своя! К чему мне наряды с чужого плеча, да еще и не по комплекции... Договорились?

Шуба Прохору действительно была необходима. Валяться целыми днями на продавленной кровати ему надоело. И, вспомнив опять пословицу «риск — благородное дело», он решил тряхнуть стариной.

То, что Фаддей Владимирович не сразу узнал старого знакомого при первой встрече, обрадовало Прохора. Отрощенная борода оказалась удачной маскировкой. А если еще добавить очки? Никто не видел Прохора в родном городе и с рассеченной бровью. Правда, когда он драпал отсюда с отступающими колчаковцами, бровь уже была рассечена. Но как хорошо, что в то время он носил шелковую черную повязку, и многие думали, что у ротмистра Побирского выбит глаз.

Однако для осуществления «веселой задумки» не было самого главного — денег. Поэтому Прохор и командировал срочно на Лузинский рынок Фаддея Владимировича. И хотя библиотекарь барышничать не умел и стеснялся, все же ассигнаций, которые он выручил за продажу пальто, пока хватало.

...Красноармейцы, очевидно, шли в сторону Сплавного моста, где летом, напротив Хлебного рынка, открылась баня горкомхоза. Туда в минувшую субботу, к великой зависти своего гостя, ходил париться Фаддей Владимирович. Но сейчас колчаковскому ротмистру было не до бани: сейчас он торопился в центр города, на бывшую Гимназическую набережную, в ресторан «Пале-Рояль». Этот ресторан Прохор хорошо помнил по «добрым» временам, когда прокучивал в нем отцовские денежки. Знавал он и его приветливого хозяина — полурусского, полуфранцуза. Но этот хозяин бежал за границу еще в октябре семнадцатого года, а нынче «Пале-Роялем», как рассказывал Фаддей Владимирович, владел какой-то преуспевающий тип из нэпачей. После семи часов вечера сюда устремлялись дельцы всех сортов, их посредники и помощники, золотая

молодежь и все те, кого привлекал и дразнил своими возможностями нэп.

По Гоголевской улице Прохор поднялся к Главному проспекту. Прямой и широкий Главный проспект разрезал город на равные части: северную и южную. Сам же он делился на две половины Исетским прудом. Когда-то около пруда шумел горный завод, построенный еще при Петре Первом. Но теперь о нем напоминала лишь каменная плотина с узорными литыми решетками.

На западном берегу пруда находились большая площадь, окруженная магазинами, торговыми рядами и увеселительными заведениями, куда и стремился Прохор. В ресторан «Пале-Рояль» бывший ротмистр спешил сегодня с совершенно определенной целью: приглядеться к богатым посетителям, высмотреть среди них «карася» с туго набитым бумажником, а потом... потом этого «карася» как-нибудь обчистить. Возвращаться к Фаддею Владимировичу он пока не собирался. С солидными деньгами нетрудно сесть в любой пассажирский поезд и уехать из проклятого города, где Прохор не чувствовал себя в полной безопасности.

Конечно, с меньшим риском можно было остановить на темной улице какого-нибудь прохожего, припугнуть его пистолетом... Но прохожий мог оказаться и без денег, и без часов, и без иных ценных вещей. А такая случайная «работа» ротмистра не устраивала: он привык действовать по заранее продуманному, четкому плану.

XXI

Неторопливо, с достоинством Прохор снял серую каракулевую шапку и разрешил подобострастному старику-швейцару, в позолоченном пенсне стянуть с плеч шубу. Шапка, как и шуба, принадлежала Фаддею Владимировичу. Но если шубу библиотекарь, хоть и с неохотой, согласился одолжить своему гостю на нынешний вечер, то в шапку вцепился обеими руками.

— Не дам, не дам! Это подарок покойной Валентины Георгиевны!

— Молчать! — окрысился Прохор и, размахнувшись,

залепил Фаддею Владимировичу увесистую пощечину.

Теперь, стоя у массивного стенного зеркала, обрамленного курносыми серебристыми амурами, ротмистр с усмешкой вспоминал, как быстро подавил бунт библиотекаря. Да, он, Прохор Побирский, умеет властвовать над людьми! Покусывая губы, Прохор с удовольствием смотрел на свое отражение в зеркале: густая черная борода, очки в дорогой оправе, сюртук из касторового сукна (позаимствованный все у того же Фаддея Владимировича), цепочка от часов — чем не владелец какого-нибудь доходного дела! Да, с таким обликом можно явиться хоть куда. Пожалуй, покойный отец, Александр Гаврилович, и тот не узнал бы родного сына...

Пригладив волосы, Прохор степенно прошел в зал. Огромная люстра, висевшая под расписным потолком, переливаяс' разноцветными огнями, освещала все его углы. По квадратам паркета кокетливо скользили молодые официантки в накрахмаленных передничках. Новый хозяин «Пале-Рояля» признавал только женский обслуживающий персонал.

Но посетителей в ресторане, к удивлению Прохора, оказалось не так уж много.

«Значит, еще не время, соберутся позднее», — подумал он и направился к свободному столику у крайнего окна, задернутого шторой. Большая пальма в кадке отгораживала этот столик от зала и позволяла Прохору наблюдать за публикой.

Появившаяся рыженькая остроносая официантка заученным тоном любезно спросила:

— Что, барин, желаете заказать? Пиво имеем свежее, сегодняшнего привоза. Мадера тоже только что получена. Могу рекомендовать из закусок семгу, паюсную икорку...

— Покажите, барышня, меню, — небрежно сказал Прохор.

— Извольте!

Когда-то он, богатый наследник извозного дела «Побирский и сын», развлекался здесь до утра, швырял сотенные кредитки, танцевал с красивыми женщинами. А теперь приходится сверяться с меню: цены в «Пале-Рояле» для таких, как Прохор, пока кусаются. Зато, если сегодня повезет с «карасем»!..

Ротмистр долго и внимательно изучал поданный листочек и наконец не свойственным ему извиняющимся тоном произнес:

— Пожалуйста, бульон из курицы... Салат картофельный... Все.

— Вина, пива прикажете?

— Бутылку пива.

— Что, барин, мало?

— Для начала достаточно, после закажу еще.

— Слушаюсь!

Хотя, по понятиям официантки, — а это было видно по выражению ее глаз, — клиент и потребовал себе нищенский ужин, все же на столике быстро появились фарфоровые тарелки, блестящие столовые приборы и хрустальный бокал. А минут через пять Прохор уже наливал в этот бокал светлое пенящееся пиво.

Не успел он, однако, приступить к своей трапезе, как по залу прошел оживленный шепоток. Прохор выглянул из-за пальмы и увидел на полукруглой эстраде, по бокам которой возвышались тяжелые тумбы с бюстами каких-то древнегреческих мудрецов, юркого лысого человечка во фраке. Улыбнувшись, человечек шаркнул ножкой и с шиком объявил:

— Любимица наших уважаемых гостей, несравненная Ирина Глебова! Песни современной улицы! Прощальная гастроль перед отъездом на Ирбитскую ярмарку.

«Ярмарку? — мысленно изумился Прохор. — В Ирбите опять ярмарка?»

Вслед за лысым человечком на эстраду вышла широкоплечая брюнетка со следами былой красоты, в яркой шали и с гитарой под мышкой. Чуть наклонившись к гитаре, женщина взяла первые аккорды. У человечка в руках оказалась маленькая шестигранной формы гармошечка, и он, продолжая улыбаться, растянул мехи.

Между тем многие места, особенно у самого входа, по-прежнему оставались пустыми. Прохора это беспокоило. Ему хотелось, чтобы посетители прибывали и прибывали каждую минуту, чтобы нарастал гомон и пьяный смех, чтобы хлопали пробки, звенели ножи и вилки, а певица пела веселые куплеты, которые бы дружно подхватывались за всеми столиками. В такой

бесшабашной обстановке было куда легче познакомиться с кем надо...

— Вот краля! Жемчугом, золотом, огнем написана... Дух захватывает! — услышал Прохор восторженный голос.

Ротмистр повернулся: к столику, за которым он сидел, подходили два человека. Один, иссиня выбритый, высокий, худой, средних лет, в изысканно сшитой, но уже несколько потертой бархатной блузе с лиловым бантом. На его длинных пальцах блестели перстни с фальшивыми бриллиантами. Другой, большеносый, в поддевке, стриженный в скобку, был пониже ростом, с румянцем во всю щеку и черной окладистой бородой. Восхищался Ириной Глебовой именно он. Его же франтоватый спутник, добродушно посмеиваясь, говорил:

— Мой милый друг, я давно знаю, что вы любите и выпить, и на дамочек поглядеть... А последнее, по вашим древнережимным заповедям, грешно.

— Грех, что орех — раскуси да брось! — оскалился в ответ большеносый, продолжая умиленно созерцать певицу.

— Мы вам не помешаем? — учтиво склонив гривастую голову, обратился между тем человек в бархатной блузе к Прохору.

Конечно, Прохор предпочел бы находиться сейчас за столиком один или в компании более солидных людей, чем эти двое. На «карасей» по внешнему облику и «блуза» и «поддевка» не смахивали. Но черт с ними! Пока «карась» не выбран, пусть садятся.

Ирина Глебова в это время, к полному удовольствию посетителей, запела очередную песню из уличного репертуара.

Ротмистр же, ленивым жестом показав незваным пришельцам, что он не возражает против соседства, налил себе в бокал остатки пива и придвинул ближе тарелку с картофельным салатом. Но только он пригубил бокал, как почувствовал: кто-то осторожно трогает его правую ногу.

— То я вас беспокою, — вежливо шепнул человек в бархатной блузе, — нагнитесь экстренно и обсервируйте, что есть под вашим столом.

Неопределенно пожав плечами, Прохор с усмешкой

нагнулся и... увидел черный зрачок дульного пистолетного среза.

— Мой друг, дай бог ему здоровья, прелестно стреляет, — продолжал шептать человек в блузе, кивая в сторону большеносого, — но вы не бойтесь: мы не милиция и не ГПУ... Держите себя прилично, и дело будет в полном ажуре. Намекаю интеллигентно: кричать — значит лишиться разума.

XXII

За несколько секунд все пронеслось перед Прохором: служба в колчаковской армии, атаманство в бандитских шайках, возвращение на Урал, встреча с Фаддеем Владимировичем... Кто мог его выдать? Неужели библиотекарь...

— Наш хозяин имеет честь вас ждать, — разглядывая свои перстни, тихо пояснил человек в блузе.

Прохор с тоской оглядел зал. Он, конечно, свалял дурака, потащившись в «Пале-Рояль». Очевидно, его узнали. Но кто?

— Мне за вас давать слово, что вы руки в карманы не опустите? — галантно спросил человек в блузе. — Я не уверен, что там нет пушки.

— Не опущу, — безразлично ответил Прохор, признавая поражение, — будьте спокойны.

— Не дослухаю я ныне до конца мою Аринушку, — горестно сказал, подымаясь, румяный в поддевке. — Поет, лапушка, словно птица райская...

Ирина Глебова в этот момент вместе с лысым партнером раскланивалась перед публикой. Так что и Прохор, и «блуза», и «поддевка» прошли по залу под аплодисменты. За эстрадой они по хорошо знакомой ротмистру винтовой лесенке попали в узкий «кабинетский» коридор, из коридора свернули направо и остановились перед дверью, занавешенной тяжелой зеленой портьерой. Отодвинув портьеру, человек в блузе стукнул три раза. Из-за двери отозвался тонкий дребезжащий голос:

— Войдите.

И когда Прохор, сутулясь, переступил порог, то увидел около стола, уставленного закусками и бутыл-

ками, пучеглазого кудлатого старика в коричневой косоворотке.

— Здравствуйте, Прохор Александрович! — ласково сказал старик и подмигнул. — Здравствуйте! Разрешите во имя отца и сына и святого духа поздравить вас с благополучным прибытием... Надолго ли в родной город изволили пожаловать?

Глянув на старика, Прохор сразу же узнал в нем старого вора, специалиста по грабежу церквей Архипа Кичигу. Глаз у ротмистра был наметан еще со времен службы в белогвардейской комендатуре. Много всяких людей прошло тогда перед ним, однако, если бы потребовалось, Прохор мог вспомнить любого. Помнил он и свою встречу с Кичигой.

Архип Кичига в молодости был послушником в монастыре и готовился принять монашеский сан. Но однажды ночью в келье, в которой он жил, вспыхнула драка.

Монахам, сбежавшимся на шум и визг, Кичига и его сосед, дыша винными парами и шмыгая разбитыми носами, объяснили, что случайно запнулись о порог. Только разъяренный игумен, которого отец-эконом поднял с мягкой постели, не вняв этим заверениям, наложил на грешников суровое наказание. Они должны были в течение месяца отстаивать утрени и отбивать по двести поклонов.

Прошла неделя, и Кичига взбунтовался. Плюнув на наказание и на будущее монашество, Архип скрылся из монастыря.

Сразу после побега он сошелся с шайкой воров: ему, недавнему монастырскому послушнику, было хорошо известно, что и где хранится в церквах и когда туда лучше проникнуть.

Несколько раз Кичигу ловили, били смертным боем, сажали в остроги, ссылали в Сибирь — ничего не помогало. Наоборот, известность Кичиги в преступном мире после всех этих дел все возрастала. Перед семнадцатым годом он уже сам верховодил на Урале целой шайкой.

В штаб «Голубых улан» Кичигу в свое время приволокли в изодранной одежде, в синяках и кровоподтеках. Попался в уланские лапы несостоявшийся послушник случайно. Белогвардейские власти, боясь, что под

Первомай в городе могут быть беспорядки и демонстрации, решили установить на колокольне кафедрального собора пулемет.

Но когда ночью пулеметный расчет «Голубых улан» (днем на виду у жителей этого делать не захотели) прибыл в собор, то нежданно-негаданно увидел там грабителей.

Вечером, явившись домой, Прохор со смехом рассказал отцу о Кичиге. Но Александр Гаврилович поиному воспринял эту историю.

— Прошенька, — перекрестясь, сказал он, — пусти ты его, беднягу грешного, на волю.

— Папаша, — нахмурился Прохор. — Вы белены объелись?

— Вспомни, Прошенька, как я тебя из большого долга спас... Аль запамятовал?

Оказалось, что в бытность Александра Гавриловича церковным старостой Крестовоздвиженской церкви из ее кассы была изъята крупная сумма. Знал об этом один Александр Гаврилович и ужасно дрожал, боясь ревизии. Однако господь бог его выручил: перед пасхой церковь ограбили. И как потом стало известно, совершила грабеж шайка Кичиги. С тех пор староста поминал грабителей добрым словом во всех молитвах: недостающая сумма была списана за их счет.

— Так-то! — закончил Александр Гаврилович, — такие-то штуки творились... А все твои гулянки. Они на грех навели, спаси и помилуй!..

Прохор подумал-подумал... и выполнил отцовскую просьбу. Высшему начальству было доложено, что улик мало, и дело о попытке ограбить кафедральный собор прекратили.

И вот этот самый Кичига приветствовал сейчас Прохора в отдельном кабинете «Пале-Рояля».

XXIII

Прохор нервно снял очки, затем надел опять. Что хочет от него Кичига? А тот все тем же ласковым голосом продолжал:

— Да проходите, садитесь. Отведайте рыбки, хорошая рыбка... Из Тюмени, сказывают, санным путем приплыла.

— Спасибо, — невнятно поблагодарил Прохор, кусая губы. Только недавно он воображал себя повелителем вселенной, а теперь, нате вам, попался!

— Кушайте, сколько хотите... — услужливо суетился Кичига. — Так надолго ли на Урал пожаловать изволили?

Пока Прохор садился за стол, человек в блузе успел ощупать его и вытащить из кармана браунинг.

— Сие временно, временно, — успокоил ротмистра Кичига. — Опосля вам Гришка-Артист вернет, не беспокойтесь... А ты, Женька, — обратился он к большеносому, — кликни Галу и прикажи еще прибор и прочее, — как положено.

Когда большеносый Женька ушел, Кичига, устроившись в мягкое кресло, пояснил:

— Мы Женьку Кержаком зовем. Из села он кержацкого, что в семи верстах отсюдова... Да вы, Прохор Александрович, местный уроженец, про село то и сами хорошо наслышаны... Угрюмые люди там обитают, замкнутые, одним словом, староверы. Женьке строгости ихние надоели, и он, чтобы блаженство жития познать, метнулся в город. А Гришка-Артист — человек пришлый. С юга тепленького пожаловал. Все, забавник, представлять может: от граммофона начиная и кошачьим мяу-мяу кончая. Вот те крест! Недавно тутошние актеры в пользу беспризорных концерт учинили, так Гришка с актерами выступал, паровоз передразнивал... Пых-пых!.. Ух-ух!.. Ту-ту! Ту-ту!.. Я его на то святое дело от чистого сердца благословил, чтобы он разведал, куда выручку на ночь спрячут. Так нет — начал за какой-то напудренной певицей ухаживать и проворонил все на свете! Покажь-ка, лицедей несчастный, афишу концерта.

Гришка-Артист охотно достал из бокового кармана своей блузы желтый свиток и развернул перед Прохором.

— Фамиль Гришки не ищите — не найдете, — зевнул Кичига, обнажая редкие зубы. — Под псевдонимом играл. Вяземский у него был псевдоним.

Без стука распахнулась дверь, и вслед за Женькой-Кержаком в кабинет вошла высокая кареглазая девица с гладко зачесанными волосами. На вытянутых руках она держала поднос.

— А вот и Гала! — расцвел Кичига. — Мы из твоих дланей с превеликим удовольствием выкушаем...

Гала, не обращая особого внимания на его слова, расставила закуски, уверенно наполнила до краев тонкие бокалы.

— Теперь иди! — распорядился Кичига. — У нас сурьезный мужской разговор затевается.

Лишь Гала скрылась, старик наказал Женьке запереть дверь на крючок, а сам повернулся вполоборота к Прохору:

— Я ее от голодной смерти уберег. Так она, ягода, мне по гроб жизни теперь обязана...

Когда бокалы были опорожнены, Кичига, вытерев рукавом рот, пристально глянул на Прохора и покровительственным тоном спросил:

— Так почему же вы, Прохор Александрович, если не секрет, снова в город-то пожаловали?

— Я, простите, не понимаю вашего любопытства! — дернулся ротмистр.

— Поймете, Прохор Александрович, все скоро поймете, — улыбнулся хитро Кичига. — Ну, а если беседовать не имеется желания, то я самолично кое-что изложу.

И, к удивлению Прохора, старик довольно подробно и складно рассказал о недавней жизни Побирского в Сибири и даже припомнил кое-какие знакомые имена из преступного мира. Гришка-Артист и Женька-Кержак сидели молча и внимательно слушали. Видимо, были вышколены своим хозяином: когда он говорит, мешать не следует.

— Так что не таитесь, Прохор Александрович, — лукаво закончил Кичига, — нам многое известно.

— Откуда? — только и мог выговорить Прохор.

— Да от Васьки.

— Какого Васьки?

— Неужто лесника запамятовали?

— Лесника?! Он же...

— Именно, Прохор Александрович, именно! — поднял руку обрадованный Кичига. — Значит, к Ваське приезжали?.. Знавал я Ваську, знавал. Он меня и посвятил в ваши похождения. Герой, говорит, у нас гулял в Сибири. И еще добавил многозначительно: из твоего, мол, города герой. Не примечал, дескать, когда-нибудь

здесь Прошку-Офицера? Побирского Прохора Александровича? Как же не примечал?.. Ведь я вас, Прохор Александрович, частенько в молитвах поминаю! Спасли вы меня. Поэтому своим долгом считаю благодарность вам засвидетельствовать. Как только узнал вас...

— Узнали?!

— Ну, положим, не сразу... Изменились вы отменно, похудели и борода к тому же. Вроде нашего Женьки-Кержака. Однако...

Кичига, кряхтя, выкарабкался из мягкого кресла и, подойдя к задней стене кабинета, легко отодвинул аляповатую картину с розовыми лебедями. За картиной оказалось круглое окошечко.

— Зрите, Прохор Александрович, — милостиво пригласил он ротмистра.

И Прохор, встав рядом с ним, увидел как на ладони и ресторанный зал, и эстраду, и свой столик, и Галу рядом с остроносой официанткой.

— Очки вы изволили снять, — шепнул Кичига. — И лишь тереть их платочком стали да губки покусывать при этом, я и признал... Когда вы меня из штаба «Голубых улан» на все четыре стороны погнали, тоже губки кусали аккурат таким же манером.

— Что с лесником? — быстро спросил Прохор.

— Господу душу отдал, — вздохнув, перекрестился Кичига.

— Его, как мне известно, арестовали.

— Арестовали. После кто-то из своих, фартовых, в камере в неразберихе и порешил. Так люди рассказывали...

— Бывает.

— Истинно бывает, Прохор Александрович... Бывает! Козел страшен спереди, осел сзади, а свой друг — со всех сторон.

— А вы не из тех ли друзей?

— Прохор Александрович! Как ваш язык поворачивается этакие пакостные слова выговаривать?

— Скажите, для какой цели я сюда приглашен?

Вместо ответа Кичига закрепил картину с лебедями на прежнем месте и указал ротмистру на кресло.

— А вы, Прохор Александрович, не догадываетесь?.. Ай, ай, ай! — укоризненно покачал головой Кичига.

— Я загадок не люблю, — скривился ротмистр. —

С детства презираю их разгадывать. Давайте играть открыто!

— Давайте. Гришка и Женька свидетелями станут, что я в открытую буду играть.

— Я о ваших делах нынешних не знаю, а у меня золотое правило: знай тех, с кем имеешь хоть самые плевые отношения... Устраивает это вас?

Кичига легонько, по-стариковски рассмеялся:

— Торóпитесь, Прохор Александрович! Ох, торóпитесь!.. Давайте-ка лучше припомним, как в компании доблестного белого атамана огнем и мечом прошлись по Уралу... Мало чего после себя доброго оставили... А нынче Советы все вынуждены восстанавливать. Советам развалины, как вы понимаете, не нужны.

— Так вы что, неужели так болеете за Советы? — не стерпев, фыркнул Прохор, хотя фыркать в его положении и не стоило.

— Весело вам, Прохор Александрович! — погрозил скрюченным пальцем Кичига. — Возвесели, господь, сердце верного раба твоего... На ваши вопросы ответствовать пока не желаю. Только снова напомню, что похождения Побирского здесь хорошо известны и не забыты...

Добродушие с Кичиги как рукой сняло; ему казалось, что он привел ротмистру убедительные аргументы. Прохор же понимал: произнести сейчас «нет» — это значит подписать себе смертный приговор... Так просто его отсюда не выпустят... А если, чем черт не шутит, попробовать завести дружбу с Кичигой и остальной братией? Тогда можно будет, как в Сибири, опять изводить чем ни попало ненавистную власть. А он, Прохор, ради этой ненависти готов отдать и свою жизнь, и... Хотя зачем свою жизнь? Пусть другие нарываются на милицейские пули...

— Ну, Прохор Александрович! — толкнул его локтем Кичига и тихо, будто опасаясь, что их может кто-то услышать, кроме Гришки-Артиста и Женьки-Кержака, произнес. — Пути-то у вас иного нет — или с нами, или против нас.

— Что мне потребуется делать? — растягивая слова, поинтересовался Прохор.

— Вот сие христианский разговор! — облегченно вздохнул Кичига. — Слухайте...

Начал Кичига с жалоб на скудное житье-бытье, наступившее при Советской власти. Оказалось, что грабить церкви теперь невыгодно. В недавние голодные годы многие верующие потребовали от своих священнослужителей, чтобы церковное золото, серебро и драгоценности они передали в фонд помощи голодающим, в местные кассы Помгола. Священнослужители, особенно из высшей иерархии, пытались сопротивляться.

— Как вы, верующие, — кричали они с амвона, — можете допустить, чтобы миряне дотрагивались до священных предметов!..

Но в феврале 1922 года вышел специальный декрет ВЦИКа.

По этому декрету из церквей исключительно на нужды голодающих изымались те драгоценности, без которых можно было обходиться во время церковных служб. На них государство закупило хлеб для населения голодных губерний.

— Наказание божие — сей декрет, — наклоняясь к Прохору, зло шептал Кичига, — наказание за грехи наши... Ничего путного в церквах не осталось. Что в Помгол ушло, а что сами попы сперли. Имею я, Прохор Александрович, весточку про одного нечестивого кладбищенского батюшку, отца Савелия. Так он в день напечатанья декрета украл из храма золотую чашу, дорогую ризу и икону в серебряном окладе. Вот ведь как выходит: бог-то бог, да сам не будь плох...

— Вор не всегда крадет, а всегда берегись! — оскалился вдруг Женька-Кержак.

Но Кичига так свирепо зыркнул на него, что Женька, уткнувшись в бороду, стал поспешно накладывать себе в тарелку закуску.

— И бьем мы челом, Прохор Александрович, — вновь склонился к ротмистру Кичига, — пособите нам...

— Пособить? То есть, простите, чем? — искусственным смехом засмеялся Прохор и, сняв очки, начал усиленно протирать их салфеткой. Он улавливал, о чем сейчас пойдет речь. Но показывать этого не хотел. — Я же не могу сотворить чудо, чтобы в божьи храмы вернулись все ценности!

— Не шутите, Прохор Александрович! — горестно вздохнул Кичига. — Нет у нас нынче фарта... С церква-

ми мы работать умели, а на другие дела не способны. Рассказывал ведь я вам, как Гришку-Артиста в театр на дело благословил. А он?.. Чего уж тут говорить: к коже ума не пришьешь... Вчерась мы, правда, пощупали малость на Сибирском тракте мужичков. С базара мужички ехали. Вот потому и гуляем яко ангелы.

— Долго следили за мужиками?

— Где там, Прохор Александрович, следили... Мы в Брусянах были, обедню в тамошней церкви отстояли, но поняли, что макать пальцы в сию церковь уже не стоит. Назад возвращались, на обоз тот мужичий и напоролись.

— Аз пью квас, а где увижу пиво, не пройду мимо, — снова подал голос Женька-Кержак. Однако на этот раз Кичига почему-то его не оборвал.

— Так, так, так! — начал уже немножко соображать Прохор. — Значит, поучиться настоящим делам желаете? Но за учебу платить придется. Каждому кушать хочется.

— Кошку и ту хозяин молоком угощает, — подобострастно сказал Кичига. — Неужели мы человека, который нас на путь истинный наставит, обидим! Доля его во всех делах приличная будет. И не корысти ради.

Прохор, конечно, прекрасно понял, что Кичига слишком много знает о его былой жизни и при случае не преминет этим воспользоваться. Но разве сам Прохор не играл таким же образом в кошки-мышки с Фаддеем Владимировичем? И если библиотекарь дрожал перед незваным гостем, то Прохор не такой трус: в любое время он скроется из города, и ищи тогда ветра в поле. А сейчас...

Прохор взял свой бокал, молодцевато расправил плечи, торжественно провозгласил:

— Пью за атамана Кичигу и... за его есаула Прошку-Черного Туза!

В конце концов, предложение Кичиги совпадало со стремлением бывшего колчаковского ротмистра, незадачливого наследника некогда богатого папаши, — мстить, вредить, мешать всем, чем только можно, Советской власти...

— Золотые твои слова, Черный Туз! Пусть будет господь другом нашим, защитником нашим, на него упова сердца наши.

XXIV

Первое дело Кичиги и Прошки-Черного Туза — налет на ирбитский поезд, закончилось успешно. Правда, задумано оно было сначала примитивно. Кичига простонапросто предложил поехать на ярмарку, пообжиться там, осмотреться и начать действовать.

— Товаров в ярмарочный Пассаж навезено непересчитанное количество, — похвалялся он. — Но нашего брата, ясно, боятся: цельный отряд милиции отсюда дополнительно откомандировали.

Прохор покровительственно оборвал «атамана»:

— Кому жизнь не мила, пусть тот и торопится на ярмарку... Для меня эта идея незанимательна. Ведь ты сам, отец Кичига, вещал, что туда еще отряд милиции направлен. И попадем мы, как мыши в мышеловку...

И Прохор не торопясь выложил свой контрплан, который тут же у него созрел.

— Ну и орел ты, Прохор Александрович! — воскликнул восхищенный Кичига и покрутил кудлатой головой. — Значит, будем, словно Соловьи-разбойники во времена князя Владимира Святого?.. Боже милостивый! Каких дел мы сподабливаемся...

Однако во время нападения на ирбитский поезд Женька-Кержак чуть не испортил всю игру, стал требовать в коридоре вагона, чтобы Прохор возвратил серьги Ирине Глебовой. Любая заминка могла привести к катастрофе!.. Не задумываясь, Прохор отшвырнул Женьку и кинулся к стоп-крану. Поезд пора уже было останавливать...

Когда возбужденные налетчики мчались через лес в кошевке, которая подобрала их в условленном месте, Прохор рассказал Кичиге (Кичига был кучером — по старости от участия в налете его освободили) о поведении Женьки. Над Женькой по приезде в город состоялся «суд», и он был строго предупрежден, что если еще раз случится похожее, пусть пеняет на себя...

После дележа награбленного бандиты в закрытом кабинете «Пале-Рояля» затеяли грандиозный кутеж. Один только Женька-Кержак сидел хмурый и к спиртному почти не притрагивался. Если бы не Черный Туз, Кичига лишил бы Женьку его доли. Но Прохор, разомлевший от общих похвал, сказал атаману:

— На первый раз, отец Кичига, давай будем великодушными...

Однако Женька сам от всего отказался и попросил лишь серьги Ирины Глебовой. Прохор и Кичига подозрительно переглянулись, но все же серьги взять разрешили.

Во время кутежа кто-то из бандитов, подняв тост за здравие «есаула», предложил совершить новый налет на ирбитский поезд.

— Дурак! — отрезал Прохор. — Ты думаешь, уголовный розыск глупее тебя? Да теперь все ярмарочные поезда с охраной будут.

— Значит, — печально произнес незадачливый бандит, — крышка нашему фарту... Опять, значит, как попало начнем промышлять.

— Эх, сопляки, сопляки! — засмеялся Прохор и повел своими бесцветными, с холодным блеском глазами, — все в наших руках!.. Поняли?

— Поняли! — радостно ответил Гришка-Артист и, схватив гитару, пустился в пляс.

Через несколько дней в общем зале ресторана Прохор обратил внимание на круглолицего подвыпившего человека в модном клетчатом пиджаке и в желтых крагах. Чувствовалось: человек этот чем-то ужасно доволен. Прохор подсел к нему и вскоре уже знал, что фамилия подвыпившего Башкайкин, что в одном горнозаводском поселке у него есть лавка, и в «приподнятом настроении» он сегодня потому, что ожидается в субботу большой барыш. А когда Прохор, между прочим, поинтересовался, откуда барыш, Башкайкин доверительно сообщил, что наконец-то на местном заводе будет нормальная получка. Завод этот, разоренный колчаковцами, стоял на консервации, и жители горнозаводского поселка, чтобы не умереть с голоду, мастерили зажигалки, чинили старые барахляные вещи, занимались огородничеством.

С год назад завод все-таки пустили, но освоить выпуск готовой продукции долго не могли. Поэтому жалованье рабочим выплачивалось с перебоями и не полностью. И вот на прошлой неделе все цеха вдруг загудели и зашумели по-настоящему. Вечером на заводском дворе состоялся торжественный митинг, и администрация пообещала в ближайшую субботу выдать пол-

ностью причитавшиеся деньги. А пройдошный лавочник, разведав об этом событии, умчался в город и оптом накупил всяких товаров, чтобы продать их с приличной наценкой...

На следующий день кошевка с бандитами неслась в сторону горнозаводского поселка. Женьки-Кержака в кошевке не было. Сославшись на болезнь, он отказался участвовать в очередном грабеже.

XXV

Визит милиционеров в дом Раздупова не на шутку встревожил и хозяина, и постояльца.

— Ну? — насмешливо-ласково произнес Прохор, опускаясь в качалку, когда Фаддей Владимирович запер двери и вернулся в комнату. Библиотекарь вздрогнул. Он прекрасно понимал, что скрывается за этим тоном.

— Исповедайтесь, милейший! — продолжал Прохор. — Язык-то, надеюсь, вы не проглотили...

И всхлипывающий Фаддей Владимирович, перескакивая с пятого на десятое, рассказал о Юрии, с которым был знаком раньше, и о причине сегодняшнего милицейского посещения.

— Вы, милейший Фаддей Владимирович, глупы, как осел,— горестно усмехнулся Прохор, выслушав исповедь библиотекаря. — И зачем только я связался с вами?..

Но отчитывая Фаддея Владимировича, словно провинившегося мальчишку, Прохор одновременно соображал: врет он или нет. А может, милиционеры нарочно навязались к нему в приятели, чтобы, не вызывая подозрений, проверить дом. Тогда, выходит, дом застукан, и оставаться в нем больше нельзя.

— Вот что, милейший! — строго сказал ротмистр и поднялся с качалки. — Можете своих любимых милиционеров ублажать сколько угодно дурацкими коллекциями, вам это зачтется, не будь я Побирским! Понимаете, о чем идет речь? Не понимаете? Если заикнетесь про меня, все ваши грешки наружу вылезут... А теперь адью! Счастливо оставаться!

Вначале у Прохора даже мелькнула мысль, не прикончить ли старого дурака. Но потом он опомнился. А вдруг милиционеры в самом деле просто интересовались коллекциями?

И Прохор решил действовать по-иному.

— С понедельника, — приказал он Фаддею Владимировичу, — вы после своей службы в библиотеке будете каждодневно приходить в ресторан «Пале-Рояль».

— Я?.. В ресторан? — съежился, как от удара, Фаддей Владимирович. — Зачем?

— Надо! — отрезал Прохор. — Вы, что, не понимаете, — шутки с милицией могут кончиться плохо?.. Вот и посещайте «Пале-Рояль», и садитесь справа, если все в полном порядке, если же не в полном, садитесь слева... Ну, а не будет вас, значит...

— Что значит? — перепугался Фаддей Владимирович.

— Значит, вас арестовали, — спокойно пояснил Прохор.

— Меня?.. Позвольте... За что? — тяжело пробормотал Фаддей Владимирович.

— Не прикидывайтесь комиком! Если сядете слева, я найду способ связаться с вами и все выяснить. Ну, а если окажетесь справа, выпейте, закусите, чтобы быть похожим на нормального клиента, и домой...

— Выпить, закусить... Смею поинтересоваться, где у меня деньги?

— Деньги? — перебил с усмешкой Прохор.— О деньгах, милейший, не беспокойтесь! — и он сунул в руки библиотекаря пачку ассигнаций...

Ресторан «Пале-Рояль» был у Кичиги чем-то вроде штаб-квартиры. Еще до встречи с Прохором его шайка собиралась там в отдельных кабинетах и обсуждала свои дела. Хозяину ресторана было выгодно поддерживать с ними знакомство: расплачивались щедро.

— Прохор Александрович! — тоном обреченного прошептал Фаддей Владимирович. — Может, не надо «Пале-Рояль». Я, должен честно признаться, боюсь...

— Молчать!! — взревел Прохор и брякнул кулаком по столу. — Молчать! Делать, как я сказал.

Через пять минут, не простившись с обалделым библиотекарем, он ушел из его дома.

XXVI

За Лузинским рынком, среди путаных глухих переулков, затаился постоялый двор Аграфены Лукиных. Муж ее, «выбившийся в люди» из конокрадов, умер

полгода назад, и его место в сердце пятидесятилетней вдовы занял на правах старинного приятеля Кичига.

В тот воскресный день после вчерашних «трудов праведных» он почивал в чисто прибранной и жарко натопленной спальне под иконой Николая-чудотворца. Этого святого вдова выбрала себе в покровители и всегда зажигала перед его мрачным ликом лампадку...

Проснулся Кичига около семи часов вечера и, повернув над кроватью выключатель, увидел в углу на лавке Прохора.

— Тебя ли, Прохор Александрович, бог принес? — зевая, перекрестил он рот и отхлебнул из стоящего рядом с кроватью ковшика брагу. — Аль хоромы собственные надоели?

— Тю-тю мои хоромы! — свистнул Прохор.— Глупейшая история приключилась...

— Чего там еще? — поперхнулся встревоженный Кичига. — Не томи христа ради!

И когда Прохор по порядку выложил все, что случилось в доме Фаддея Владимировича, Кичига, пожевывая липкую от браги бороду, как-то неуверенно произнес:

— А не рано ли ты, Прохор Александрович, тревожишься?

— Может, и рано, — неопределенно ответил Прохор. — Все возможно...

— И, считаешь, толк сотворится, коли твой нечестивец Раздупов станет в ресторане маячить? И сколь долго?

— Помаячит с полмесяца и достаточно...

— Хвост за собой из милиции не притащит?

— Притащит — нам лучше!

— Нам лучше?! Господь с тобой!..

— Да, да!.. Неужели мы не узнаем, один он или с хвостом? Если с хвостом, тут и гадать нечего... Получится, я умно сделал, что вовремя смотался...

— Кажись, Прохор Александрович, ты прав... Конечно, с божьей помощью надо постараться все выведать.

— То-то, отец Кичига!.. Свободой и жизнью своей я из-за глупости Раздупова рисковать не желаю... Да и твоей тоже...

— А я при чем?

— «Мы спаяны, как два стальных кольца»...

— «Как два стальных кольца»?.. Ты, Прохор Александрович, узоров-то не разводи, мою особь не тронь... Я у Колчака чинов не хватал, в Сибири не разбойничал и ночью нонешней в горнозаводских милиционеров не стрелял... Господь наш милостивый тому свидетель... Чего губки-то кусаешь?.. Отвыкай от этой дурной привычки.

— Пугаешь, что ли, отец Кичига?

— Не пужаю, Прохор Александрович... Сам все понимать обязан.

Прохор и без намеков понимал: главарь здесь Кичига. Но случись провал, отвечать в первую очередь будет он, ротмистр Побирский. Остальные окажутся в тени: никто ведь из членов шайки не ходил в белогвардейских карателях. И Прохору, чтобы новые друзья не выдали его, многое из сегодняшних дел придется взять на себя... «Ну, бес с тобой! — пренебрежительно подумал «есаул». — Если что, я ведь первый смоюсь... А пугать меня не стоит, я не из пугливых...»

И как ни в чем не бывало он обратился к Кичиге:

— Кошевка где, отец Кичига?

— Под сараем стоит, — ответил Кичига, — соломкой я велел ее закидать.

— Прикажи завтра снять кошевку с саней и уничтожить... Службу свою она сослужила.

— Как сослужила, Прохор Александрович?

— Седина у тебя в волосах, а самого простого понять не можешь... Кошевка наша, отец Кичига, уже примечена...

— Выходит, опять, Прохор Александрович, ты прав... Благослови тебя владыко небесный!.. Утром кликну Гришку-Артиста и заставлю кошевку сжечь... А на чем выезжать будем?

— Давай, отец Кичига, в городе поищем работы... В городе, глядишь, ни саней, ни кошевки не потребуется...

В дверь спальни раздался условный стук.

— Кто еще там? — сердито крикнул Кичига. — У нас сурьезный разговор...

— К вам, отец, пожаловали, — приоткрыв одну створку, сладеньким голоском пропела вдова Аграфена. За ее пышной прической с огромным костяным греб-

нем виднелась подстриженная в скобку шевелюра Женьки-Кержака.

— Глянь-кось! — воскликнул Кичига. — Кого еще нам господь шлет!.. Заходи, Женька, заходи... Будь гостем... А ты, ягода, отсюдова рысью!.. Не для твоих нежных ушей тут беседа...

Женька, не ожидая, очевидно, встретить на постоялом дворе Прохора, растерялся.

— Тебя приглашают али нет? — начиная сердиться, зазывал его Кичига. — Иди, не бойся... Мы, благодаря создателю нашему, не волки, не кусаемся.

Осторожно потянув створку, Женька втиснулся в спальню.

— Садись рядом с Прохором Александровичем, — по-хозяйски дозволил Кичига. — Отдышись... Бражки попробуй...

Но Женька неожиданно брякнулся на колени посреди спальни и мрачно прохрипел:

— Отпустите меня!

— Ну, ну! — удивленно нахмурился Кичига. — Хватит... Ну!..

Однако, Прохор, внимательно глянув на Женьку, остановил Кичигу.

— Погоди, погоди, отец!.. Разреши ему исповедаться... Встань, Женька!..

Поднявшись с пола, Женька почистил коленки и, собравшись с духом, опять прохрипел:

— Отпустите меня!

— Куда? — ничего не понимал Кичига.

— Из ватаги вашей отпустите!.. Не могу я более свою душу губить... Раньше, когда храмы грабили, забавно было... А на людей с умыслом нападать, да еще маски напяливать!.. И зрить, как женщину слабосильную пистолетом бьют...

— Стоп! — вскочил с лавки Прохор. — Болтаешь лишку!..

— Отпустите меня... В Сибирь уеду, в промысловую артелку впишусь... Я же охотник...

— Ты мне, Женька, свой кержацкий крест на верность целовал, — гневно приблизился к нему в накинутом на плечах одеяле Кичига. — Бесстыдный богоотступник!.. Тот, кто крест целовал...

— По-честному прошу, отпустите! — перебил Жень-

ка и добавил с едва заметной угрозой: — Не отпустите добром, самолично сбегу.

— Не пужай! — показал ему кулак Кичига.

А когда Женька ушел, он, стуча зубами, допил из ковшика брагу и лишь после этого жалобно спросил у Прохора: — Ну, как?

— Чего «как»? Хороший подарочек преподнес нам твой кержак! Вот он серьги певичке, небось, вернуть изволил. Наверняка те серьги уже в твоем разлюбезном уголовном розыске... А завтра Женька...

— Не поминай змею подколодную! И сам же я его на сердце пригрел!

— Как не поминать? А кто тут, в комнате, сейчас сбежать грозился? Я, что ли? Ну-ка, отвечай, что ты с этой змеей делать намерен?

— Что и ты, Прохор Александрович. Ну, а квартировать покамест здесь будешь. Постоялый двор, что царство Вавилонское, народу всякого много... Никто тебя не признает, никто тебя не окликнет... Аминь!..

XXVII

В горнозаводском поселке бандиты, как выяснилось, не оставили никаких следов; в лавке Башкайкина был проведен самый тщательный осмотр и опрошены все свидетели. Ничего толкового не могли рассказать и жители маленькой лесной деревеньки. Одно было ясно работникам уголовного розыска: из поселка так же, как и после нападения на ирбитский поезд, бандиты умчались в сторону города...

Пока черным маскам везло, но на днях Никифоров наконец-то получил пакет из Сибири. Сибиряки лаконично писали, что по обским городам совсем недавно гастролировала шайка некого Прошки-Офицера. Многие свои преступления эта шайка совершала в черных масках. Самого Прошку-Офицера захватить не удалось, но арестованные сообщники показали, что родом Прошка с Урала, а в годы гражданской войны подвизался там в колчаковских карательных отрядах. Однако никто из них не слышал никогда фамилии главаря. В конце послания прилагались внешние приметы и при-

вычки Прошки, записанные со слов членов разгромленной шайки. В частности, указывалось на то, что он любит покусывать губы...

Феликс знал, что от каждого «малюсенького» дела могут протянуться нити к другому, более значительному. Поэтому он внимательно изучал любые данные и выслушивал все версии, могущие, по его мнению, пролить свет на личность Прошки-Офицера.

В сибирском пакете не указывалось, уроженцем какой местности Урала был главарь шайки. Он мог быть и из Ирбита, и из Камышлова, и из Красноуфимска, и из Тагила, и из самого что ни на есть захолустного уральского села. Прозвище «Офицер» тоже ни о чем не говорило. Но Феликса настораживал один момент: в городе хорошо помнили Прохора Побирского, наследника извозного заведения «Побирский и сын». Этот наследник имел офицерский чин, служил у Колчака и оставил о себе недобрую память. Да и имя Прохор, очевидно, было не так уж распространено в офицерской среде. Поэтому фигура Побирского наиболее реально выступала в этом деле. Согласился с Феликсом и Никифоров. К сожалению, фотография Прохора, которую удалось раздобыть, относилась к годам, когда он еще учился в старших классах местной гимназии. Тем не менее Феликс сделал с нее копию и отправил фельдпочтой в Сибирь. А вдруг арестованные грабители узнают в гимназисте своего бывшего атамана. Под наблюдение в городе срочно были взяты все подозрительные места. Кроме того, по районным отделениям милиции и милицейским постам Феликс разослал депеши: обратить особое внимание на сани с кошевками. Однако никаких дополнительных сведений в уголовный розыск пока не поступало.

«Неужели наши поиски снова зашли в тупик? — думал Феликс, шагая по кабинету. — Но ведь банда наверняка опять к чему-то готовится...»

Сегодня с раннего утра Никифорова вызвали в губернское управление милиции на совещание, помощник его заболел, и Феликс остался за старшего начальника. Перед ним на столе лежал список всех государственных, кооперативных и частных магазинов, лавок и киосков как в самом городе, так и в окрестностях. Частных торговых точек в списке числилось больше, но

все это были мелкие предприятия, и обслуживались они самими владельцами.

Черные маски вряд ли осмелились бы напасть на такие солидные магазины, как Уралторг, Пайторг, Текстильторг, где имелась вооруженная охрана и выручка каждый вечер обязательно сдавалась в банк.

Оставались нэпачи, вроде торговца мехами Федора Растегаева, который чуть ли не ежедневно публиковал в газете рекламные объявления. В день закрытия Ирбитской ярмарки Растегаеву удалось по дешевке приобрести целую партию чернобурок и норок, и теперь он усиленно зазывал в свой магазин покупателей. С ним в рекламе соревновались владелец часового киоска Занов, хозяйка бельевого ателье Силина, булочник Иванов.

Правда, многие частные заведения, угодившие в список, на самом деле уже не существовали. Приказали долго жить конфетные лавчонки Моисея Касавина и Багаутдинова, не сумевшие выдержать конкуренции с недавно пущенной кондитерской фабрикой «Красный Октябрь», свернула свое производство и колбасная бывшего чиновника Эполетова, ибо на улице Пушкинской стал действовать государственный колбасный завод; после того как в городе открылся магазин Петроградского объединения «Скороход», вылетел в трубу обувщик Валентин Матвейкин...

«Как же предусмотреть налет черных масок? — продолжал думать Феликс. — Успешно идет торговля мехами у Растегаева... Не крутятся ли они около его магазина?.. Придется взять этот магазин под наблюдение... и немедленно... А что делается за городом?.. Кто из нэпачей процветает там?..»

Размышления Феликса прервал дежуривший сегодня агент первого разряда Елисеев. Из отделения милиции, находившегося неподалеку от вокзала, по телефону сообщили: на рассвете в канаве за Лузинским рынком найден труп неизвестного мужчины...

Через несколько минут Владимиров и Тюленев направились в район вокзала.

XXVIII

— Феликс Янович! — просунулся в дверь кабинета Юрий. — Разрешите войти?.. Тут спрашивают товарища Никифорова, а его нет.

Лицо у Юрия было необычно радостным. Феликс невольно ответил улыбкой. С первого дня работы здесь ему нравился Юрий.

— Кто там спрашивает Никифорова?

— Тут комсомольцы... с Макаровской фабрики пришли! — в каком-то восторженном порыве выпалил Юрий и тихо добавил: — На Макаровской фабрике мы вечер-спайку устраивали. До вас еще...

— Слышал, слышал! Так где же комсомольцы?

— Сейчас позову! Это Вадим и Тамара...

Юрий открыл настежь дверь, и в кабинет неторопливо вошла Тамара, а следом за ней Вадим Почуткин. Он с нескрываемым любопытством оглядел стены кабинета и уставился на Феликса. Молодость инспектора, очевидно, его поразила.

Феликс поднялся и протянул руку:

— Здравствуйте, Тамара и Вадим! Прошу, садитесь!.. Меня зовут Феликс Янович...

— Здравствуйте! — ответил Вадим Почуткин, крепко пожав ему руку.

— Тамара! А вы почему на пороге застыли? — Феликс приветливо посмотрел на девушку, а когда Тамара осторожно села рядом с Почуткиным, спросил: — Как, товарищи комсомольцы, дела на фабрике? — и с лукавой улыбкой добавил: — Макаровской?

— Макаровской! — готовно подтвердили и Почуткин, и Тамара.

— Я ведь здесь, в этом городе, родился, — продолжал Феликс, — с тех пор, как себя помню, фабрика все время была Макаровской. Ну в прошлом это ясно: купцы Макаровы ею владели... А сколько лет минуло с того дня, как произошла Октябрьская революция?

— Шестой год идет! — быстро ответил Почуткин.

— Правильно! Более пяти лет минуло. Так почему же вы свою фабрику зовете Макаровской?

— Бывшей Макаровской, — поправил Почуткин, но видно было, что он озадачен.

— Это дела не меняет, — заметил Феликс.

— А что! — подхватила Тамара. — Феликс Янович прав! — Она сразу поняла суть вопроса, и от ее застенчивости не осталось и следа. — Бывшая или не бывшая! Все одно Макаровская.

— Верно, Тамара, так не годится! — раздумчиво произнес Юрий.

— Какие же вы хозяева фабрики? — продолжал подначивать Феликс. — Странно слышать, как в городе вас называют макаровцами.

— Не будет этого! — твердо заявила Тамара.

— Но нас хоть и кличут старорежимным прозвищем макаровцы, — сказал Почуткин, — всякая шантрапа нас боится. Мы, Феликс Янович, пришли доложить товарищу Никифорову, как наши комсомольцы наводят порядок.

— Ну, давайте, я товарищу Никифорову все передам, — пообещал Феликс.

— Прежде в наших кварталах, — бойко начала Тамара, — один старичок-сторож, дедушка Додя, ночью с чугунной колотушкой бродил...

— А теперь вместе с дедушкой, — досказал Почуткин, — мы, активные штыки, члены специальной комиссии общественного порядка, дежурим, и не только на своей окраине... Это на вечере-спайке так решили. Знаете, как шпана сразу хвосты свои поприжимала!.. Правда, я и Тамара эту неделю в ночную смену работаем, но в следующую и наша очередь подойдет. Вот так! А в стенгазете у нас завелась рубрика «Штыком сатиры!». Под этой рубрикой редакция дает заметки, бичующие пьяниц и хулиганов. Здорово, надо сказать, эти заметки действуют... Общество «Друг детей» создано... Только до чего трудно раскочегаривать беспризорных! Приучать к постоянной крыше, к делу... Ой, трудно! Ведь они как-никак все же уличный народ... А выкорчевывать беспризорщину надо всеми средствами. Правильно тогда на вечере-спайке товарищ Никифоров говорил... Кое о чем спросить вас можно?

— Конечно.

— По городу слух о каких-то черных масках распространяется.

— Которые нападают лишь на богатых, — добавила Тамара.

— Да, бандиты в черных масках действительно по-

явились... Но это обывательские выдумки, что они нападают только на богатых. Они никого не щадят. В железнодорожной больнице лежит пострадавшая от их рук певица Глебова, вовсе не богатая. Около горнозаводского поселка тяжело ранены два милиционера. Один из них вчера умер. Уголовный розыск... ведет...

— Возьмите нас в помощники! — вскочил Почуткин.

— Черные маски — бандиты опасные, — остановил порыв Почуткина Феликс, — тут большой риск. Опытные люди нужны.

— Нас зато множище! Мы же комсомольцы, сознаем необходимость борьбы и риска.

— Не торопитесь, будет нужна помощь, попросим... Хочу привести один пример...

Докончить Феликс не успел: на столе задребезжал старенький телефон.

— Да, это я! — отозвался Феликс в трубку. — Слышу, слышу, товарищ Владимиров! Сию минуту буду.

И, повернув ручку отбоя, он с сожалением произнес:

— Такая уж тут работа, так что придется мне с вами на сегодня проститься. Но я рад, что мы познакомились. Все, что у вас еще не высказано, доскажите товарищу Юрию. Он, кажется, ваш хороший приятель... — с улыбкой закончил Феликс уже в дверях.

— Юрий, приходи к восьми часам вечера в наш клуб в день Восьмого марта, — смущенно проговорила Тамара.

— Приду, обязательно приду! — обрадовался Юрий.

— Конечно, придет! — согласился и Почуткин. — Ведь фабрика — родной дом для Юрия... Да и спайка у нас не на один вечер. Верно?

— Верно! — кивнул Юрий.

Владимиров и Егор Иванович с поручением справились успешно. Когда Феликс пришел в отделение милиции, вся документация, в том числе и акт судебно-медицинской экспертизы, была уже готова. Экспертиза показала, что смерть неизвестного бородатого мужчины последовала от удара в висок каким-то тупым предметом. Ни удостоверения личности, ни других бумаг в карманах убитого не обнаружили. Но в окровавленной шапке, которую позднее отыскал в сугробе, непода-

леку от места происшествия, Егор Иванович, за подкладкой оказалось письмо.

— Карманы осмотрели тщательно? — поинтересовался Феликс.

— Газетку рядом стелили, чтобы ни одна мусоринка не исчезла, — заверил Владимиров и добавил с гордостью: — Делали так, как вы, Феликс Янович, нас учили.

— А что предприняли для опознания трупа?

— Думал поначалу спросить владельцев домов вокруг Лузинского рынка. Но вот нашли письмо.

Письмо, написанное четким крупным почерком, было адресовано женщине. В нем сообщалось о каких-то «негодных людях» и их «недостойных поступках». Автор письма каялся, что и сам тоже долгое время находился в «ватаге» этих «негодников», но решил порвать с ними и уехать с Урала. Затем он признавался в любви той женщине, которой писал и которую называл Аринушкой. Упоминал о серьгах, отобранных у нее грабителями.

«Слава Исусу Христу, — говорилось в конце письма, — что сережечки снова у тебя, любимая моя касаточка Аринушка. Знай, что любовь сотворяет чудеса: из охлестыша родит хорошего человека, из лодыря — трудолюбца. Разве только из дураков и закоренелых бандюг с лесной дороги ничего доброго не вылепит...»

И покаявшись еще раз в былых грехах, неизвестный — подписи в письме не было — навсегда прощался с Аринушкой.

— Где труп? — спросил Феликс, быстро прочитав письмо.

— В покойницкой железнодорожной больницы, — ответил Владимиров, набивая табаком трубку. — Главный врач той больницы и проводил экспертизу.

Вечером Феликс докладывал начальнику угрозыска о всех событиях прошедшего дня. Никифоров внимательно слушал, иногда кивал головой. Перед ним на столе лежало письмо к Аринушке.

...Валя-санитарка сразу же узнала недавнего посетителя, принесшего серьги. Записав ее показания, Феликс попросил Егора Ивановича привести Ускова, который продолжал дежурить около палаты своей жены.

Долго и внимательно смотрел он на труп, наконец, развел руками и виновато произнес:

— Не знаю, дорогой товарищ, что и сказать... Разрешите, с вашего позволения, собраться с мыслями.

— Да, конечно, я вас не тороплю, — согласился Феликс.

После некоторого молчания Усков неторопливо заговорил, как бы на ходу припоминая:

— Покойника мы с Ириной могли встречать... вернее, видели лишь в ресторане у нас, то есть... в ресторане «Пале-Рояль»... Я его немножечко запомнил. Думаю, не ошибаюсь.

— Жена ваша по-прежнему в тяжелом состоянии?

— В тяжелом, в тяжелом, — жалобно простонал маленький человечек. — Но Ирина тоже бы узнала покойника. А что с ним произошло?

— Его убили.

— Кто?!

— Пока ищем... Серьги вашей жене возвратил он.

Тут Никифоров прервал доклад Феликса:

— Итак, Феликс Янович, дело о черных масках следует объединить с делом об убийстве этого человека... Так и затвердим. А в ресторане «Пале-Рояль» ты успел побывать?

— Я не только там был, — отрапортовал Феликс, — но по очереди вызывал швейцара, и официанток, и хозяина ресторана в железнодорожную больницу.

Однако все служащие «Пале-Рояля», хотя разговор с каждым велся с глазу на глаз, испуганно шептали:

— Вижу первый раз.

— Не ведаю.

— Клиентов много.

— Не припомню.

А владелец ресторана, услышав про показания Ускова, хмыкнул и величественно сказал:

— После кошмарного нападения на ирбитский поезд у товарища Ускова мозги больные... Лично я ему не верю, обознался, бедняга.

— Ну и как? — опять прервал Феликса Никифоров и забарабанил пальцами по столу.

— Зазубрено, по-моему, все и у швейцара, и у официанток.

— Почему так думаешь?

— Они ничего даже и вспомнить не пытаются. Как попугаи, одни и те же слова выговаривают.

— Возьмем, Феликс Янович, такое предположение: не мог ли сам хозяин их этому научить. Ослушаться хозяина нельзя, выгонит в три шеи из ресторана, ищи тогда работу.

— Он и приказал всем своим молчать?

— Да.

— И пытается вызвать недоверие к Ускову, так? Значит, он как-то связан с этим убийством?

— Ты меня, Феликс Янович, понимаешь с полуслова. Правда, версия моя пока ничем не подкреплена.

— Возможно, швейцар — он побывал в покойницкой первым — все сразу разболтал?

— Предупредить мог и он, и хозяин, и любое третье лицо. А цель? Не связывать личность убитого с «Пале-Роялем». — Никифоров помолчал. — Между прочим, вчитываюсь вот я в письмо... Кажется, сочинял человек грамотный. А ошибку одну грубую допустил. Меня в церковно-приходской школе учили, что «Иисус» пишется через два «и». Тут с одним.

— Ошибки тут как раз и нет, — беря в руки письмо, сказал Феликс. — Человек, написавший его, подстрижен в скобку, на шее имеет малюсенький восьмиконечный крестик...

— Ну и что? — удивился Никифоров.

— А то, — спокойно пояснил Феликс, — что в отличие от православной церкви так называемые старообрядцы, или кержаки, пишут имя бога через одно «и»... Кресты у старообрядцев восьмиконечные...

— Выходит, убитый из кержаков? Так. Но откуда у тебя познания о кержацком правописании?

— Еще с далекого детства! — улыбнулся Феликс, — у нас в соседях жила семья старообрядцев Анисимовых. Старшие, конечно, нас избегали, а младшие — мальчишки, несмотря на строгий запрет, дружили с нами и с большой охотой выкладывали нам тайны старообрядческих премудростей. Не думал, что и это может пригодиться.

— Если убитый — кержак, — задумался Никифо-

ров, — то странно, что он, блюститель старины, связан и с черными масками, и с «Пале-Роялем». А не могли, Феликс Янович, служащие ресторана видеть, как этого кержака убили, и истинные показания давать боятся?

— Не надо исключать и последнюю, самую фантастическую версию, — добавил Феликс. — Вдруг они действительно ничего не знают, и Усков ошибся.

— Прикинем, Феликс Янович, и это... Что еще?

— Следует сфотографировать крупным планом лицо убитого и побывать со снимком и в здешней старообрядческой часовне, и в ближайших старообрядческих селениях.

XXIX

Весна только что ударила грязными полосками по белым еще от снега улицам и развесила по карнизам сосульки. С Уральских гор ринулся волнами теплый и мокрый ветер. Однако ночи по-прежнему были холодными и хмурыми.

— Солнце на лето, зима на мороз, — говорили старики.

Восьмого марта Яша и Юрий, отконвоировав после обеда арестованных, следствие по делу которых уже закончилось, возвращались по Покровскому проспекту в уголовный розыск. За Каменным мостом Яша, неожиданно остановившись перед окнами парикмахерской с восковыми красавицами и красавцами, сказал Юрию:

— Вот таких прилизанных личностей в ресторане «Пале-Рояль» хоть отбавляй... И все почти нэпачи.

— А ты, Яша, откуда знаешь? — жмурясь от яркого света, воскликнул удивленно Юрий. — Посещаешь, что ли, тот ресторан?

— Посещаю! — признался Яша и, подтянув свою портупею, зычно скомандовал: — Шагом марш! Сегодня я тебя приглашаю в «Пале-Рояль»...

— В «Пале-Рояль»?! Сегодня?!

Почти целую неделю Юрий с каким-то необъяснимым волнением ждал сегодняшнего дня. Ведь Тамара пригласила его на вечер в клуб Макаровской фабрики... И, замотав головой, Юрий тут же решительно заявил:

— Я ни в какой ресторан, Яша, не пойду. Тем более

в «Пале-Рояль». И тебе не советую. Да ты ли это? Давно ли по всем статьям громил нэпачей?

— Верно, громил! — охотно согласился Яша. — И буду громить. Но, понимаешь, не в службу, а в дружбу прошу: посидим в ресторане. Обещаю: жалеть не будешь! Приходи только в пальто и в пиджаке. Ты даже не представляешь, кого там увидишь!

— Кого, Яша?

— Понимаешь, хочу нацелиться на одного подозрительного человека. Но надо, чтобы он нас не засек... Мы придем пораньше, устроимся в углу за буфетом, тот человек является обычно после семи...

— Но я приглашен на праздник Восьмого марта в клуб Макаровской фабрики, — убитым голосом сказал Юрий.

— Ну и празднуй, кто запрещает? Ведь празднование в клубе, понимаешь, в восемь часов... А тот человек к восьми из ресторана всегда сматывается... Я для тебя извозчика-лихача возьму и прямо в клуб к твоей Тамарочке доставлю.

Встретиться друзья условились около семи часов в маленьком скверике на плотине под старым тополем. Яша напомнил Юрию о штатской одежде и строго-настрого запретил говорить кому бы то ни было про их сегодняшнюю затею.

— Как все выясним, — пообещал он, — доложим товарищу Никифорову. — Пусть почувствует, что мы тоже кое-что можем. А то назначает, понимаешь, ограбленный вагон караулить...

...Погода к вечеру резко переменилась. Когда Юрий свернул с пустынной, напоминающей ночную деревню улицы к Главному проспекту, сильнее засвистел режущий глаза ветер, и повалил снег. Сквозь снежную метущую завесу с пожарной каланчи донеслось семь ударов колокола, и Юрий, подходя к скверу, ругал себя за то, что задержался дома на кухне, беседуя с Михалычем.

«Неужели из-за моего опоздания сорвется Яшин план? До скверика на плотине рукой подать!.. Вот уже и старый тополь виден, под ним мигнул огонек папиросы. Значит, Яша ждет».

Неожиданно звук выстрела прокатился над темнеющими верхушками деревьев...

XXX

— И больше ты действительно ничего не знаешь? — спросил Никифоров и забарабанил пальцами по столу.

Юрий печально покачал головой. Все, что было ему известно со слов Яши, он уже сообщил. Ходики, висевшие в кабинете начальника, отстукивали второй час ночи. Феликс, сидевший рядом с Юрием, со сдержанной горечью произнес:

— К несчастью, мертвые уносят тайны с собой. Постарайтесь, Юрий, припомнить все, связанное в последние недели с Яшей Териховым... Разговоры ваши. Имена, может быть, он какие-то поминал.

Но Юрий опять покачал головой.

— Думайте, старайтесь все припомнить! — настаивал Феликс. — И хочу на будущее дать совет: никогда не занимайтесь самостийным расследованием. Я понимаю, что инициатива тут исходила от Терихова... А он, оказывается, уже сам был на мушке и поплатился жизнью. Мы потеряли товарища и насторожили тех, кого ищем.

Феликс не стал рассказывать Юрию про бывавшего раньше в «Пале-Рояле» убитого кержака, хотя имя и фамилия его были теперь известны...

Один из сотрудников, Борис Котов, получив фотографию убитого, тотчас же отправился в старообрядческую часовню за Царским мостом. Там как раз шла служба. И хотя Борис был поражен древним чинным строем службы и до одури нанюхался ладана, поручение он выполнил. Некоторым из молящихся успел показать фотографию. Один старик опознал убитого.

Борис Котов дождался конца службы, и старик, пришедший, как выяснилось, из старообрядческого села, находившегося в семи верстах от города, на берегу озера, поведал ему про непутевого охотника Евгения Григорьевича Тихонова. По его словам, Тихонов смеялся над строгостями жизни блюстителей «истинной веры», не оказывал должного почета старцам из скита, не уважал ни креста, ни Евангелия, не клал уставных поклонов перед иконами. А с год назад и совсем исчез. После из города доносились слухи, что связался он с какими-то темными людьми и на озеро больше возвращаться не желает...

Показания старика подтвердили многие жители того села, куда Феликс вместе с Борисом Котовым выезжал вчера утром. Но что это были за «темные люди», с которыми водил дружбу Тихонов, никто сказать не мог...

— Еще этот проклятый снегопад, — сокрушался Никифоров.— Все следы уничтожил... А может, Терихова убили случайно? Просто за то, что он советский милиционер.

— Терихов был не в форменной шинели,— возразил Феликс.

— Да, да! — кивнул Никифоров. — Терихов ведь был в штатском. Кто-то за ним следил. И за кем, черт возьми, следил Терихов?

— Со слов Юрия, — заметил Феликс, — нам известно, что следы ведут в «Пале-Рояль». Опять «Пале-Рояль»! Кто-то там, конечно, знал... Владелец в истерику ударился: почему, дескать, при любом убийстве его ресторан трясут...

— Феликс Янович, — сказал Никифоров. — Какие у тебя будут предложения?

— Утром нужно еще раз побеседовать со служащими ресторана.

— Надеешься что-то новое выведать?

— Хочу повторно допросить... Мне кажется, что они не так храбрятся, как прежде. Юрий, я вам напоминаю: проанализируйте все недавние разговоры с Яшей, его поступки. Может быть, какая-нибудь случайная, малюсенькая деталь, фраза выплывет...

Хоронили Яшу через день. Одели в милицейскую форму, на грудь прикололи милицейский значок. Гроб поставили в зале губернского управления милиции. У гроба менялся почетный караул, плакала Яшина сестра, крошечные Яшины племянники все время с тоской и страхом смотрели на его застывшее лицо.

Юрий то поправлял венки, то алое сукно, закрывавшее гроб.

«Погиб Иван Яруш. Теперь Яша, — думал он, судорожно потирая рукою горло. — Как это нелепо!..»

Потом шестерка вороных лошадей повезла Яшу на утопающем в венках белом катафалке в последний путь. На Константиновском кладбище после речей милицейский взвод дал троекратный залп из винтовок, поднявший с деревьев птиц, и гроб медленно опустили в

могилу. Было по-весеннему тепло и совсем безветренно.

Домой Юрий шел с Вадимом Почуткиным и Тамарой. Шли молча, говорить ни о чем не хотелось. Юрий думал о Яше, о последнем их разговоре.

— Ребята! — остановился Юрий. — Знаете, что?.. Пойдемте ко мне, чаю попьем. У меня коробка с леденцами припасена. Яша их очень любил.

— Пойдем! — охотно согласился Почуткин. — Ты как, Тамара?

— Я, как и все, — тихо ответила Тамара.

...У хозяйки на кухне вечером всегда кипел самовар. Пока Юрий резал хлеб, Почуткин заваривал чай в фаянсовом чайнике.

— Крепкий чай — моя страсть! — признался он.

Тамара расставила кружки и блюдца, подошла к книжной полке, прибитой над кроватью.

— Ты мне дашь почитать «Овод»? — обратилась она к Юрию, — а то наш Фаддей Владимирович последнее время часто прихварывает. Библиотека все на замке, да на замке...

— С удовольствием, Тамара,— обрадовался Юрий.— Прочтешь, приходи, выбирай еще. А что с Фаддеем Владимировичем?

— Старость не радость! — ответил за Тамару Почуткин. — Весенний воздух и мутные лужи плоховато на стариков действуют...

Юрий разлил по кружкам крепкий чай.

Кто-то неуверенно постучал в дверь.

— Можно, можно! — крикнул Юрий.

Дверь раскрылась, и все увидели рыжебородого карусельщика Михалыча и за Михалычем — зареванных Ванюшку и Витюшку.

— Юрий Петрович! — всхлипнул и Михалыч. — Не можем боле!..

Шмыгая носом, он начал рассказывать, как его ребята, слушая споры Юрия Петровича и Якова Осиповича о каком-то бородатом в шинельном пальто с дорогим бобровым воротником, решили самостоятельно заняться сыском...

Раскручивая деревянных коней и львов, Ванюшка и Витюшка время от времени разглядывали через дырки полотняного купола Лузинский рынок. А с карусельного

верхотурья — карусель стояла на пригорке — рынок просматривался как на ладони. Различных бородачей бродило сколько угодно. Среди них были и рыжебородые, и седобородые, и чернобородые. Иногда мелькало и шинельное пальто, изредка выплывала дорогая шуба с бобровым воротником. Но нужного сочетания, о котором говорили Яков Осипович и Юрий Петрович, к сожалению, не встречалось...

И вот однажды ребята обратили внимание на толстого человека, хотя у него бороды и не было. Но зато толстяк этот держал в руках довольно потрепанное пальто из шинельного сукна с бобровым воротником. Он ни минуты не стоял спокойно, то и дело оглядывался, переходил с места на место. Его боязливые ужимки и привлекли внимание ребят. Толстяк немного потоптался у карусели, потом скрылся в толпе. И ребята о нем чуть не забыли. Но через несколько минут они снова увидели толстого человека, но пальто у него уже не было. Он шел к воротам. Михалыч в это время объявил перерыв в своем аттракционе. У старика разболелся зуб, и он отправился на Пушкинскую улицу, к врачу.

Воспользовавшись неожиданной свободой, прячась за столбы, афишные тумбы, углы домов, ребята крались за толстяком и установили, что живет он в старинном деревянном доме на Второй Восточной улице. Однако ни Юрию, ни Яше пока сказано не было. Ванюшка и Витюшка решили сами следить за подозрительным лицом...

Несколько раз приходили мальчишки вечером к старинному дому, подолгу наблюдали издали, но ничего подозрительного, по их мнению, там пока не происходило...

Они собирались уже бросить затею, тем более, что Михалыч не на шутку начинал сердиться, что они куда-то без спросу бегают, как вдруг проживающий бобылем толстый человек стал ходить ежедневно к семи часам в ресторан «Пале-Рояль». Сидел он там обычно недолго и быстро возвращался на свою улицу. Но ходил туда аккуратно, как на службу.

Ванюшка и Витюшка призадумались: что делать дальше? Может, этот толстяк до самой смерти так ходить в ресторан будет... И вот когда Яша, придя к Юрию, не застал друга, выложили ему все новости.

Яша, с изумлением выслушав рассказ, строго предупредил ребят:

— Без меня, понимаешь, ни шагу! Чок-чок, зубы на крючок!.. Только хату на Второй Восточной покажите...

— А сегодня ребятенки мне все это и поведали, — утирая слезы, заключил Михалыч. — Кто же думал, как оно обернется.

— Никифорову доложить надо, немедленно,— встрепенулся Юрий. — Да он живет далеко. А рядом тут Феликс Янович... Ему и доложим.

...Гостей к себе в этот вечер Феликс не ждал. Поэтому на робкий стук в дверь произнес удивленно:

— Кто там? Открывайте... Не на крючке.

А увидев Юрия, Почуткина и Тамару, поспешно вскочил с кровати, на которой лежал, дочитывая сегодняшнюю газету, одернул гимнастерку.

Юрий, очень волнуясь, начал рассказывать. Внимательно, не перебивая выслушав его, Феликс досадливо упрекнул парня:

— Как же вы могли забыть о Раздупове? Ведь я просил вас вспомнить все, что имеет отношение к Терихову... А вы ни слова о том, что были вместе с Териховым в доме Раздупова!

— Ты, Юрий, опростоволосился, — укоризненно сказал Почуткин.

— А ты, Вадим, сам мог бы догадаться? — вступилась Тамара. — Догадался бы? Ну?..

— Мда... Этот Фаддей Владимирович... Такой безобидный с виду... Старенький, едва ходит...

— Ладно. Раскаиваться не время! — остановил их Феликс. — Спасибо за новость. Хотя и запоздалую.

XXXI

Утром Феликс доложил Никифорову о последних событиях.

— Так, так, Феликс Янович! — забарабанил Никифоров пальцами по столу. — Вертушка-то, оказывается, вон как закрутилась и все мимо нас с тобой, сама по себе....

Он открыл ящик стола, достал пакет и протянул Феликсу. Это были новые материалы, только что получен-

ные из Сибири: члены разгромленной шайки Прошки-Офицера опознали на гимназической фотографии своего главаря.

— Выходит, Феликс Янович, все и было, как мы прикидывали, — сказал Никифоров. — Сначала Прохор Побирский верховодил над сибирскими черными масками, после перебрался в наши края. Очевидно, Евгений Тихонов, не поладив с ним из-за сережек певицы, объявил Побирскому об уходе из шайки... Мы теперь знаем, что Тихонов часто посещал «Пале-Рояль». Интересно, знал ли он библиотекаря Раздупова? И знал ли библиотекарь Побирского?

— Уверен, что да, — медленно ответил Феликс. — Раздупов продавал на базаре пальто. А это пальто, по словам Юрия, напоминает пальто незнакомца, скрывшегося из сапожной мастерской...

— Почему тот незнакомец обязательно Прохор Побирский?

— Это пока предположение. Прохор Побирский — колчаковский офицер. Я успел поговорить по телефону с товарищами из ГПУ. И как мне сообщили, Раздупов был какое-то время в дружбе с колчаковскими властями. Эх, если бы библиотекарь...

Вчера вечером Феликс, взяв с собой Юрия, отправился на Вторую Восточную улицу. Арестовать Раздупова надо было без промедления, сию же минуту. Те, кто с ним связаны, не будут долго сидеть сложа руки.

— Мы с вами, Феликс Янович! — схватился за свой лисий треух Почуткин, — мы...

— Вы нам помешаете, — объяснил Феликс. — Раздупова следует накрыть без шума, внезапно, чтобы он не успел опомниться.

— Ох, я бы этому тихонькому библиотекарю все высказала! — гневно заявила Тамара.

— Феликс Янович! — воскликнул вдруг Почуткин. — Вот вы говорите, что библиотекаря надо арестовать внезапно... Давайте так: я и Тамара постучим в дом, скажем: «Фаддей Владимирович, нам срочно нужен ключ от главного шкафа»... Это большой шкаф с самыми ценными книжками. Он ключ всегда держит при себе. Мне как-то позарез требовался журнал один, так я к нему бегал почти ночью...

...В окнах раздуповского дома за занавесками горел

яркий свет. Феликс, быстро повернувшись к своим помощникам, приказал:

— Юрий, встаньте со мной справа у двери. Когда он откроет, я, отстранив Раздупова, захожу внутрь. Вы держите его, приготовьте на всякий случай оружие. (Сам Феликс еще раньше вытащил наган из кобуры и опустил его в карман шинели.) Ну, Вадим, начинаем!

Несколько раз барабанил Почуткин и в дверь, и в окна — никто не отзывался.

— Хватит, отойдем-ка в сторонку, — с тревожными нотками в голосе сказал Феликс.

— Весь кулак отбил! — рассердился Почуткин. — Черт бы побрал этого Фаддея! Богатыри так не спят...

— Погоди чертыхаться, — остановил его Феликс, — в доме что-то неладно.

— А свет? — удивилась Тамара. — Значит, кто-то дома...

— Вот именно.

После короткого совещания было решено проникнуть в дом через кухонную дверь. Она, как объяснил Юрий, имела примитивный замок, который легко сорвать.

— Ты-то откуда все знаешь? — удивился Почуткин.

— Однажды помог принести старику наколотые дрова. Только и всего.

Юрий, ловко перемахнув через забор, неслышно отодвинул щеколду калитки. Без особых усилий поддалась и дверь в кухню. Запор и в самом деле оказался ненадежным.

Феликс, первым войдя в комнату, служившую столовой, увидел мертвого Фаддея Владимировича...

— Ну так что, «если бы библиотекарь»? — продолжил за Феликса Никифоров. — Так он нам все на тарелочке и выложил... Феликс Янович, судебно-медицинскую экспертизу повторить не надо?

— Считаю, нет, — ответил Феликс. — Это явное самоубийство. Врач Соркин точно установил. Юрий его на извозчике за двадцать минут доставил. И хорошо, что со мной были комсомольцы: понятых искать не потребовалось...

— И ты хочешь, Феликс Янович, объединить гибель

Терихова и самоубийство библиотекаря в одно дело с черными масками и Побирским?

— По-моему, Валерий Прокопьевич, и ты такого же мнения.

— Ну, что ж!... Давай, вернемся к нашим версиям. Значит, библиотекарь имел связь с колчаковцами... Прохор Побирский — колчаковский офицер... Мог он приехать к библиотекарю?.. Вот что, зови сюда всех ребят из опергруппы, потолкуем.

Примерно час в кабинете Никифорова шел спор. Выслушав самые разные мнения и обобщив все сказанное, Никифоров сделал выводы: с Прохором Побирским Раздупов встречался, но в шайке черных масок он, очевидно, не состоял. Алиби у него имелось: он работал в библиотеке. И ясно, что в нападении на ирбитский поезд и в ограблении лавки Башкайкина не участвовал.

Однако о визите Яши и Юрия к нему домой библиотекарь кому-то дал знать. А так как Яша повел слежку неумело, его «застукали» и решили убрать с дороги. Возможно, «застукал» сам Фаддей Владимирович. И снова нити вели в «Пале-Рояль».

— Остался последний вопрос, — сказал в заключение Никифоров. — Почему повесился библиотекарь? Какая причина? Может, испугался возмездия за черные дела; может, боялся Побирского?

— По всему видно, этот Побирский враг убежденный и опасный, — добавил Феликс. — И он понимает, что рассчитывать даже на самое малюсенькое снисхождение ему нельзя... Я снова беседовал со служащими «Пале-Рояля», и мне показалось, что одна из официанток, по имени Гала, все что-то порывалась сказать. Но не сказала.

— Феликс Янович! А если эту самую Галу вызвать сюда? — предложил Никифоров.

— Только не повесткой,— мотнул головой Феликс.— Надо, чтобы никто не знал о нашей встрече с Галой. Да и здешняя казенная обстановка не очень-то располагает к беседе. Я же хочу поговорить с Галой по душам.

— Бери, Феликс Янович, из ребят, кого надо...

— Давайте мне Юрия.

Все удивленно переглянулись. Если бы Феликс на-

звал кого-то другого. А то младшего милиционера. Да и прошляпил он здорово...

— Юрий — парень не из робких, — пояснил Феликс. — Учиться ему тоже надо. А кто по сей день его учил? Один лишь Яша. И потом, Юрий человек скромный, обходительный.

— Хорошо! Будь по-твоему! — пристукнул ладонью по столу Никифоров. — Но ты уж, пожалуйста, посвяти нас в свой план.

XXXII

На западном берегу пруда находилась большая мощеная площадь. Некоторые упрямые обыватели звали ее иногда по-старинке Кафедральной, потому что на ней возвышался кафедральный собор. Однако по недавнему решению горсовета у площади появилось иное имя: площадь Первой русской революции. В пятом году здесь проходили митинги и схватки боевых рабочих дружин с полицией, казаками и черносотенцами.

Площадь на противоположном, восточном, берегу в прежние времена звалась Екатерининской. Екатерининский собор и по сей день занимал всю ее центральную часть. Но, как и Кафедральную, Екатерининскую площадь тоже переименовали. К началу двадцать третьего года она стала площадью Труда. Гипсовый монумент «Кузнец мира», поставленный в первомайский праздник рядом с собором, как бы символизировал новое имя и чтил память неизвестных уральских мастеровых, которые двести лет назад возводили город...

Поздней ночью со стороны площади Первой русской революции по изогнутой улочке, спускавшейся к городскому пруду, трусила гнедая лошадь, запряженная в скрипучие розвальни. Окна домов, еще час назад манящие светом и уютом, были теперь темны и неприветливы. Улочка спала. Лишь в самом конце, на берегу пруда, около ресторана «Пале-Рояль», горели круглые фонари.

Но не доезжая до ресторана, кучер повернул назад, и лошадь нехотя стала подниматься в гору...

Минут через тридцать на левой стороне улочки показалась женская фигура. Женщина шла быстро и при-

крывала лицо от мокрого снега краем платка. Неожиданно из темноты рядом с ней вынырнули розвальни и сверкнул тоненький слабый луч карманного фонарика. Женщина, отшатнувшись, вскрикнула.

— Не пугайтесь! — сказал ей выскочивший из розвальней мужчина в кожаной куртке. Это в его руке светился фонарик. — Вы, конечно, не узнаете меня?.. Вглядитесь...

Женщина вздрогнула и прошептала:

— Инспектор из уголовного розыска...

— Да, инспектор из уголовного розыска, — подтвердил Феликс.

— Я арестована?..

— Нет... Нам нужна ваша помощь.

— С охотой бы, товарищ инспектор, но чем я могу помочь?

— Едемте с нами.

Только сейчас Гала заметила, что в розвальнях был еще человек. Глаза официантки растерянно стали перебегать с одного лица на другое, пытаясь разглядеть в темноте. Инстинктивно она сделала едва уловимое движение в сторону. Но Феликс, положив руку ей на плечо, доверительно сказал:

— Гала, уголовному розыску очень нужна ваша помощь!

Гала чуть помедлила с ответом, отвернулась к забору, так что лицо ее не было видно. Потом несмело сказала:

— Что делать-то я должна?

— Садитесь в наши сани...

Феликс помог Гале удобнее устроиться в розвальнях и, взяв у Юрия вожжи, хлопнул ими по спине лошади:

— Н-но, Левша!..

Хозяева дома, где квартировал Феликс, уехали на несколько дней к сыну в деревню.

Поэтому он сам раскрыл ворота и провел лошадь под навес сарая.

— Юрий, — приказал Феликс, — идите с Галой в дом... Вот держите ключ, я лишь накрою Левшу попоной.

При комнатном электрическом свете Юрий лучше разглядел девушку. На вид Гале было лет двадцать, но

лицо ее до сих пор сохраняло какую-то детскую непосредственность. Только глаза были удивительно серьезными.

Еще днем Феликс, вызвав к себе Юрия, рассказал ему о черных масках и о Прохоре Побирском. И Юрий, не сдержавшись, воскликнул:

— Да об этом выродке я слышал и в колчаковские времена... Ух, как он, Феликс Янович, зверствовал в городе...

То, что ротмистр Прохор Побирский превратился теперь в уголовника, молодого милиционера не поразило. И то, что таких оборотней надо было как можно быстрее обезвреживать, Юрий хорошо понимал. К сожалению, в лицо Прохора он не знал, встречаться с ним ему не приходилось.

— У нас записаны кое-какие приметы Побирского,— сказал Феликс.— Известно также, что шайка его крутится возле «Пале-Рояля» и, видимо, имеет отношение к гибели Яши Терихова. Вот с «Пале-Рояля» мы сегодня и начнем...

...Войдя сейчас в свою комнату, Феликс шутливо-строгим тоном обратился к Юрию и Гале:

— Юрий, почему вы не предложили нашей гостье снять шубку и платок?.. Ай-ай-ай!.. Гала, разрешите за вами поухаживать! Ну, Гала, давайте знакомиться по-настоящему. Перед вами Феликс Янович и Юрий Петрович. Прошу любить и жаловать. А вы скажите, если не секрет: давно ли живете в нашем городе?

— Нет, недавно,— тихо призналась Гала, глядя на Феликса уже без прежнего страха.— Я приехала лишь год назад из Саратова...

— По вашему певучему говору,— улыбнулся Феликс,— нетрудно догадаться, что вы волжанка...

— Вы на Волге бывали?!

— На Волге не бывал... Посмотрите, Гала, на эти снимки,— раскладывая их на столе, предложил он.— Вдруг какого-нибудь знакомца увидите.

Гала напряженно стала изучать фотографии, а Феликс и Юрий внимательно следили за ней. Наконец с

уверенной ноткой в голосе, указав на самую крайнюю, она прошептала:

— Этот немножко похож на... Похож определенно...

— На кого? — спокойно спросил Феликс, хотя внутри у него все напряглось.

— Здесь он только моложе и одет гимназистом... Но зверем исподлобья зыркает... Очков нет... Бороду еще не отрастил!..

— Гала, не помните ли вы особых привычек этого человека? Таких, скажем, какие его от других людей отличают?

— Что-то не замечала, товарищ инспектор... Нет, нет, вспомнила!.. Губы он часто кусает... Будто жует...

— Ну, а познакомились с ним как?

— В ресторан наш ходит...

— А почему вы, Гала, решили стать официанткой в «Пале-Рояле»?.. — И Феликс замолчал, давая девушке возможность собраться с мыслями.

Однако Гала вместо ответа робко пожала плечами, в ее взгляде таилась тревога.

— Поймите, — продолжал Феликс, — мы не собираемся вторгаться в вашу личную жизнь... Но уголовный розыск ищет опасного преступника. И вы его, кажется, знаете... Он ослеплен ненавистью к сегодняшней жизни. В его руках даже единственная-разъединственная спичка может стать причиной несчастья и гибели многих людей... Важно задержать преступника... Ну, давайте все-таки начнем с того, как вы стали официанткой в «Пале-Рояле»? Наверно, в этой истории ничего тайного нет?

По лицу Галы пробежала тень. Спокойный тон Феликса вселял какие-то смутные, неясные надежды. Но что она может рассказать? Ведь сотрудники уголовного розыска должны были хорошо помнить плакаты, которые расклеивал на заборах и афишных тумбах Помгол. Эти плакаты спрашивали всех, чем ты помог голодающему Поволжью. А если еще не помог, то помоги!..

В Саратове у Галы от голода скончались отец и мать, брат и сестра. Зная, что на Урале живет тетка, Гала надумала ехать к ней. Добралась с трудом, но тетку свою нашла умирающей от сыпняка.

Оставшись одна в незнакомом городе, Гала расте-

рялась. Чтобы попасть на учет на биржу труда, нужно было платить членские взносы в профсоюз. А деньги у Галы кончались, да и в профсоюзе она не состояла. Однако девушка каждый день упрямо записывалась в очередь возле здания биржи труда, надеясь получить хоть временную работенку...

Как-то на улице Гала случайно встретила кудлатого старика, которого запомнила со дня похорон тетки. Старик ласково побеседовал с девушкой, выведал все о ее житье-бытье и в память о тетке, которая, оказывается, была доброй его давнишней приятельницей, предложил помощь.

— Что я могла ответить? — говорила Гала Феликсу и Юрию, вытирая платком глаза. — Согласилась... По наивности согласилась, да и голодна была... Только старик клятву взял: во всем ему повиноваться... И устроил он меня официанткой в «Пале-Рояль»...

С тех пор как девушка очутилась в ресторане, жизнь стала казаться ей невыносимой. Если другие официантки мило улыбались гостям и ради «чаевых» исполняли их прихоти, то Гала никак не могла привыкнуть к этому. Сразу же после работы она бежала домой. Некоторые из «обиженных» гостей даже жаловались хозяину на ее неприветливость. Хозяин стыдил Галу, кричал, что она лишает «Пале-Рояль» выгодных клиентов, угрожал увольнением. Но уволить не решался: как-никак Гала была протеже самого старика Кичиги.

Чем занимался старик Кичига, Гала не знала. Деньги, во всяком случае, у него водились и немалые. Кутил он с друзьями всегда широко и в отдельных кабинетах. Обслуживала их Гала. Ей старик доверял, а на других официанток смотрел косо.

Недавно Кичига поручил Гале наблюдать за толстым клиентом: если толстяк сядет за столик в левом ряду, то следует немедленно шепнуть швейцару. Ресторанного швейцара в позолоченном пенсне почему-то боялись все официантки и, чтобы заслужить его расположение, делились с ним «чаевыми»...

— Гала, — Феликс протянул три фотографии, — вы знаете кого-нибудь?

— Но тут одни милиционеры! — девушка непонимающе наморщила лоб.

— Никто из них вам не знаком? — продолжал Феликс.

— Вот этого с усиками, я видела, — всмотревшись в фотографию Яши, после долгой паузы сказала Гала, — но не думала, что он из ваших... Не в форменной одежде у нас бывал. Получается, восьмого марта на плотине милиционера убили?

— Да, Гала, такие дела... Когда наш товарищ заходил последний раз в «Пале-Рояль»?

— За день до своей гибели... В тот самый день толстый человек впервые сел в левом ряду... Поэтому я так хорошо все и запомнила.

— И вы, конечно, доложили швейцару?

— А не надо было?.. Товарищ инспектор? Да? — растерянно говорила Гала.

— Не волнуйтесь, не волнуйтесь, — успокаивал ее Феликс. — Не волнуйтесь... Вспомните, как вы первый раз вот этого гимназиста, который изображен на карточке, встретили?..

Немножко успокоившись, Гала рассказала, как появился в ресторане бородатый «гимназистик», как услышала, что прозвище его Черный Туз, как почувствовала, что он такой же главный, как и Кичига, даже, может, и главнее.

— Часто он бывает в ресторане? — поинтересовался Феликс.

— Сегодня вечером приходил и пытал у меня...

— Что именно?

— Давно ли бражничал здесь Растегаев... Мехами Растегаев торгует...

Феликс усмехнулся. Кажется, один из очередных ходов черных масок предугадан.

XXXIII

В последнюю неделю «Пале-Рояль» вечерами превращался в шумный танцевальный зал. Вместо Ирины Глебовой и Ускова на полукруглой эстраде специально выписанные из Москвы три напомаженных баяниста в смокингах исполняли модные современные танцы. Юрий, сидевший сейчас в углу под ветвистыми лосиными рогами, слушая грустную и незнакомую ему мелодию, вспоминал клуб Макаровской фабрики. Там все

было просто, открыто, весело. Здесь же каждый, словно в маске. Слащавые улыбки, пошлые словечки. Вольный тон с официантками... Душно и тоскливо, как перед грозой... Женщины сюда почти не заглядывали, и хозяин распорядился, чтобы никто из официанток не упрямился, если какой-либо гость пригласит на танец... Танцевали эти девушки с заученной покорностью, с угодливой гримасой вместо улыбки.

...Рано утром, после беседы с Галой, Феликс и Юрий были в кабинете начальника уголовного розыска.

— Входите, товарищи, входите,— встретил их Никифоров.— Я давно вас жду... Так что там с вашей официанткой?

Когда Феликс рассказал ему и о ночной беседе, и о дальнейших планах, он, разминая пальцами «козью ножку» из крепкой и ароматной махорки, долго молчал. Наконец, озабоченно поглядев исподлобья на Юрия, зажег спичку, прикурил и произнес:

— Хорошо, Феликс Янович, доложим Каменцеву. Но чтобы все обошлось без срывов, задам тебе пару вопросов. Ведь не на свадьбу к родственникам ты своего товарища посылаешь. Коли Раздупов мог навести Прохора Побирского на Терихова, то почему кто-нибудь другой не наведет бандитов на Юрия? Юрий был вместе с Териховым у Раздупова...

— Прости, Валерий Прокопьевич,— перебил Феликс Никифорова.— Догадываюсь, о чем ты хочешь сказать... В раздуповском доме я лично все проверил, двери такие массивные и так плотно захлопываются, что если кто и скрывался в соседней комнате, то увидеть ничего бы не сумел...

— А приоткройся дверь хоть чуточку,— добавил Юрий,— мы с Яшей обязательно бы приметили.

— В окно вас засечь не могли?..

— К окну, товарищ начальник, подходил лишь Раздупов. После визита мы с крыльца свернули вправо.

— Правая сторона из окон не просматривается,— пояснил Феликс.

— Так, так! — забарабанил Никифоров по столу.— Идея отправить Юрия в ресторан, конечно, дельная... Только риск огромный.

— Валерий Прокопьевич! — поднялся Феликс. — Я бы пошел сам... Но в «Пале-Рояле» меня уже знают. Посылать других сотрудников тоже опасно... И их внешность, по словам Галы, достаточно изучена: облавы поэтому и проваливаются... А Юрий — человек в уголовном розыске новый, младший милиционер и по сути дела на народе не мелькал. С ним, по-моему, никто из преступного мира по-настоящему не знаком. Вокруг «Пале-Рояля» будут посты.

— Посты постами, но обстановка в ресторане может осложниться в любую минуту.

— Я разберу с Юрием и с Галой возможные варианты... Гала должна будет показать Юрию Черного Туза.... Нам важно взять в первую очередь его.

— Хорошо, Феликс Янович! — Никифоров погасил дотлевшую «козью ножку». — Увидимся еще сегодня у Каменцева. Да! Сведения об опекуне Галы, старике Кичиге, ты найдешь в нашей картотеке разыскиваемых. Кстати, Гале ты доверяешь?

— Вполне. Она искренне тяготится своим положением и ненавидит эту публику.

— Ладно, Феликс Янович... Девушка она, вероятно, хорошая, помочь Гале надо. Жаль, что в нашем городе не встретила сразу порядочных людей...

— Я уже говорил с моими друзьями-комсомольцами с бывшей Макаровской фабрики, — произнес Юрий. — Они ей помогут...

...Один из баянистов привстал со стула, откашлялся и томно запел:

У вагона я ждал, расставаясь с тобой,
Полный грусти прощальных мгновений...
И в мечтах о былом, вся душою со мной,
Ты мне бросила ветку сирени...

Танцующие продолжали шаркать вперед и назад по залу, а Юрий из своего угла внимательно наблюдал за ними. Нет, не так кружились он и Тамара на вечере-спайке! Правда, здесь, чтобы не выглядеть белой вороной, ему пришлось несколько раз вальсировать с Галой. По разработанной легенде Юрий выдавал себя за сынка богатого псковского торговца, которого папаша направил на Урал. Сынок должен был завязать

дружбу с местными коммерсантами и выведать все подробности об Ирбитской ярмарке. Газеты уже официально объявили, что ярмарка будет продолжена и в следующую зиму...

— Только, — предупредил Юрия Феликс, — не разыгрывайте из себя купчика из пьес Островского. Зрителем спектакля будет матерый волк, если заметит фальшь, не дождется конца даже первого акта... Оставайтесь самим собой... И учтите: у Прохора Побирского сотни лазеек. Вы же должны будете нащупать его единственный настоящий ход...

И теперь днем вместе с Феликсом Юрий продумывал детали плана по обезвреживанию Прохора, а вечерами, одевшись по моде и получив определенную сумму денег, отправлялся на свое дежурство в «Пале-Рояль».

Но кончилась неделя, началась другая — ни Прохор, ни Кичига, ни их сообщники в ресторане на появлялись.

Тогда Феликс предложил Юрию заглянуть в магазин Федора Растегаева...

И в четверг Юрий уже сидел за ресторанным столиком рядом с Растегаевым и рассказывал новому «другу» о Пскове. Все эти сведения были получены им от Феликса, которому в бытность учения в Петроградской милицейской школе приходилось выезжать на Псковщину. Растегаев щурил маленькие довольные глазки, теребил пальцами меховой жилет и на вопросы Юрия отвечал одной и той же фразой: «А я вот жениться надумал...»

Пил он мало, что очень устраивало Юрия,— не надо было пить самому. Вчера, когда швейцар раболепно подавал им с Растегаевым пальто, Юрий, изображая загулявшего нэпманчика, напомнил «другу»:

— Феденька, и завтра мы здесь встречаемся. Угощаю опять я.

— Па-азволь! Пазволь, брат, и мне тебя угостить, — бубнил Растегаев и кивал в такт доносившейся музыке. — Я по бабушке — москвич... А москвичи все хлебосолы!.. Понял?

— Феденька, ты меня обижаешь, — капризным тоном возражал Юрий. — Угощаю я...

— Нет, это ты меня обижаешь!..

Разговор о завтрашнем дне на вешалке велся не

случайно. Связь швейцара с бандитами не вызывала никаких сомнений, но преждевременный его арест наверняка бы спугнул Черного Туза. Швейцар был под усиленным наблюдением, только результатов этого пока не чувствовалось. Или он действительно сейчас не встречается ни с кем из шайки, или искусно водил уголовный розыск за нос.

Приглашая Растегаева вновь посетить «Пале-Рояль», Юрий вовлекал швейцара в игру: ведь сотрудники угро знали, что Прохор Побирский интересовался владельцем мехового магазина. Если швейцар клюнет, развязка не за горами...

Половинки стеклянных дверей раскрывались не переставая, но Растегаев сегодня почему-то опаздывал. И Юрий, чтобы отвязаться от подсевшего к нему назойливого хмельного старикашки, пригласил Галу на танец...

Сдержанный гул голосов доносился сквозь яростные аккорды баянов. Хлопали пробки. Блестящие глаза Галы тревожно скользили по лицам людей, входящих в ресторан. Это тревожное ощущение понемногу передавалось и Юрию. Но внешне он старался казаться беззаботным.

Если в зале объявится Прохор Побирский, Юрий должен пройти в кабинет хозяина и попросить разрешения брякнуть по телефону. Пустяковый телефонный разговор не вызовет никаких подозрений, а в уголовном розыске все будет ясно. Затем, возвратившись...

Неожиданно глаза у Галы сделались большими. Юрий, вальсируя, повернул и увидел на пороге бородатого человека. Человек, протирая очки и покусывая губы, удивленно уставился на Галу.

— Он, — едва слышно шепнула девушка.

Но в этот самый момент бородач, оттолкнув входящего в зал Растегаева, мгновенно исчез за стеклянными половинками дверей. Юрий не раздумывая бросился вслед за ним. В раздевальной дорогу ему преградил швейцар. Юрий ударил его кулаком в грудь и выбежал на улицу.

Бородач, выигравший несколько секунд, уже вскочил в извозчичий экипаж, дежуривший у подъезда. И экипаж понесся в сторону Главного проспекта. На счастье рядом стоял второй.

— Гони! — приказал Юрий дремавшему старику-извозчику.

— Куда? — не понял очнувшийся старик, ошалело глядя на человека без пальто и без шапки.

— За тем вон, за тем! — протягивая вперед правую руку, нетерпеливо крикнул Юрий. — Быстрей, быстрей!

Перелетев на рысях Главный проспект, они поравнялись в Воеводинском переулке с преследуемым экипажем, но на мягком сиденье под кожаным верхом никого не было. Даже сам кучер не мог объяснить, куда делся пассажир.

— Сей минут ведь он меня понукал, — говорил огорошенный извозчик. — Целый червонец сулился дать, коль шибче поеду.

— Адрес, — допытывался Юрий. — Какой он назвал адрес?..

— А леший знает!.. Велел прямо скакать...

Из темноты вынырнул еще один экипаж с Владимировым и Борисом Котовым.

— Докладывай обстановку, — без всякого вступления начал Владимиров. — Мы как угорелые за тобой от ресторана припустили...

XXXIV

Воспользовавшись темнотой, Прохор в самом начале Воеводинского переулка на полном ходу выпрыгнул на обочину дороги и укрылся в ближайшей подворотне. Мимо пронеслись его преследователи. Понимая, что сейчас они остановят пустой экипаж, Прохор не раздумывая дернул кольцо малозаметной калитки и очутился в неизвестном дворе. Там никого не было, только стояли какие-то телеги, прикрытые рогожами.

Глянув на клочковатое небо, где до сих пор высоко по-зимнему мигали тусклые звезды, Черный Туз почувствовал холод: шапка и полушубок остались в «Пале-Рояле»...

...К Кичиге Прохор сначала не собирался, да прижала нужда. На вокзал или в иное место без полушубка, в кармане которого к тому же остался и браунинг, было не сунуться. Кроме того, не так-то много имелось при себе и наличных денег... И, петляя укромными закоул-

ками в сторону постоялого двора, в модном пиджаке под удивленными взглядами редких прохожих, Прохор, несмотря на мартовскую оттепель, так намерзся, что в душе еще все больше и больше рос гнев на Галу...

...Увидев Прохора без верхней одежды да еще с расцарапанной щекой, Кичига, Гришка-Артист и вдова Аграфена Лукиных были несказанно удивлены. Кичига быстро поднялся с пуховой перины и скороговоркой произнес:

— Христос с тобой, Прохор Александрович!.. Стряслось что?.. Вид-то у тебя...

Прохор устало опустился на лавку и искоса посмотрел на вдову:

— Извини, Аграфена, у нас начнется разговор не для твоих ушей.

— Брысь, ягода! — ничего еще не понимая, распорядился и Кичига.

Когда Аграфена, испуганно крестясь, выпорхнула за дверь, Прохор встал с лавки и процедил сквозь зубы:

— Все... Ждите развязки...

И это прозвучало так многозначительно, что Кичига озабоченно зашептал:

— Господь, помилуй, сохрани и спаси... Какой развязки?..

— Господь, сохрани и спаси! — передразнил Прохор старого грабителя и усмехнулся. — Как бы не так, отец Кичига!.. Зря ты на Аграфену кричишь! Не она змея-то подколодная!..

— А кто, Прохор Александрович?

— Если хочешь знать, Гала твоя — вот кто.

Обогревшись кружкой самогона, поданной услужливым Гришкой, Прохор продолжал:

— Помните, как я подкараулил милиционера?

— Помним-помним, Прохор Александрович, — лихорадочно трясся Кичига. — Сам господь милостивый тому свидетель...

— Затем решил вернуться, проверить, отдал тот милиционер богу душу или нет. Но люди со всех сторон уже сбежались. И какой-то парень в кургузом пальто распоряжался. Вскоре конные мильтоны прискакали. Тот парень оказался из их компании.

— Да не тяни, Прохор Александрович! Про Галу исповедуй...

— Про Галу? Сегодня по знаку Саньки-швейцара выкинулся я в «Пале-Рояль», чтобы Растегаева застолбить. И вижу, в зале ресторана Гала, разлюбезная, танцует с тем самым парнем из милиции. Не хватало, чтобы у ней еще сбоку наган висел!

— Креста на тебе нет! Танцует?

— Да, танцует! И на меня его навела... Но я не из желторотых: ушел, как видишь.

— Может, Прохор Александрович, ты ошибся?.. Может, своя своих не познаша?

— Пока мы здесь лясы точим, — взорвался Прохор, — Санька уже арестован и, верь мне, продает нас...

— Санька — мужик честный! — успокаивающе сказал Кичига. — Да и про Аграфенин постоялый двор ему неизвестно...

— Какое благородство! — фыркнул Прохор. — Саньке-швейцару не известно, зато известно Леньке-Интеллигенту. Санька всех выдаст, чтобы шкуру сберечь... Пойми, отец Кичига, такое теперь пойдет!.. Спутала твоя змея все наши карты!

— Если так, — произнес Кичига, и в голосе его прозвучали одновременно и тоска и угроза, — то десница божья не заставит себя ждать...

Глаза Прохора сузились.

— И без десницы божьей обошлись бы, — прошептал он, — да время не терпит... — И, повернувшись к Гришке, хрипло спросил: — А ты, Артист, что молчишь? Ты что, не хочешь ничего сказать?

— Как это вам нравится? — вопросом на вопрос ответил Гришка. — Меня спрашивают, хочу ли я что-нибудь сказать... Хорошо, я скажу... Самое малое... Плюнуть на все и всех хочу, если игра наша накрылась...

— С этой минуты, — властно заявил Прохор, — никто «на все и всех не плюет»... Хватит самостийности! Все подчиняется железной дисциплине...

— А я Галу,— посмотрев на Прохора молящим взглядом, высморкался Кичига,— для себя растил... Аграфене мечтал отставку дать.

— Подумай лучше, отец Кичига, о души спасании! — отрезал Прохор. — Да Аграфену предупреди: уезжаем, мол, мы из города, и она с нами.

Кичига нервно закашлял:

— Куда?

— На вокзале уточним. Аграфена билеты купит. Ни мне, ни тебе, ни Гришке около касс ни-ни! Ну, зови свою кралю, я ей сам втолкую.

Когда Кичига вышел, Гришка как можно спокойнее и вежливее обратился к Прохору:

— Я бы мог и отдельно укатить... Зачем быть помехой — расходы лишние.

— Слушай, Артист! — нахмурился Прохор, — никуда ты не сбежишь... Понял? Раньше твои родственники по всему Черноморью хлебом торговали и богатством славились. И ты имел право с такими, как мы, не знаться... А теперь? Теперь в память о былом величии носишь лишь фальшивые брильянты...

— Что вы плетете, Прохор Александрович? — зло сплюнул Гришка. — Что вы плетете? Начихать на родственников! Они все давно в Константинополь смотались...

— А ты, выходит, в России остался и бандитом заделался! — Колючими глазами обегая его лицо, усмехнулся Прохор. — Патриот!..

— Бандитизм — это временное жертвоприношение! — вывернулся Гришка. — И брильянты — это не память о былом!.. Смотрите на них, Прохор Александрович! Это отдушина в моей будничной жизни. Брильянты, пусть и фальшивые, возбуждают меня...

— Ну хватит! — цыкнул Прохор, кусая губы. — Где твоя шведская бритва?..

XXXV

Широкая вокзальная площадь с темным палисадником посередине была окружена кирпичными складами, торговыми ларьками и низенькими деревянными строениями. На одном из таких невзрачных строений красовалась заманчивая вывеска «Кавказский закусь и любой горячий пищ». Сейчас, «Горячий пищ», где днем околачивался и шумел всякий переходной люд, был уже закрыт. Не светились и соседние ларьки. Лишь один вокзал в глубине площади мигал закопченными фонарями.

Во дворе «Горячего пища», за кучей пустых ящиков и рогожных кулей, прятались Прохор, Кичига и Гришка-Артист.

Поначалу все складывалось удачно. Аграфена, к удивлению Прохора, охотно согласилась на время,— как ей было сказано, — уехать из города. Она не потребовала дополнительных объяснений и кокетливо заявила:

— Раз надобно, значит, надобно! Наше дело простое, бабье. Коли мужики приказывают, выполняем. Спиридоныч, дворник, за домом присмотрит, ему не привыкать.

— Намекнешь Спиридонычу, что в загородное село к болящей сестре собралась, — буркнул Кичига.

— Будет, отец, исполнено, — смиренно поклонилась вдова и вышла.

Сам же Кичига, услышав от Прохора, что им придется сбрить бороды, взбунтовался. Голос его дрожал, прерывался кашлем, когда он доказывал, что «есаул» сгущает краски, что никто на бороду и внимания не обратит.

— Замолкни, отец Кичига! — стараясь не терять спокойствия, скривился Прохор. — Всего, конечно, в жизни не предусмотреть... Но первые наши приметы для милиции — бороды.

И тот в конце концов сдался. За десять минут Гришка мастерски побрил и его, и Прохора. Глянув опасливо в карманное зеркальце, Кичига взвыл. Вместо почтенного лица с окладистой бородой оттуда смотрела изрытая морщинами старообразная физиономия с голыми щеками. Прохор же без бороды помолодел лет на семь.

— Хорошо тебе, Прохор Александрович! — горестно крякнул Кичига.

...За воротами «Горячего пища» неожиданно послышался чуждый для умолкнувшей площади звук. Где-то близко шел человек. Прохор, Кичига и Гришка не сговариваясь накрылись кулями и замерли.

— Отец! — раздался рядом тревожный шепот Аграфены. — Где ты, отец?

— Слава богу! — радостно перекрестился Кичига, сбрасывая куль. — Явилась.

— Сюда, Аграфена Зосимовна, — тихо позвал Прохор, — сюда!

Аграфена должна была купить в вокзальной кассе

четыре билета в сторону Перми или Казани на любой поезд. На восток, в Сибирь, Прохор возвращаться не хотел. В пути он мечтал, не брезгуя никакими способами, отделаться от своих компаньонов. Сейчас же надо было как можно скорее выпроводить их из города: лишних свидетелей похождений Черного Туза оставлять здесь не следовало. Прохор не сомневался, что после сегодняшней истории в «Пале-Рояле» все постояльцы Аграфены Лукиных станут известны уголовному розыску.

— Вот, отец, — тараторила между тем вдова, протягивая Кичиге билеты, — раздобыла... Проходит иркутский поезд на Москву...

— Дай-ка сюда! — оборвал ее Прохор и спрятал билеты во внутренний карман длиннополой шинели, прихваченной на постоялом дворе. И строго спросил: — Узнала, на какой платформе посадка?

— Узнала... На второй, — насупилась Аграфена.

— Садиться будем перед самым третьим звонком. Первой заходит Зосимовна, после нее — Артист, за Артистом — отец Кичига. Я замыкаю. Все!

То, что идти придется на ощупь и испуганно озираться, Прохор вслух не сказал. Если бы сразу, часа два назад, попасть на поезд и не терять драгоценного времени! Теперь же надо набраться терпения и ждать. А это хуже всего: милиция ведь не ждет.

— С милой Галой, дай ей бог всяких благ, значит, не попрощаемся? — с какой-то особой учтивостью поинтересовался Гришка-Артист. — Кошмар подумать.

Злая улыбка мелькнула на лице Прохора и исчезла.

— Гора с горой не сходятся, а человек с человеком сойдется, — многозначительно хмыкнул он и встрепенулся: — Который час?

— Ну ее, Галу! — процедил сквозь зубы Кичига и, достав огромные кондукторские часы, поднес их к самым глазам. — До поезда сорок минут.

— Теперича, выходит, Галу «ну»! — вдруг ехидно выпалила вдова. — А раньше?

— Что раньше? — подпрыгнул, словно ужаленный, Кичига. — Что раньше?

— Довольно! Амурные передряги разберем после! — рявкнул Прохор.

— А ты не командуй! — взорвалась вдова. — Сам

небось тоже в Галу втюрился. Я почему с вами поехала? Отца желаю подальше от греха блудного отвести. На тебя-то, Прохор Ляксандрович, мне начихать. Хоть сей миг лети и милуйся со своей Галой. Она вон на вокзале. Я эту трясогузку еще с похорон ее тетки приметила...

— Как, на вокзале? — опешил Прохор. — Ты чего мелешь?

...Оказалось, что очередь в билетную кассу протянулась через весь зал. И Аграфена, если бы не увидела знакомого носильщика, кума умершего мужа, махнула бы на все рукой. Но кум за небольшую мзду пообещал раздобыть билеты.

— А пока, Зосимовна, — молвил он, — проведу я тебя в нашу дежурку, отдохни там, кипяточку попей. Как в двери гляну, выходи.

— И вот около дежурки-то, — наслаждаясь обалделым видом Прохора, рассказывала бойко Аграфена, — я и видела эту самую Галу. С милиционерами она шепталась... Ну, а как кум меня поманил, я не удержалась и, когда мимо Галы проходила, шепнула вашей зазнобе: не видать тебе больше никогда отца Кичигу. Уезжает он...

Дрожа от гнева, Прохор прервал вдову:

— Ты продала нас, дура! Бежим! На площадь не выходить!

Но вдова, рывком бросившись вперед, сшибла Кичигу и, навалившись на него, крикнула:

— Отца не пущу, не пущу! Мой он!

Прохор, пожалев, что не имеет при себе пистолета, пнул Аграфену и ринулся к забору. Гришка-Артист последовал за ним. Но в этот момент по ящикам и кулям заплясал тонкий луч карманного фонарика.

«Успели. Выследили! — пронеслось в голове Прохора. — Эх, коня бы...»

— Руки вверх! — прозвучало в темноте.

Не обращая внимания на приказ, Прохор напружинился и перемахнул в соседний двор. Но кто-то невидимый заученным приемом тут же вывернул ему правую руку и ловко оглушил ударом в затылок.

— Сдаюсь, — послышался рядом, за забором, хрип Гришки-Артиста.

И Прохор понял: сопротивляться бесполезно...

Эх, зачем подался он сюда, на Урал?! Зачем связался с шайкой Кичиги?! И сколько ведь раз уже собирался уехать из этого проклятого города... Ну, кто его здесь держал? Кто?.. Теперь всему конец...

...Утром в уголовный розыск прискакал на рыжем горячем коне Каменцев.

— Разрешите доложить! — встав из-за стола, молодцевато стукнул каблуками Никифоров, как только начальник губернской милиции вошел к нему в кабинет.

Через десять минут свободные от дежурства сотрудники, и среди них Феликс, Юрий, Борис Котов, Владимиров и Егор Иванович, сидели в кабинете начальника. Говорили все разом, вспоминая удачно проведенную операцию. Каменцев с Никифоровым никого не прерывали, понимали: спадает нервное напряжение, царившее в уголовном розыске последние недели.

Наконец, когда шум мало-помалу затих, Никифоров, разведя руками, произнес:

— Ну, дела, товарищи! Николай Яковлевич меня спрашивает, кто больше всех отличился при обезвреживании банды Прохора Побирского, а я... Я докладываю: единично отличившихся нет и представить к поощрению никого отдельно не могу. И те, кто с самого начала участвовали, и те, кто позднее присоединились, — все одинаково действовали. Всем надо выразить в приказе благодарность... А вот Вадима Почуткина и Тамару Давыдову, комсомольцев с бывшей Макаровской, а также официантку Галину Южину следует отметить особо...

— Значит, не зря провели на фабрике вечер-спайку? — улыбнулся Каменцев.

И всем сразу вспомнился тот вечер, и доклад Никифорова, и концерт самодеятельности, на котором Вадим Почуткин мастерски читал манифест белогвардейского генерала барона Врангеля, и танцы под духовой оркестр губернского управления милиции.

А Юрий? Юрий вспомнил свой первый вальс с Тамарой, вспомнил Яшу Терихова... Нет среди товарищей Яши Терихова, погиб от бандитской пули. Мало он прожил, до обидного мало!..

— Но, однако, и сотрудников уголовного розыска тоже отметить надо, — сказал Каменцев, наклонившись к Никифорову.

XXXVI

Клуб бывшей Макаровской фабрики был, как в праздничный день, украшен кумачовыми полотнищами лозунгов. На сцене висел большой портрет Владимира Ильича Ленина. Обновленная рамка источала запах свежей древесины. В клубе и около него гудел народ: рабочие фабрики, сотрудники уголовного розыска, жители ближних кварталов...

Юрий и Тамара сидели в пятом ряду, вблизи примостились Ванюшка и Витюшка.

Узнав, что Юрий Петрович идет сегодня в клуб, они увязались за ним.

— Почему нет Феликса Яновича? — поинтересовалась Тамара.

— Феликс Янович немножко опоздает, — наклоняясь к ней, ответил Юрий. — Он на вокзале: провожает Ускова. Усков поступил в гастрольную труппу Походникова и нынче едет в Шадринск.

— Все-таки жена Ускова умерла! — вздохнула Тамара.

— Умерла... Но хочу тебе сказать, что дело ее убийцы белогвардейца Прохора Побирского выделено из общего дела всей шайки и передано в ревтрибунал.

И перед глазами Юрия, как кинолента, промелькнули события той ночи.

...Нарвавшись на засаду в соседнем дворе, Прохор растерялся. Это Юрий хитрым приемом, которому научил его покойный Яша, сумел преградить путь «есаулу».

— Не вздумайте бежать, — вытаскивая из расстегнутой кобуры наган, предупредил он Прохора и, повернувшись к появившемуся из темноты своему напарнику, распорядился:

— Обыскать!

Затем, когда Черного Туза, Кичигу, Гришку-Артиста и Аграфену Лукиных вели по пустынным улицам в уголовный розыск, Кичига, догадавшись, что главный здесь Феликс, рискнул обратиться к нему:

— Не губите, гражданин начальник! Господом богом молю, не губите! Все сие он, Побирский...

— Вы умный мужчина, гражданин начальник, — заюлил и Гришка-Артист, — я сам собирался до вас. Я имею надежду, что вы мне поверите.

— Господи, я-то чем виноватая! — рыдающе воскликнула Аграфена.

— Ладно! — оборвал их Феликс. — Хватит!.. — повысил он голос и скомандовал: — Прибавить шаг!

...Тамара тронула Юрия за плечо:

— Юра, что с тобой? Ты как-то странно вдруг замолчал?

— Ничего, Тамара, ничего, — слабо улыбнулся в ответ Юрий. — Задумался я... Все-таки, какие молодцы наши ребята! А вон, гляди, и Феликс Янович! Махни косынкой, пусть увидит, что мы заняли ему место.

И Юрию вспомнилось, как в уголовном розыске, когда туда привели бандитов, Феликс спросил:

— Были ли все-таки с вами еще люди?.. Говорите по-честному!

— Никого, гражданин начальник, не было, — подобострастно ответил Кичига и перекрестился. — Бес возрадуется, коли я соврал...

— Старик сообщает правду,— подтвердил Гришка.— Аграфена Зосимовна это же скажет... Чтоб я горел вечным огнем...

— Я, конечно, никогда не надеялся на таких босяков, — тихо, но угрожающе произнес Прохор. Челюсть его отвисла, веки задергались. — Знал, что продадут при первой же неудаче... Но и они не очень-то чистенькие...

— Следствие разберется, кто в чем и насколько виновен, — пояснил Феликс. — Материалов о преступлениях вашей банды у нас достаточно.

— Меня не интересуют следственные материалы, — прохрипел Прохор. — Меня интересует, как вы догадались, что мы будем на вокзале?

— Догадаться было нетрудно.

— Нетрудно?

— В ваших действиях мы нашли слабинку.

— Слабинку!.. Какую?

— Хотите знать?.. Вы слишком быстро принимаете свои решения... Быстро, например, расправляетесь со всеми, кто становится вам поперек. Вспомните Евгения Тихонова, Фаддея Раздупова...

— Раздупова я не трогал, не трогал! — запальчиво крикнул Прохор.

— Но до самоубийства, видимо, довели, — спокойно продолжал Феликс. — Вы или кто-то из вашей банды подкараулили на плотине Терихова... Сегодня, когда вам лично показалось, что Гала...

— А вокзал? Почему именно...

— Да все потому же... Я мысленно поставил себя на ваше место... Если угро наступает вам на пятки...

— Мы могли бежать из города по любому тракту...

— Могли, правильно... И этот вариант нами был предусмотрен: тракты уже прочесываются конной милицией... Однако железная дорога и вернее и быстрее...

— Правильно, гражданин начальник! — не выдержал Кичига и воскликнул, указывая на Прохора: — Только и господа милостивого благодарить надобно, что устами недостойной Аграфены надоумил вас за ней слежку устроить и Прошку-Офицера, душегуба окаянного, схватить...

Гришка-Артист, подтолкнув Прохора локтем, сочувственно, но вместе с тем иронически шепнул:

— Что вы прорычите на монолог отца Кичиги? Умнейшая голова — отец Кичига...

— Предатели! — только и смог выдавить Прохор.

Пока Феликс пробирался между рядами, Тамара шепнула Юрию:

— Знаешь, Юра, эта Гала, которую ты привел к нам на фабрику, очень симпатичная девушка, только какая-то неразговорчивая. Она в общежитии теперь живет в одной комнате со мной...

Феликс наконец очутился рядом с ними.

— Здравствуйте, друзья! — сказал он. — Поспасибствовать вам хочу, так бабушка моя говорила, что местом меня обеспечили... И Ванюшка с Витюшкой тут?

— Нас Михалыч с Юрием Петровичем хоть куда отпустит, — гордо произнес Ванюшка.

— Юрий Петрович велел, чтобы Михалыч нас в школу записал, — хвастливо добавил Витюшка.

— Это хорошо! — потрепал их за вихры Феликс. — Когда в школу пойдете?

— В школу пойдем первого сентября, — удивленно посмотрел на него Ванюшка. — Разве вы не знаете, что уроки начинаются первого сентября?

А Витюша деловито сказал:

— Летом мы с Михалычем еще карусель покрутим, после Михалыч ее продаст, а сам банщиком в горкомхозовскую баню поступит...

— Тоже хорошо! — засмеялся Феликс. — Я париться в бане люблю, буду ходить в парилку к вашему Михалычу... Да, чуть не забыл. — И Феликс стал серьезным. — Юрий, мне Валерий Прокопьевич точно обещал, что осенью вас командируют на учебу в Петроградскую школу комсостава милиции. Поздравляю! Ну как? Довольны?

— Спасибо, Феликс Янович!

— В Петроград? — чуть слышно прошептала Тамара.

На сцене за длинным столом появился секретарь партячейки. Он попросил тишины и предложил выбрать президиум собрания. И когда члены президиума заняли свои места, секретарь каким-то чуть-чуть изменившимся голосом доложил:

— Товарищи! Наша просьба о переименовании бывшей Макаровской фабрики в фабрику имени Владимира Ильича Ленина удовлетворена!

И присутствующие в зале устроили такую овацию, от какой, казалось, стены деревянного клуба должны были рухнуть.

Потом выступали ораторы, благодарили за оказанную честь, обещали не посрамить фабрику, говорили о ее революционных традициях и ее нынешних делах. Зал шумел и дружно аплодировал.

А Вадиму Почуткину собрание доверило прочитать письмо Владимиру Ильичу Ленину. И при полной тишине Почуткин взволнованно читал с трибуны:

— Дорогой товарищ Ленин! Мы, рабочие и работницы фабрики, носящей с сегодняшнего дня твое имя, шлем тебе горячий, сердечный привет. Вместе с приветом мы шлем тебе пожелания, чтобы ты поборол болезнь.

Товарищ Ленин! Наше дело еще не докончено, нам надо укрепить советскую промышленность. Мы у себя уже подняли ее до восьмидесяти процентов по отношению к 1913 году. А тебе, дорогой товарищ Ленин, фабрика, названная твоим именем, преподносит скромный подарок: последний выпуск работниц фабрики из школы ликвидации неграмотности. Поскорее выздоравливай, дорогой Ильич!

Наклонясь к Юрию, Тамара тихо сказала:

— Первоначальный проект письма сочинял Вадим. А ты, Юра, правда собрался в Петроград?

— Да, Тамара, — тихо ответил Юрий и осторожно прикоснулся пальцами к ее теплой ладони. — Но... потом и ты приедешь... Я найду тебе в Петрограде работу... Или, нет, ты тоже поступишь куда-нибудь учиться. Приедешь?..

— А что? И приеду! — сказала Тамара и ласково сжала пальцы Юрия. — Только знаешь, потом мы снова вернемся сюда, на Урал. Ладно?

— Обязательно вернемся...

Захаров С. А.

З-38 Тревожные будни. Свердловск, Средне-Уральское кн. изд-во, 1976.

128 с. с ил.

Повесть о первых годах работы советской милиции на Урале. Книжка рассчитана на старший возраст.

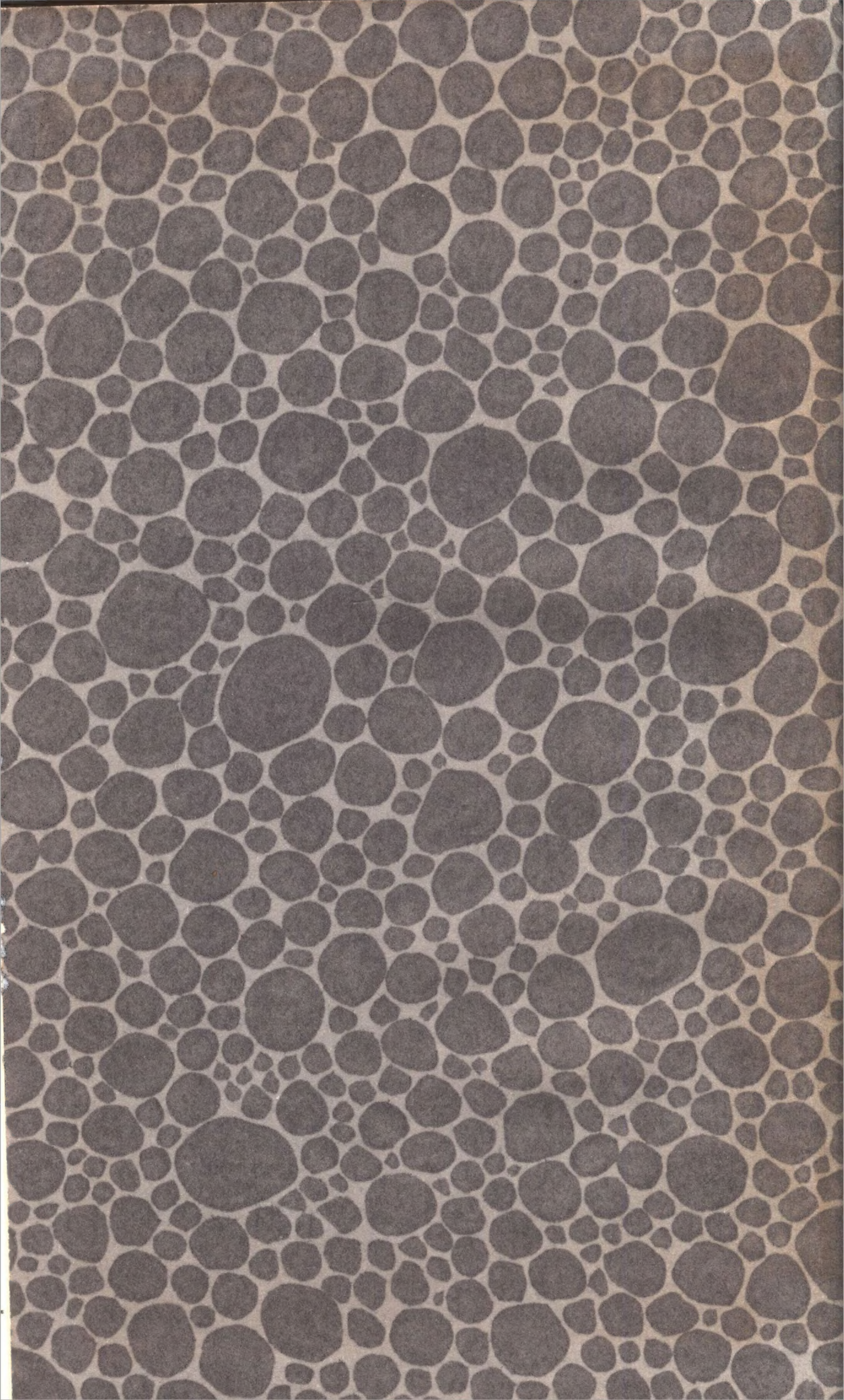
З $\frac{70803-071}{М158(03)-76}$ Р2

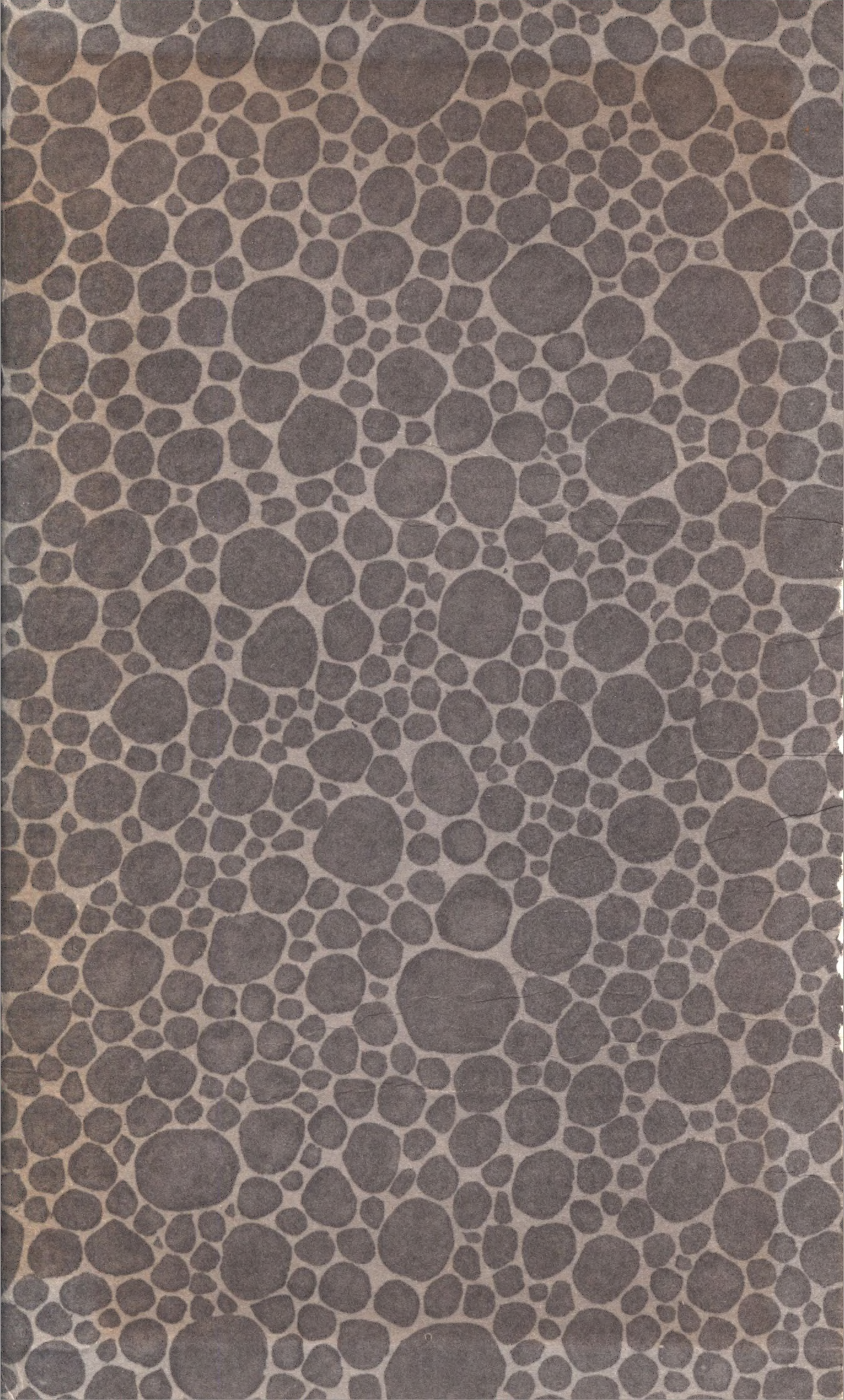
Стефан Антонович Захаров
Тревожные будни

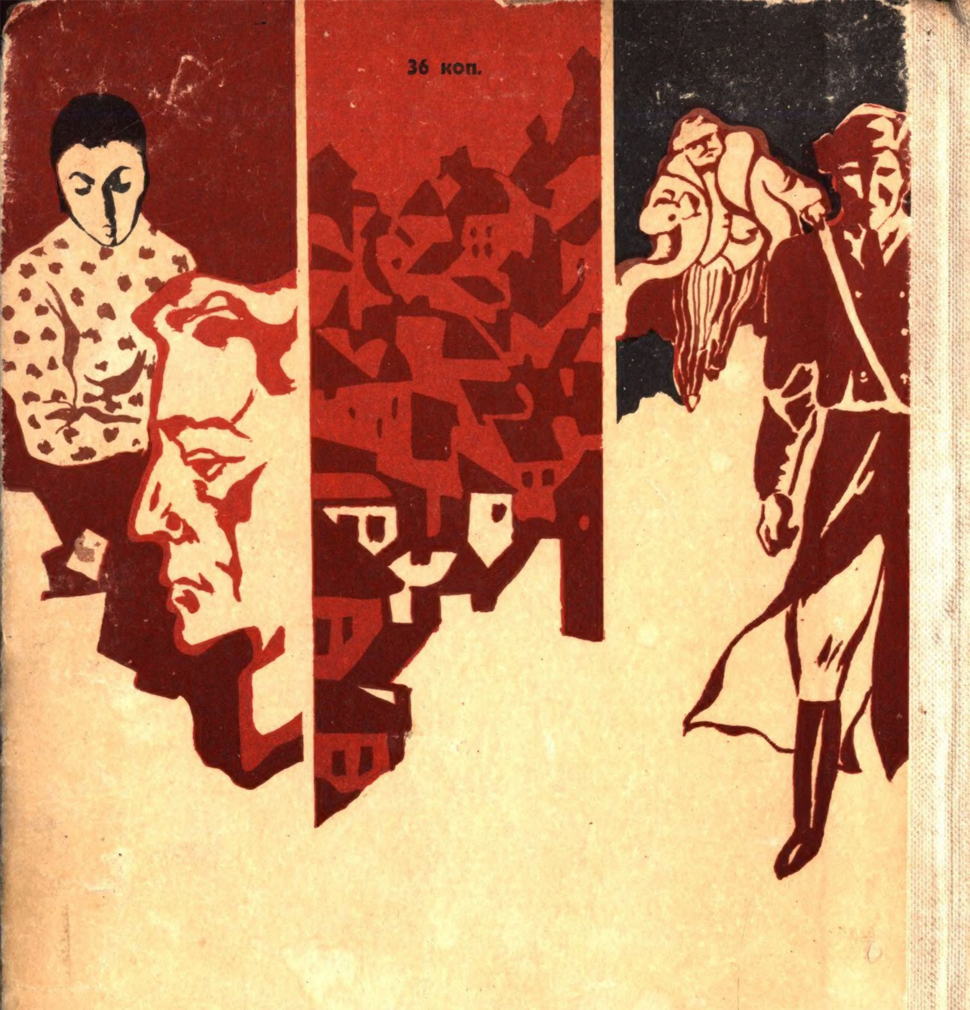
Редактор С. В. Марченко
Художник Е. И. Стерлигова
Художественный редактор Ю. Н. Филаненко
Технический редактор Л. М. Голобокова
Корректоры Е. В. Иванова, О. Б. Щеголева

Сдано в набор 15/IV 1976 г. Подписано в печать 28/VII 1976 г. НС 12345. Бумага тип. № 1. Формат 84×108[1]/32. Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 6,7. Тираж 60 000. Заказ 236. Цена 36 коп. Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, Малышева, 24. Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

са-
45.
/32.
иж
ед-
во,
ра-
й»,

Свердловск
Средне-Уральское
книжное
издательство
1976

С. ЗАХАРОВ ТРЕВОЖНЫЕ БУДНИ